~ Федор Конюхов ~
МОИ ПУТЕШЕСТВИЯ
СЛЕДУЮЩИЕ 10 ЛЕТ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Федор Конюхов – альпинист, яхтсмен и полярник. В 15 лет он осуществил свою первую экспедицию – пересек Азовское море на весельной лодке. А к 63 годам он совершил более 50 уникальных экспедиций и восхождений. Не будучи профессиональным спортсменом, Федор Конюхов участвует в самых разных гонках. Он ставит себе целью дойти до конца, а не прийти первым.

Эта книга о том, как найти себя и свой путь, свои полюсы и вершины, о поисках целостности и свободы. В ней вы узнаете об одиночном походе к Южному полюсу и изнурительной гонке «Айдитарод» на собачьих упряжках, о двух одиночных кругосветных гонках на яхте, а также об экспедиции «Великий шелковый путь» по степям Калмыкии и одиночном переходе на весельной лодке через Атлантический океан.

- Федор Конюхов, Ирина Конюхова
  - ○
  - ○
  - ○ Глава 1
    - ■ Полет к старту
    - ■ Первое измерение
    - ■ В путь
    - ■ Второй день в пути
    - ■ Путник, рад встретить тебя
    - ■ Плохой день
    - ■ Пришлось пойти на риск
    - ■ Решающая попытка
    - ■ Я с детства мечтал познать мир
    - ■ Как все ускорить?
    - ■ Если хочешь стать настоящим человеком, научись отдавать
    - ■ Смысл жизни
    - ■ В Антарктиде снег не скользит
    - ■ Вера
    - ■ Холод
    - ■ Тяжело идти
    - ■ Я готовил себя духовно
    - ■ Как далеко до полюса!
    - ■ Думаю о погибших
    - ■ Сломалось крепление
    - ■ Мы живем на грани жизни и смерти

- Рекорд
- Мерзнут ноги
- Все время вверх
- Хочется рисовать
- Планы новых экспедиций
- Подарок друга
- Другая жизнь
- Хочется быть одному
- Воображению художника нет предела
- Рай – это быть рядом с любимой
- Я научился довольствоваться тем, что у меня есть
- Хороший день
- Прохожу горы Тил
- До полюса 459 км
- Что дальше?
- И в Антарктиде бывает хорошая погода
- Тяжелые дни
- Прошел зону трещин
- Очень устал
- Прошел 11 миль – неплохо!
- Я иногда вспоминаю запах костра
- 12 миль позади
- Осталось мало продуктов
- Жду самолет
- Уходящий год, год новый
- Хватит ходить по холодам
- На подходе к Южному
- Я добрался за 59 дней, а шел сюда пять лет
- Новая задача
- Что Бог ни делает, все к лучшему
- Планы
- Поднялся на самую высокую вершину Антарктиды – массив Винсон
- Мир тесен
- Ожидание
- Надо идти на гору Аконкагуа
- Вершины
- Аконкагуа
- Килиманджаро
- Пик Костюшко
- Мак-Кинли

○ Глава 2

- Гавр – Чарлстон[37]

- Потому что ты выберешь яхту
- Мы пересекаем Ла-Манш
- Хорошо, что у меня есть помощники
- Что принесет первая ночь в океане?
- Я давно не слышал такой тишины
- Надо дождаться попутного ветра
- Надо отойти подальше от пароходов
- Я бы назвал свою яхту «Неукротимая»
- Возвращаюсь в Европу
- Никаких проволочек
- Вышел из Лиссабона
- Когда же это кончится!
- Надо оставаться хозяином положения
- Великое изобретение – спутниковый телефон
- У меня каждый день что-то случается
- Когда я окажусь в обществе людей?
- Человеческая жизнь зависит от солнца
- Чем ближе к Америке, тем больше кораблей
- Мы говорили о моем прилете в Чарлстон
- В океане для счастья надо совсем немного
- Авария
- Господь мне дал подарок
- Закон подлости
- Рядом идет ураган
- Шторм
- На десять часов пути – час привала
- Иду на север
- У меня все ослаблено
- Приходится все время находиться на палубе
- Ничего нет сухого
- Новости
- Американцы на борту
- Мои гости

- Этап Чарлстон – Кейптаун
  - Старт
  - Только море, яхта и я
  - Одиночество радует меня
  - Болеют слабые духом
  - Древние греки были мудрыми
  - Слова отца
  - Дом дорады

- День рождения внука
- Меня всегда преследует детство
- Яхта бьется о каждую встречную волну
- Страшно и тревожно
- Нельзя спать
- Я влетел в черную дыру
- Здесь что-то есть, что управляет не только океаном…
- Не стреляйте в пианиста
- Дождевая вода мягкая
- Я не спортсмен
- Волны, волны, волны…
- Пересекаю экватор
- Откуда я? Для чего пришел в этот мир?
- Взгляд кита
- В мою основу заложена двойственность
- Вот я и попался
- Как мало человеку нужно для радости!
- Даже душа покрылась мозолями
- Что меня преследует?
- День рождения Иринушки
- Я в Восточном полушарии
- Неприятность
- В океане нас только двое
- До Кейптауна ровно три градуса
- Я заплакал

- Этап Кейптаун – Окленд
  -
  - Подарки от жены
  - Не могу выйти в Индийский океан
  - Завтра мне исполнится 47 лет
  - Последняя улыбка солнца перед закатом
  - Океан вечный и неизменный
  - Прохожу острова
  - Шторм
  - Компьютер тоже вышел из строя
  - От сырости и холода я уже отупел
  - Я мечтаю о тихом счастье
  - Я впервые увидел Столовую гору
  - Новый год и новые проблемы
  - Всемирный круговорот судеб
  - Киты и косатки
  - Загадочное и таинственное Южное сияние
  - Налетели шквалы со снегом

- Моя яхта прошла сквозь радугу
- Мы зашли в глаз циклона[56]
- Мы на стыке двух океанов
- Шторм – вот школа смирения
- Меня тошнит от Тасманова моря
- Начинаю понимать, что такое смирение
- Прохожу Новую Зеландию

- Этап Окленд – Пунта-Дель-Эсте[60]
  -
  - Вышел из Окленда
  - Не хотел бы я жить в Новой Зеландии
  - Хочу еще раз увидеть мыс Горн
  - В Западном полушарии
  - Масленица
  - Вот и «ревущие сороковые»
  - Вот не везет!
  - Тихий океан сейчас не тихий
  - Отказали приборы на палубе
  - Ко мне в кокпит залетел дельфин
  - Бесконечные шквалы и холод
  - Нервная система сильнее любой брони
  - Я ничего не накопил
  - Мыс Горн – опасное место
  - Не гонка, а странствие
  - Я до сих пор не знаю, что такое «правильно»
  - Вот оно – счастье
  - Все вернулось на круги своя
  - До финиша 1323 мили
  - Суровый край
  - Он меня мытарит
  - Что это за существо – человек
  - Зачем спешить?
- Этап Пунта-Дель-Эсте – Чарлстон
  - Старт
  - Сегодня Пасха
  - Ночь напоминает фильм ужасов
  - Атлантический океан непостоянен
  - Жестокие чайки
  - Удача любит молодых и сильных
  - Монотонные дни
  - Я понял, почему путешествую
  - Мне уже хочется участвовать в Vendée Globe

- Пересек экватор
- Мой девиз
- Грустно заканчивать плавание
- День Победы
- Невозможно обойти вокруг света без приключений
- Якорный след
- Одиночество приучило меня к бескорыстию
- Четыре дня иду с одной скоростью – 80 миль в сутки
- Легче вернуться с Луны, чем из океана
- Если твои планы вдохновляют – тебе будут помогать
- Мне важен процесс, а не результат
- Ураган «Даниель»
- Плавание подходит к концу
- Вижу порт Чарлстон

○ Глава 3

- Подготовка к гонке. Аляска, ферма Линды Плетнер
  -
  - На ферме у Линды
  - Для меня тренируют собак
  - Фрэнсис
  - Мои собаки
  - Отсутствие снега
  - Новый маршрут
  - Ожидание
  - Встреча
  - Все собаки разные
  - Собаки в ботиночках
  - Собак нельзя все время кормить
  - Первый раз на санях
  - Команда
  - Последний день 1999 года
  - Гонка «Кник»
  - Я неопытный машер
  - Один день длиною в сотни миль
  - Йетна – Скветна
  - Праздные развлечения людей дорого обходятся
  - Следующий этап – «Клондайк-300»
  - Как быстро летит время

- «Клондайк-300»
- Снегоходы опаснее мусов
- Составляю новую пару
- Приближение гонки

- Гонка на собачьих упряжках «Айдитарод»
  - «Далекое место»
  - «Айдитарод» – торжественный старт
  - «Айдитарод» – день первый
  - «Айдитарод» – день второй
  - «Айдитарод» – день третий
  - «Айдитарод» – день четвертый
  - «Айдитарод» – день пятый
  - «Айдитарод» – день шестой
  - «Айдитарод» – день седьмой
  - «Айдитарод» – день восьмой
  - «Айдитарод» – день девятый
  - «Айдитарод» – день десятый
  - «Айдитарод» – день одиннадцатый
  - «Айдитарод» – день двенадцатый
  - «Айдитарод» – день тринадцатый
  - «Айдитарод» – день четырнадцатый
  - «Айдитарод» – день пятнадцатый
  - «Айдитарод» – день шестнадцатый, последний

- Глава 4
  - В ожидании старта
  - Первая ночь
  - Для мудрости нет предела
  - По профессии я путешественник
  - Нужно жить ради счастья
  - В океане нужно сохранять спокойствие
  - Наслаждаюсь безмолвием и покоем
  - Вдруг стало страшно от мысли, что я один
  - Из всех книг читаю только Библию
  - Я счастлив быть свободным
  - Птичка поет
  - Безбилетный пассажир
  - Колокольный звон
  - Я ухожу в плавание ради познания мира
  - Я ни с кем не соревнуюсь
  - Дедушка научил меня вести дневник
  - Везде нужен труд
  - Мозоли на душе
  - Туман

- Здесь – космос, здесь – жизнь
- Талант?
- Последний день уходящего века
- Яхтсменами становятся у мыса Горн
- Сегодня Рождество
- Орка
- На душе серо
- Спаси и сохрани!
- На палубе мороз
- Мной овладела меланхолия
- Ветер усиливается
- По стопам Криса Бонингтона[102]
- Я жив только благодаря чуду
- Идут шторма
- На западе снова тучи
- Я выхожу из гонки
- Эти шторма меня довели
- На самом деле я выиграл
- До Сиднея 500 миль
- Картина «12 апостолов»
- Я снова в Тасмановом море
- Скоро мы встретимся в Австралии

○ Глава 5

- Из записей Ирины Конюховой
- Планы
- Счастливое число тринадцать
- Первые впечатления
- Старт экспедиции
- Первые километры и первые испытания
- Схватка в степи
- Верблюд Яшка
- Танец судьбы
- Странный заповедник
- Опасно ссориться с верблюдом
- Десятый день пути
- Дождь в степи – хорошая примета
- Красота временна
- День отдыха
- День выдался тяжелым
- Верблюды скидывают шерсть
- Жизнь верблюда в диких условиях
- Возвращаемся в калмыцкие степи
- Люди воюют не из-за веры
- Земля – единая для всех

- Караван прошел уже больше трети пути
- Найденыш
- Радость дороги
- «Верблюдов нужно постригать»
- Булька и Сонька
- 29-й день пути
- Половина пути пройдена
- Вожак отстаивает право на лидерство
- Маленький город солнца
- Караван пять раз перешел евразийский Рубикон
- Первая православная церковь
- Атаман чувствует, что везет главу республики
- Большое Ремонтное
- Подарок
- Нужны ли лошади каравану?
- В общей дороге люди связаны между собой
- И вновь в дорогу
- Обильное
- Все немного устали
- А зачем ты живешь?
- Три свадьбы – хорошая примета
- Коней на переправе не меняют
- Приезд сыновей
- Причастность к роду
- Завтра – последний день пути
- Благодарю всех
- Завершилась экспедиция по следам Великого шелкового пути
- Я совершила свое восхождение
- Главное – идти. Дорога не кончается никогда

○ Глава 6

-
- Накануне плавания
- Старт
- Новый день
- На тысячи миль вокруг никого
- Странную веду жизнь – купил билет в один конец
- Я загнан в ловушку, как мышь в мышеловку
- Разве преодолеть мне бесконечность?
- Мое плавание – это мучительный поиск Господа Бога
- Приспособился к жизни в океане
- Океан не обязан быть великодушным

- Сделать полтора миллиона гребков
- Кто кого переиграет?
- День 18-й
- Бутылка с письмом
- Изматывающая жара
- Без луны ночи темные и страшные
- День 24-й
- Тревожно
- Быть первым
- Надо растить добро
- Раб своей мечты
- Месяц в пути
- У меня еще есть силы
- День 35-й
- Искра Божья передалась мне от матери
- Завтрашний день так ненадежен
- Хандра может свести с ума
- День 40-й, до финиша 500 миль
- Устал от качки
- Тяжело даются последние мили
- Бесконечная работа
- Валюсь от усталости
- Кто услышит мой голос в океане?..
- Ура-ура-ура!
- Заветная финишная линия

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106

- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124

Федор Конюхов, Ирина Конюхова
Мои путешествия. Следующие 10 лет

Издание предназначено для лиц старше 18 лет

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс».

© Конюхов Ф. Ф., Конюхова И. А., 2015
© Оформление, ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015

* * *

Учитесь моему пути.
Вы спросите: «Как прожить жизнь?»
Отвечаю: как по струне пройти через бездну. Красиво, бережно и стремительно.

Федор Конюхов

Глава 1
К Южному полюсу

Листая мой дневник, читатель не найдет в нем романтики и приключений, как в книгах Джека Лондона или Жюля Верна. Здесь есть только работа. И одиночество. Одиночество есть особая мудрость.

Федор Конюхов

Полет к старту

6 ноября 1995 года. Борт самолета «Геркулес», рейс Пунта-Аренас[1] – Пэтриот-Хиллз[2]

Первый в истории России одиночный поход к Южному полюсу с последующим восхождением на высшую точку Антарктиды – массив Винсон[3] (5140 метров).

Федор стартовал от ледовой бухты Геркулес 8 ноября 1995 года, достиг Южного полюса 5 января 1996 года.

Продолжительность экспедиции – 59 дней.

Протяженность маршрута – более 1100 километров.

07:19. Летим уже четыре часа. В самолете стоит гул от двигателей. Я, когда сел и услышал этот гул, вспомнил свою молодость. В начале семидесятых годов мы летели на десантном самолете воевать во Вьетнам. А сейчас я лечу к своей мечте – стартовать к Южному полюсу. Но чувства совпадают. Я тогда был молодой и думал, что Вьетнам – это романтика. Но, правда, твердил себе, что надо выжить. Вот и сейчас похожие чувства, хотя уже старый. Тоже лечу к романтике и твержу себе: надо постараться выжить и пройти этот путь до конца. Но на все воля Божья.

Я хочу установить на Южном полюсе российский флаг. Никогда еще за всю историю России он не стоял там. Хочу посвятить свой поход 175-летию открытия Антарктиды русскими мореплавателями Беллинсгаузеном и Лазаревым. Хотя они первые открыли этот континент, русские имена даже не упоминаются в зарубежных картах ледового материка.

Изучать Антарктиду мы начали в 1956 году. Сорок лет прошло. Сколько денег в нее вложили, а сегодня получается, что все затраты выброшены на ветер. Сейчас Антарктида разбита на сектора: американский, английский, чилийский, южноафриканский и другие, но нет там российской территории. А ведь Антарктида неслыханно богата полезными ископаемыми. Скоро все кому не лень начнут вывозить оттуда ресурсы, а мы будем только смотреть.

Мы очень неразумно организовали исследования в Антарктиде. Когда американцы установили свою станцию на Южном полюсе, в центре Антарктиды, наши отнеслись к этому

скептически. Почему-то посчитали, что для науки целесообразнее устанавливать станции на побережье. Якобы здесь и атмосферные перепады, и иные природные явления, которых нет в центре Антарктиды. В результате у американцев сегодня первоклассные самолеты, приспособленные к перелетам и посадке в любой точке Антарктиды, аэропорты, территории с большими залежами полезных ископаемых, а у нас ничего этого нет.

Я хотел через российские станции на нашей технике совершить поход на Южный полюс. Предложил: давайте я на парашюте спущусь с нашего самолета. А мне в ответ: нет самолетов, рассчитанных на дальнее расстояние. Да что там самолеты, когда на станции «Восток» одни лыжи на всю базу! Поэтому мне пришлось лететь через Чили на американском самолете…

Зашел в кабину пилотов, из нее открывается очень красивый вид. Белые поля снега, чистого снега. Я как увидел, так мурашки по телу побежали. Есть еще на нашей прекрасной Земле чистые места, именно они меня и привлекают.

В Антарктиду летит четырнадцать человек, из них пятеро пойдут к полюсу: англичане Дэвид Адамс и Уильям Роджерс, норвежец Берге Осланд, поляк Марек Каминский и я. А остальные – ученые, будут работать в Антарктиде, кто пингвинов снимать, кто еще что-то делать. Все из Англии и Америки.

Вышел из кабины пилот и из-за шума показал на пальцах, что в **09:00** приземлимся на Пэтриот-Хиллз. Там база, с которой нас будут забрасывать к месту старта. Берге, Роджерса и Каминского на «твиноттере»[4] на Беркнер[5], а меня и Дэвида Адаме на мотонартах в ледовую бухту Геркулес.

Все спят, а мне не хочется. Много приходит мыслей, когда летишь к старту. Так было, когда я летел стартовать к полюсу относительной недоступности[6]. Так же я летел и в Гималаи[7], чтобы взойти на Эверест. В эти минуты, а вернее часы, потому что у меня обычно старты очень далекие и к ним добраться не так-то просто, есть возможность подумать о жизни, и прожитой, и будущей. Дай Бог, чтобы она была подлиннее и чтобы были еще старты. Больше мне ничего в этом мире не надо. Я счастлив, что жил так, как хотел, шел к своей мечте, ставил цели и осуществлял их.

Сейчас только от меня и от Господа Бога зависит, дойду или нет. Все осталось позади: хлопоты, беготня, доказывание всем и всюду, что мне надо идти к полюсу, попрошайничанье денег на перелет в Антарктиду. Оказывается, мой поход в Антарктиду по затратам примерно равен стоимости участия в избирательной

кампании одного депутата, то есть 100–140 тысяч долларов. Лидеры партий отказывали в финансировании, говорили, что один депутат на выборах ценнее какого-то похода в Антарктиду путешественника-одиночки из России.

Какая погода встретит нас? Как было бы хорошо, если бы не было ветра на Пэтриот-Хиллз, чтобы сделать удачный старт и немного акклиматизироваться.

Первое измерение

7 ноября 1995 года

Уже 22 часа солнце ходит по кругу. Я сижу в палатке и разбираю свои вещи. Сразу две экспедиции прилетели из Пунта-Аренаса на Пэтриот-Хиллз. Норвежец и два канадца (Бернард Войер и Терри Петри) улетели на остров Беркнер к месту старта. Но по рации передали, что они не долетели, а приземлились на полпути из-за погоды. Там будут пережидать очень сильный ветер.

Здесь радиационный фон 0,015 рентгена. Мое первое измерение в Антарктиде.

Завтра будет трудный день.

В путь

8 ноября 1995 года
79°58’03” ю. ш., 80°07’31” з. д.
11:30. Стартовал, до Южного полюса более 1100 километров.

Старт

Из дневника Ирины Конюховой

Из средств массовой информации я узнала, что «8 ноября в 11 часов 30 минут по чилийскому времени одиночник Федор Конюхов стартовал к Южному полюсу от ледовой бухты Геркулес. Ему предстоит пройти на лыжах более 1100 километров и провезти за собой на санях груз весом 135 килограммов, состоящий из продуктов, топлива и снаряжения».

Федор прожил в чилийском городе Пунта-Аренас почти месяц. Вылет в Антарктиду откладывался четыре раза как по погодным, так и по финансовым причинам. Наряду с Федором впервые собирались в одиночку пойти на Южный полюс еще несколько опытных путешественников: Берге Осланд, Уильям Роджерс, Дэвид Адамс, Марек Каминский, Бернард Войер и Терри Петри. Федор был самый старший из них по возрасту и самый ограниченный в финансовых средствах.

– Я счастливый, – сказал он позднее о знакомстве с ними. – Рядом со мной были лучшие путешественники-одиночки в мире. Марек Каминский и Берге Осланд были на Северном полюсе, канадцы тоже ходили в арктические экспедиции. Англичанин Роджерс не ходил на Северный полюс, но участвовал в экспедиции на Южный полюс, мы все считали его асом. Но судьба распорядилась так, что Роджерс, единственный из всех нас, не дошел до Южного полюса. Воистину пути Господни неисповедимы.

Большинство путешественников стартовало в другом месте – с острова Беркнер, который был более удобен и выгоден для старта и продвижения к полюсу. От Беркнера – пологий спуск от 900 до 200 метров, что очень важно на первое время для акклиматизации. От бухты Геркулес, наоборот, – подъем со 180 до 900 метров. Но заброска на остров Беркнер стоила 170 тысяч долларов. Таких денег у Феди не было, и он пошел в свой путь от неудобной бухты. Также из бухты Геркулес стартовал Дэвид Адамс.

Второй день в пути

9 ноября 1995 года
80°08’46” ю. ш., 80°11’20” з. д.

18:48. Очень устал, нет сил. Нарты загружены под завязку – тяжеленные. Хотя я взял только самое необходимое – разное снаряжение и продуктов на 60 дней, с запасом. Все это приходится тащить за собой на веревках, наподобие упряжки. Идти очень трудно – то вниз, то вверх. Скольжения почти нет – снег в Антарктиде как мука и к тому же сухой, не то что в Арктике. На пути были сплошные заструги – это большие ледяные гряды. Потом пошли трещины… В общем, пришлось избавляться от лишнего груза: выбросил в трещину запасные лыжи «Россиньоль». Жалко было, конечно. Крепления на них были отменные – «шпаровские», проверенные… Большую часть веревок и крючьев тоже выбросил – оставил лишь те, которыми пользовался, когда перетаскивал нарты через трещины… Да, день был тяжелый, но я прошел хорошо: 7 минут[8] – 7 миль[9].

Готовлю кашу и сок. Надо утолить жажду, но нет сил даже поесть…

Путник, рад встретить тебя

11 ноября 1995 года

Не стою. Не иду. Пурга.

14:00. Готовлю завтрак и обед. Ветер чуть стих, выглянуло солнце.

«Путник, рад встретить тебя; рад видеть, как твердо идешь! Путник, ты знаешь, что идешь: тебе можно помочь!» (Н. К. Рерих[10]). Да, если человек знает, что он хочет, и идет светлым путем, тогда ему помогают. В твоем деле не должно быть корысти и наживы от выбранного тобой пути.

Вот так просто, пешком, один, в Антарктиду…

Из дневника Ирины Конюховой

В аэропорт провожать Федора приехало человек тридцать. Он выделялся среди пассажиров длинным шлейфом сопровождающих и большим грузом.

Сквозь стекло было видно, как Федор поднимался по трапу в самолет. Перед тем как исчезнуть в глубине салона, он повернулся и еще раз помахал в пространство. О чем он думал в этот момент? Скорее всего, о том, что через несколько секунд он наконец перешагнет порог той двери, что так долго закрывала ему путь к мечте увидеть самую южную точку Земли.

К нам подошел Гена Матвеев, актер Театра Алексея Рыбникова, снимающий на видео проводы Феди.

– Я сейчас снял потрясающий кадр, – громко сообщил он. – Ко мне подошла старушка и спросила: «Кого это так много людей провожает?» Я ей говорю: «Путешественника Федора Конюхова. Он отправляется в Антарктиду», – Гена показал ей на удаляющегося Федора.

– Как в Антарктиду?! Вот так просто, пешком, раздетым – и в Антарктиду?! – изумленно спросила старушка, увидев человека, одетого в легкую курточку и штурманку, идущего к трапу.

Вот так просто, пешком, один, в Антарктиду…

Плохой день

12 ноября 1995 года
80°18’57” ю. ш., 80°12’40” з. д.

21:30. Варю кашу. День был плохой, мела встречная поземка. Холодно. К вечеру чуть стихло, но я боюсь, что здесь всегда так. Дэвид идет впереди на 6 миль. Это много.

Пришлось пойти на риск

13 ноября 1995 года
80°24’24” ю. ш., 80°15’40” з. д.
Ветер стихает. Сегодня поработал хорошо. Прошел 6 минут.

А ведь мой поход мог и не состояться. Несмотря на то что деньги на экспедицию были обещаны министром атомной промышленности, в начале октября создалась кризисная ситуация, перечисление денег задерживалось. Когда я получил часть средств, позволяющую вылететь в Чили, пришлось пойти на риск. Я поставил всех перед фактом: я вылетел, и теперь обратной дороги нет, есть только один путь – к Южному полюсу.

Похода на Южный полюс могло и не быть

Из дневника Ирины Конюховой

Походы Федора по коридорам власти в поисках денег на экспедиции заслуживают отдельного романа. В добывании денег для экспедиции Федор обошел все круги политического олимпа.

В феврале 1995 года на очередной день рождения Бориса Николаевича Ельцина Федор с подачи Александра Коржакова[11] и Шамиля Тарпищева[12] в подарок приготовил одну из своих лучших картин-литографий. Зимний пейзаж с одиноким лыжником был символичен. Человек шел навстречу солнцу, несмотря на преследующую его тяжесть одиночества. В большом внутреннем кармане спортивного жилета сердце Федору жгла еще одна ценная для него бумага – проект распоряжения о его экспедиции на Южный полюс.

– Мы тебя поставим в определенное место в Кремле. Когда Борис Николаевич будет проходить мимо, ты его поздравишь, а мы подсунем ему твой проект. Он подпишет, – уверили Коржаков и Тарпищев.

В точно назначенное время Федор встал в указанном месте. Время пошло. Но стрелки часов быстро остановились, когда появился расстроенный Коржаков и сообщил неутешительную новость: президент прошел в этом месте раньше установленного срока.

Один из самых труднопреодолимых грехов – уныние. Федор кроме картины на всякий случай припас в подарок бутылочку коньяка хорошей выдержки. Трое взгрустнувших мужчин выпили за здоровье Бориса Николаевича, после чего Федор написал

на лицевой стороне картины: «Борису Ельцину от русского путешественника Федора Конюхова».

– Передайте от меня Президенту России.

Постановление об экспедиции на Южный полюс все же вышло. Его подписал премьер-министр Виктор Черномырдин. В нем было запечатлено важное обстоятельство: данная экспедиция посвящалась 300-летию российского флота и 175-летию открытия Антарктиды. Федор, выполнив свой долг российского гражданина, добился того, что поход на Южный полюс приобрел государственную значимость. Нашелся и человек, который стал меценатом. Виктор Никитович Михайлов, министр атомной промышленности, сказал Федору по-отечески просто: «Федя, я даю тебе деньги, чтобы ты дошел до Южного полюса и поставил там российский флаг. А если несложно будет, по пути, когда будешь идти к полюсу, снимай для нас замеры радиации».

У политиков срок государственной жизни непредсказуем и зачастую короток. Прошло совсем немного времени, и не оказалось в коридорах власти места для тех, кто с Федором распивал коньяк за здоровье президента. Ушел в отставку и министр атомной промышленности. Они ушли, но история с Южным полюсом состоялась.

Решающая попытка

14 ноября 1995 года

80°30’15” ю. ш., 80°15’09” з. д.

Впервые возможность лыжного похода на Южный полюс представилась мне еще в 1980-е годы в составе экспедиции «Комсомольской правды». В 1984 году, когда для похода на станцию «Южная-2» уже было ввезено оборудование и снаряжение на немалые тогда деньги – 8 тысяч рублей, все сорвалось. Двухсоткилометровый айсберг оторвался от станции.

В 1989 году я узнал, что ленинградский полярник Виктор Боярский в составе международной экспедиции вместе с японцем, англичанином, американцем, французом и китайцем достиг на лыжах Южного полюса. Порадовавшись за Виктора, я решил, что теперь наступила пора одиночного покорения южной точки земного шара. В 1990 году я предпринял попытку в одиночку отправиться на Южный полюс, но, не найдя средств, переключился на другую экспедицию – восхождение на Эверест[13]. Сейчас наступала пора третьей попытки.

Небо затянуло тучами, наверное, будет пурга.

Я с детства мечтал познать мир

15 ноября 1995 года
80°37’57” ю. ш., 80°17’20” з. д.
Вечер. Плохо прошел, мало…

Вспоминая детство, чувствую, как щемит сердце. Сколько лет я не был в доме, где родился и вырос, где прошло детство, откуда вынесли на погост моего дедушку, который по вечерам рассказывал о Георгии Седове[14]. Перед моими глазами восстанавливается картина нашей хаты. У окна лавка, на которой лежит дедушка. Русская печь, стол, слева в углу иконы Иисуса Христа и Николая Чудотворца, перед которыми бабушка Марфа читает молитву, а мы стараемся не мешать ей и разговариваем шепотом. На стенах, в рамках под стеклом, уже пожелтевшие фотографии: дедушка в военной форме, мама и папа, молодые, в день их свадьбы. В головах лавки, где лежит дедушка, небольшая книжная полка, покрашенная в коричневый цвет. Дедушка любил читать Гоголя, Толстого, Куприна, Пушкина.

Мой дед по отцу был царским офицером, родом с Белого моря, из поморов. А мамин отец был священником из Бессарабии[15], моя мама тоже оттуда. Таким образом, во мне течет бессарабская кровь. Хотя все меня считают русским, вырос я на берегу Азовского моря, на Украине. Именно туда переехал мой дед после революции. Он уволился из армии и не стал служить ни белым, ни красным. Отец всю жизнь работал рыбаком в рыбном колхозе. В моей памяти проступают воспоминания о раннем детстве, когда я сопровождал отца и ловил вместе с ним рыбу. После 8-го класса пошел учиться в морское училище в Одессе, на судоводителя (штурмана).

Я хотел быть, как мой дед, военным. Отец тоже этого хотел, и я уехал в Ленинград и поступил в Высшее военно-морское училище. Проучился немного, меня исключили. Потом была служба в армии, курсы в школе спецразведподразделения. Помню, после окончания этих курсов каждого курсанта вызывал к себе начальник штаба и предлагал место, где служить. Он говорил: «Есть место там, где сухо и жарко». А мы уже примерно знали, что это где-то в пустыне либо в Африке, либо на Ближнем Востоке. Если он говорил, что есть место там, где холодно, мы знали, что это на Крайнем Севере. А когда он сказал, что есть место там, где жарко и сыро, я ответил: «Я согласен». В армии я занимался подрывом мостов и других объектов. Мне приходилось несколько раз бывать во Вьетнаме и по одному разу в Сальвадоре и Никарагуа.

Еще я пытался пойти по стопам деда по маминой линии и стать священником. Но из Ленинградской духовной семинарии пришлось уйти. И тогда я понял, что надо искать свой собственный жизненный путь, а не идти по чьим-то стопам. Не надо подражать кому-то, даже если это твои родные люди.

Как все ускорить?

16 ноября 1995 года

80°41’41” ю. ш., 80°11’40” з. д.

Маршрут свой я рассчитал четко – не только по дням, но и по часам и даже минутам. В общей сложности за сутки надо проходить по 25 километров, чтобы уложиться в график – 55 дней, – который я сам себе определил. У меня выверено, подъем – ровно в шесть утра. Пока одеваюсь, на примусе варится овсянка – она у меня и на завтрак, и на обед, и на ужин. Кашу приправляю медвежьим жиром – я прихватил его с собой из дома, – курагой, изюмом, сублимированным мясом. Пью чай с сухарями… И точно в восемь – в путь. Через каждые час двадцать – десятиминутный привал… И так до восьми вечера. Спать укладываюсь в половине одиннадцатого.

Но я начал отставать от намеченного графика. Приходится экономить продукты: когда, к примеру, надо съесть два сухаря, я съедаю полтора… Да и потом, по опыту своих предыдущих экспедиций я знаю, что вначале можно есть поменьше, потому как в теле еще сохранились калории с Большой земли… Так что с продуктами пока все в порядке.

Прошел плохо, ветер сильный, встречный, большие заструги, скользкий снег и все время в гору. Стал лагерем, было очень сложно поставить палатку. Холодно. Сыро. Весь мокрый. Лежу в спальнике. Сейчас **19:55**, вечерняя связь по радио с Пэтриот-Хиллз. Плохо я иду. Надо что-то делать… Как ускорить?

Если хочешь стать настоящим человеком, научись отдавать

17 ноября 1995 года
80°50’22” ю. ш., 80°11’06” з. д.

Шел хорошо, прошел 9 минут, это рекорд для меня. Направление определяю по компасу. Координаты сверяю раз в сутки по портативному спутниковому навигатору – он висит у меня на груди. Чаще определять местоположение ни к чему: ведь в Антарктиде, в отличие от той же Арктики, нет дрейфа льдов – здесь незыблемый, многокилометровой толщины ледник, покрывающий земную твердь. Хотя он мало-помалу смещается к побережью, это движение практически неощутимо.

Только в одиночестве и на собственном созерцательном опыте я осознал противоречия окружающего мира. При этом я убежден, что форма мышления старшего и младшего поколений отличаются. Каждый ищет и хочет найти смысл своего бытия. Оно и верно, ведь Земля движется, а значит, меняется все на ее поверхности и меняет суть нашего бытия и человеческие судьбы. Человеку тесно жить на нашей планете, и он ищет выходы в науке, путешествиях, искусстве и т. д. Но он не может, вернее, не каждый может прорваться и освободиться от домашнего быта, материальной зависимости. Тело человека становится тюрьмой. Страдания от тяжелой работы, холод, одиночество – это все полезно для души, но не для тела.

Когда я маленьким прибегал с улицы в хату, где лежал мой больной дедушка Михаил, и жаловался, что хлопцы забрали у меня рогатку или еще что-нибудь, дедушка всегда говорил мне: «Если хочешь стать настоящим человеком, научись отдавать». Не брать, а отдавать – это прекрасно.

С тех пор как я себя помню, меня не переставал волновать вопрос о моем месте в мире. Я прислушивался к старикам из нашей деревни, прочитал все книги из библиотеки моего деда, искал в них разгадку величайшей тайны жизни. В школьной библиотеке я выписал на целый год «Капитал» Карла Маркса и ежедневно штудировал его, делал выписки в своем дневнике. Но однажды брат Виктор принес книгу «Философия Канта», и я набросился на нее. Верил, что Кант может дать ответы на все те вопросы, которые меня волнуют.

Но проходило время, ни Кант, ни Ницше, ни Спиноза ни на йоту не открыли мне истину бытия человеческого. Они только уводили в дебри философии, где человек

запутывается, как в сетях, да так и остается без ответа на главный вопрос: какое начало господствует в человеке – доброе или злое?

Сейчас, когда жизнь клонится к закату, я почти не читаю философские книги, они стали мне неинтересны. Я больше всего люблю созерцать. А еще я люблю любить свою Ирину и потихоньку стареть.

Смысл жизни

18 ноября 1995 года
80°57’19” ю. ш., 80°19’18” з. д.

05:40. Утро. Плохо спал. Спальник сырой. Холодно. Хорошо, что нет ветра. У меня плохое снаряжение. Ночью мучила изжога.

19:00. День очень тяжелый. В обед два часа ставил палатку. Завтра, если даст Бог, то пересеку 81-й градус и за это обязательно выпью немного разведенного спирта. Погода не улучшается, стоит белая мгла.

Для меня смысл существования в чем-то более высоком. Есть люди на свете, которые чуть ли не всю жизнь посвятили тому, чтобы устроить свой быт, обставить всем необходимым квартиру. В этом тоже, наверное, может быть смысл существования. Но именно потому, что отвергаю подобное существование, я в конце концов и отправился в это путешествие. Я живу открыто. Раз я появился на этой Земле, то почему бы мне не увидеть Эверест и мыс Горн[16], не дойти до Северного и Южного полюса, не обойти вокруг света на яхте?.. Я пришел не в одно место, я пришел на эту Землю. С детства мечтал познать этот мир, увидеть и почувствовать всю Землю. Я все хочу попробовать. Земля наша не такая уж и большая, чтобы отказаться побывать на ее крайних точках, не пройти ее всю вдоль и поперек. Я художник и философ. Я имею право писать картины, лишь увидев то, что я рисую, писать книги о том, что я чувствовал…

В Антарктиде снег не скользит

19 ноября 1995 года

81°05’26” ю. ш., 80°25’15” з. д.

Прошел сегодня 8 миль. День был пасмурный, белая мгла. Дорога неплохая, но выпал свежий снег, и сани совсем не скользили, как по песку.

В Антарктиде нет времени

Из дневника Ирины Конюховой

Сообщений о Федоре практически нет, мы живем в неведении и догадках. Связаться он в состоянии только с одним радистом, что находится на Пэтриот-Хиллз в Антарктиде. На связь Федор выходит через день в одно время – 18:30.

– По какому времени ты жил там? – спросила я его позже.

– По московскому. В Антарктиде условно новозеландское время, хотя на самом деле времени нет – летом там всегда день.

Вера

22 ноября 1995 года

81°32’11” ю. ш., 80°32’45” з. д.

День хороший. Солнце, слабый ветер, снег рыхлый. Прошел хорошо: 9 минут за 9 часов 30 минут.

Каждый прожитый миг дается с огромным напряжением сил, нельзя ни на минуту ослаблять настороженного отношения ко всему, что происходит вокруг. Только наедине с собой и в созерцании окружающего мира, будь то океан, высокие горы или ледовая равнина Арктики или Антарктики, можно уверовать и быть религиозным без каких-либо слов.

Холод

23 ноября 1995 года

81°41’46” ю. ш., 80°25’54” з. д.

Ветер холодный, встречный. Очень холодно, все, что было у меня, надел на себя. Ветер продувает насквозь. Очки запотевают и ничего не видно.

Тяжело идти

24 ноября 1995 года

81°50’25” ю. ш., 80°19’30” з. д.

Погода плохая, метет поземка. Холодно. Но дорога сносная. Завтра, если будет плохая погода, буду работать 11 часов. Никак не могу пройти 10 минут, как ни стараюсь, а надо бы. Вообще надо идти по 12 миль, тогда успею к 5–8 января на полюс, а в середине января будет самолет на массив Винсон. Хотелось бы успеть. Но все зависит от погоды и Господа Бога. Как тяжело идти. Холодно. Нарты тяжелые. Спина болит.

Я готовил себя духовно

26 ноября 1995 года

82°10’28” ю. ш., 80°15’35” з. д.

Отлично прошел 10 миль. Провел связь с Войтеком. У них все хорошо на Пэтриот-Хиллз, а я варю кашу. Готовлю себе на примусе горячую пищу, которая чуть-чуть согревает, греюсь чаем с сухарями, а иногда и русской водкой. Однако не пища главный источник энергии.

Когда мы перед стартом все вместе садились за стол, то каждый старался есть побольше и покалорийнее. Это такой принцип – набирать перед стартом вес, чтобы хватило энергии дойти до полюса. У меня же, наоборот, был другой принцип. Я перед стартом ел мало, потому что старался в это время подготовить себя больше духовно, чем физически. В поучении Кирилла Иерусалимского сказано: «Если ты находишься здесь телом, а не находишься духом, то сие бесполезно».

Как далеко до полюса!

27 ноября 1995 года

82°21’25” ю. ш., 80°20’14” з. д.

20:07. Вечер. День тяжелый, плохая дорога, небо затянуло тучами. Как далеко до полюса!

Думаю о погибших

28 ноября 1995 года

82°31’09” ю. ш., 80°41’07” з. д.

20:07. День плохой, белая мгла. Плохо шел, по компасу. Слишком ушел вправо.

Думал о погибших полярниках и друзьях по риску. Многим нужно поставить памятные доски[17]. После гибели Наоми Уэмуры[18] при спуске с Мак-Кинли[19] мир для меня опустел, утратил не только привлекательность, но и реальность. Я почувствовал, что наша Земля опустела, что ее покинул тот стержень, который держал всех в напряжении. Где бы я ни был, я знал, что есть человек, который сейчас делает то, что не могут сделать целые народности. Это Уэмура. И после трагического 1984 года я занялся целенаправленно осуществлением моих экспедиций. Я сел в самолет Владивосток – Москва и пришел к руководителю полярной экспедиции «Комсомольской правды» Дмитрию Шпаро[20] просить его взять меня в свою команду. И он это сделал. И я ему благодарен. Я не хотел, чтобы на нашей Земле прекратился дух Уэмуры. Мне хотелось, чтобы были такие чудаки-одиночки, которые удивляли, раздражали, ставили под сомнение мир людей, живущих на такой красивой и неизведанной планете.

Сломалось крепление

29 ноября 1995 года

82°41’24” ю. ш., 80°49’12” з. д.

20:00. Сломалось крепление у правой лыжи, металлическое, американское. Хотя меня уверяли, что таким креплениям и минус пятьдесят нипочем. Ан нет, не тут-то было. Позарился на импортную красивую вещь, купленную в Лос-Анджелесе, но наши, отечественные крепления надежнее. Я сообщил об этом по рации в базовый лагерь на Пэтриот-Хиллз. Они запросили: нужна ли помощь? Я подумал-подумал и отказался. Если бы прибыли спасатели, считай, путешествию моему конец – прощай, Южный полюс! Да и обошлось бы мне это удовольствие, в смысле прилет спасателей и доставка в базовый лагерь, в 50 тысяч долларов, никак не меньше. Так что хочешь не хочешь, пришлось мастерить новое крепление из кожаных ремней, как делают охотники в уссурийской тайге. Ничего получилось. Правда, поначалу было неудобно – малость ногу подволакивало, но потом пообвык…

Мы живем на грани жизни и смерти

30 ноября 1995 года

82°51’25” ю. ш., 80°45’03” з. д.

Прошел хорошо, но было тяжело. В такие минуты я осознаю, что скоро настанет тот час, когда придется предстать перед строгим судьей. Перебирая в памяти свои прегрешения, вспоминаю, как мы с Женей Виноградским поднимались на Эверест. 13 мая 1992 года мы подошли к последнему, четвертому лагерю на высоте 8 тысяч метров. До вершины остался последний бросок. С вечера забрались в палатку и стали ждать, когда стихнет ветер, чтобы в два часа ночи начать подъем на вершину. Палатка наша трещала от напора ураганного ветра, мороз – минус 40 градусов, кислорода не хватает. Спать невозможно, да и опасно: можно уснуть и не проснуться. Вот тогда Женя спросил меня: «Как думаешь, Федор, позволит нам Господь Бог взойти на вершину и вернуться живыми или нет? Какие у нас грехи пред Ним?»

И я, и он начали перебирать в памяти и говорить друг другу, как на исповеди перед священником. А когда наступило время выходить из палатки, Женя сказал: «Много у нас, Федор, накопилось грехов, и надо много молиться, чтобы замолить их. Но мы никого не убивали, никого не обворовывали, не жили ради выгоды, никого не предавали, трудились по мере сил, чаще спали в палатках, чем на мягкой постели, не занимались обжорством. Избегали блуда и грешных помышлений. Может, Он и пропустит нас и отсрочит наш приход к Нему еще на некоторое время».

Мы всегда живем на грани смерти. Как мало надо человеку, чтобы нитка его жизни оборвалась. На это надо смотреть без излишнего страха, но с полным осознанием. Ясная мысль о бренности жизни не повод для того, чтобы опускать руки, а повод для того, чтобы ценить и любить каждое мгновение жизни, жить сегодня, сейчас, а не в мечтах о том, что будет с тобой завтра, жить, переживая жизнь полноценно и полнокровно.

Рекорд

1 декабря 1995 года
83°02’07” ю. ш., 80°35’31” з. д.
Я пою песни. Прошел 11 миль.

Мерзнут ноги

2 декабря 1995 года

83°13’01” ю. ш., 80°32’53” з. д.

День хороший. Было солнце, правда, тяжело идти, рыхлый снег. Но прошел хорошо, 11 миль за 10 часов 30 минут. Холодно, ноги мерзнут.

Все время вверх

3 декабря 1995 года

83°23’07” ю. ш., 80°33’13” з. д.

День солнечный, но холодный, и все время вверх. Хорошо прошел 10 миль, поднялся на 1230 метров.

Хочется рисовать

4 декабря 1995 года

83°33’29’’ ю. ш., 80°35’24’’ з. д.

День плохой, поземка и дорога все время вверх. Когда идешь, много думаешь о своих картинах – и хочется рисовать, а приезжаешь домой – и в голове пусто.

Планы новых экспедиций

5 декабря 1995 года

83°44’47” ю. ш., 80°35’11” з. д.

День хороший, но дорога плохая, вся изрыта и покрыта коркой льда. Но прошел хорошо, 11 миль, отлично.

Думал об экспедициях: полет в космос, погружение в Марианскую впадину, пересечение Гренландии на собачьих упряжках[21], подъем на Эверест со стороны Китая[22], поездки на Мак-Кинли[23] и на Килиманджаро[24], перелет на воздушном шаре через Индийский океан[25].

Подарок друга

6 декабря 1995 года

83°56’18’’ ю. ш., 80°36’42’’ з. д.

День тяжелый, с утра была белая мгла. После 14 часов засветило солнце, небо высокое и фиолетовое, а сейчас, в **20:20,** снова небо затянуло тучами и солнце скрыто. Шел 10 часов 30 минут. Прошел 12 миль, рекорд. Ура-ура-ура.

Открыл новую банку медвежьего жира, а там надпись: «Вклад в освоение Антарктиды от Горчакова Геннадия Александровича». Это мой друг – охотник из г. Партизанска.

Другая жизнь

7 декабря 1995 года

84°08’08’’ ю. ш., 80°31’55’’ з. д.

Дорога плохая, очень большие заструги. Ура-ура-ура. Прошел 12 миль.

Я часто вспоминаю, как мы с Ирочкой ездили в Сергиев Посад. Находясь там, на земле Преподобного Сергия, я чувствовал тот мир, благодать которого была разлита во всем, даже в воздухе, куполах лавры, в солнечных бликах на снегу, в удивительной тишине, в каком-то непонятном покое. Я как-то подумал: «Вот бы здесь, недалеко от мощей Преподобного, поселиться и прожить оставшуюся жизнь в этом покое. Цель нашей жизни – покой». А что мои путешествия? Только рекорды, только удовлетворение своего тщеславия. Нет, так не должно быть. Если Богу угодно будет, то начну жить по-новому, все по-другому.

Хочется быть одному

8 декабря 1995 года

84°21’13” ю. ш., 80°39’46” з. д.

День хороший, прошел 13 минут за 10 часов 30 минут, это рекорд, я доволен. Была радиосвязь, там сказали, что для меня есть послание, передадут во время следующей связи, это значит послезавтра. Я выхожу на связь через день. Каждый день тяжело. Да и не хочется общаться с миром людей. Хочется быть одному в этой прекрасной Антарктиде.

Воображению художника нет предела

9 декабря 1995 года

84°33’57” ю. ш., 80°44’08” з. д.

«Начинай с начала и не останавливайся, пока не дойдешь до конца»[26].

«Мудрый для себя жаждет одного: не иметь желаний. Такая жажда утоляется вечностью»[27].

Мне вспоминается мой учитель, Виталий Натанович Петров-Камчатский, он был очень хороший художник. Я считаю, что после Рокуэлла Кента[28] стоит он, Петров-Камчатский. Он очень сильно и точно раскрыл жизнь наших эскимосов. Меня эти художники вдохновили на создание серии картин о жителях Крайнего Севера.

«Старая Чукотка»

Так вот, я как-то ему поведал, что хотел бы попасть в Антарктиду, чтобы потом рисовать айсберги, пингвинов, голубой лед, а он засмеялся и сказал: «Воображению Художника (с большой буквы) нет предела». И привел в пример Жюля Верна: «Разве он был под водой, разве летал на воздушном шаре?» Нет,

конечно. Он находился за письменным столом, а его воображение летало по всем морям-океанам. А у меня все наоборот: я блуждаю повсюду, а мое творчество зажато. Я все живу надеждой, что вот сделаю то-то и тогда дам волю своему творчеству. А когда это будет, не знаю.

«Сон белой совы»

Рай – это быть рядом с любимой

10 декабря 1995 года

84°44’25” ю. ш., 80°33’07” з. д.

День тяжелый, встречный ветер, снег очень мягкий, очень тяжело идти.

Если бы меня спросили, как чувствует себя душа, попавшая в рай, я ответил бы: точно так, как быть рядом с Иринушкой моей. Эти чувства сложно передать. Просто, ничего особенного, просто хорошо. Как никогда, нигде и ни с кем. Свободно, светло, тепло и уютно. С ней рядом ничего не замечаешь. Она дает заряд творчества, тот заряд, который мне необходим. Я хочу быть всю жизнь ребенком, мечтателем, фантазером. Хотя не все мои фантазии Иринушке нравятся. Я замечаю, что Иринушка хочет, чтобы обо мне писали в прессе и говорили друзья только хорошее. Я же, наоборот, хочу быть антиподом к этому лицу, я не хочу благополучия, я хочу быть легендой, спорной личностью. Мне нравится, что у меня есть друзья и враги. У меня много врагов, они с яростью нападают на меня и всячески стараются опорочить. Люди боятся свободы внутренней, они ищут причину и кого-то, кто бы их держал и не пускал. Это для них лучше, чем быть свободными. Но, как сказано в Священном Писании, «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! Ибо так поступали с лжепророками отцы их» (Лк. 6:26).

Я научился довольствоваться тем, что у меня есть

11 декабря 1995 года

84°56’55” ю. ш., 80°37’55” з. д.

Очень хорошо прошел. Завтра мой день рождения. Справа видны горы. Красивые.

Я научился быть довольным тем, что у меня есть. Умею жить и в скудости, умею жить и в изобилии; научился всему и во всем, насыщаться и терпеть голод, быть и в обилии, и в недостатке[29].

Хороший день

12 декабря 1995 года

85°09’08’’ ю. ш., 80°29’26’’ з. д.

По радио получил поздравление. Такой хороший день сегодня. Теплый, без ветра. И не было заструговˑ. Справа горы Тил[30]. Вечером сделал себе кашу и чай с медом.

Прохожу горы Тил

13 декабря 1995 года

85°22’09’’ ю. ш., 80°29’49’’ з. д.

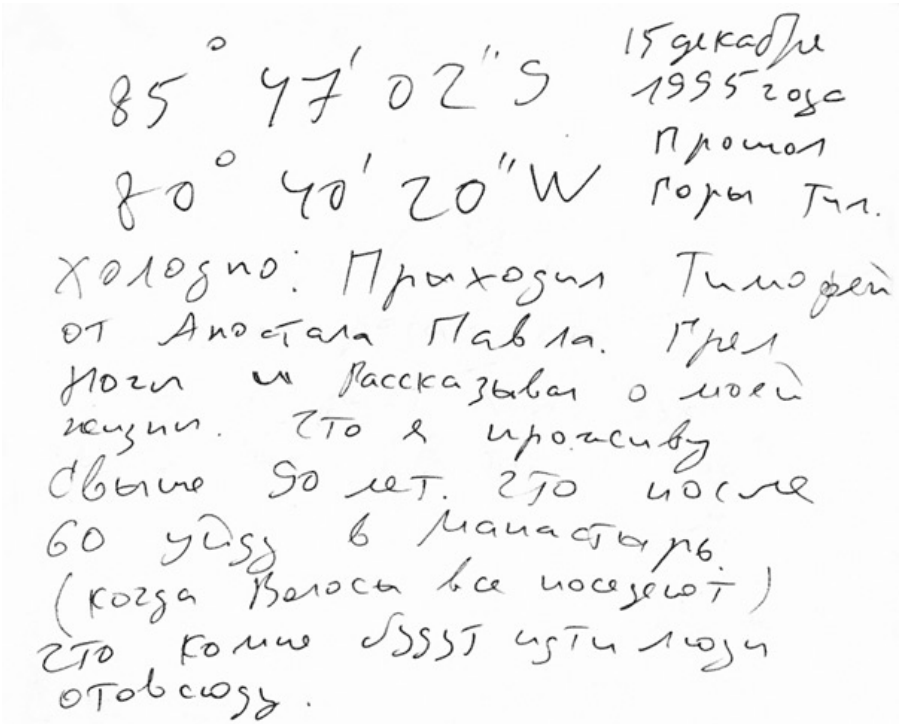
День хороший, и дорога тоже. Прошел хорошо, 13 миль. Прохожу горы Тил.

До полюса 459 км

14 декабря 1995 года

85°34’02” ю. ш., 80°33’37” з. д.

Дорога хорошая, ветер слабый, солнце в дымке, прохожу горы Тил. Сообщили по радио, что Володя Чуков[31] не стартовал.


85° 47' 02" S
80° 40' 20" W
15 декабря 1995 года
прошел горы Тил.
Холодно. Приходил Тимофей от Апостала Павла. Грел ноги и рассказывал о моей жизни. Что я прожил свыше 50 лет. Что после 60 уйду в монастырь. (когда волосы не посереют) Что комне будут идти люди отовсюду.

Тимофей помог

Из дневника Ирины Конюховой

– Чего ты больше боялся – холода или опасности? – спрашивала я его потом, когда Федор уже грелся в Москве в теплой постели.

– И того и другого. От холода мне иногда хотелось плакать. Я все время дрожал и не мог согреться в палатке, она была такая тонкая. И было очень страшно провалиться в трещины, они в Антарктиде до двух километров. Если бы лыжи или нарты в них провалились, я бы погиб. Некоторые берут с собой в экспедицию альпинистское снаряжение: кошки, крючья, ледоруб, жумары, а я сразу же все выкинул, подумал, что если уж

попаду в трещину, то никак мне не выбраться. Еще в первый день пути я бросил в трещину лишние лыжи – так такой звук услышал! Жутко стало.

– Тебе все время было одинаково тяжело?

– Тяжелее было в первую половину пути. Было очень холодно и ветрено. Я даже хотел вернуться. Как раз на половине пути. Я к этому времени так вымотался, что думал – все, больше не выдержу: или сердце остановится, или почки откажут. Мне казалось, что позвоночник треснет от такой нагрузки, а кости таза разойдутся. Бывало, лежишь на снегу, смотришь на небо, оно там фиолетовое, и говоришь: ну появитесь вы, летающие тарелки, хотя бы не меня, нарты заберите! Никто не появлялся. Потом как-то втянулся.

– Если ты все время мерз, как же ты мог спать?

– А вот так и спал, скрюченный. Где-то 25 дней прошло со дня старта, совсем невмоготу стало, Тимофей помог.

– Тимофей?

– Друг апостола Павла, Тимофей. Ночью лежу в спальнике, скулю от холода, просыпаюсь – светло, там день все время идет. Смотрю – примус у меня горит, сидит мужик и палит мне примус. Я сразу ему: «Что ты делаешь! У меня бензин ровно рассчитан на каждое приготовление пищи!» А он мне говорит: «А этот бензин не сгорает». Я смотрю – примус не шумит. Оказалось, это Тимофей, друг апостола Павла, пришел ко мне, чтобы нагреть мне палатку.

«Я так, Тимофей, замерз, что не могу никак согреться, ног не чувствую», – жалуюсь я ему. А он мне в ответ: «Я тебя погрею». Берет и просовывает руки сквозь спальник. Я первым делом забоялся, как бы он мой спальник не порвал. Чувствую, ноги стали согреваться. Я и уснул. Утром проснулся, первым делом посмотрел, не порвал ли Тимофей спальник, нет – целый.

Что дальше?

16 декабря 1995 года

85°59’30’’ ю. ш., 80°37’44’’ з. д.

Узнал по радио, что прилетают на Пэтриот-Хиллз Володя Чуков и «Метелица»[32]. Все-таки Володя нашел деньги. Итак, все мы собрались в Антарктиде. Что дальше? Дай Бог мне дойти до полюса. Меня ничто не должно сейчас волновать, только полюс, только он. Никакие рекорды. Моя жизнь – это и есть рекорд.

И в Антарктиде бывает хорошая погода

17 декабря 1995 года

86°12’58’’ ю. ш., 80°28’16’’ з. д.

Прошел хорошо, уже на 87-м градусе, осталось меньше чем половина. Считаю дни, надеюсь, что за 19 дней дойду до полюса. А там как Бог даст.

Сегодня впервые почувствовал, что и в Антарктиде бывает хорошая погода. Это чудо, но увидел наконец солнце, потеплело до минус двадцати пяти. Господь как будто бы решил подарить мне этот день. Я хотел выпить коньяку, но бутылка лопнула. Выглянул из палатки, чтобы выбросить бутылку, смотрю – солнце!

Тяжелые дни

18 декабря 1995 года

86°25’58” ю. ш., 80°24’27” з. д.

День был тяжелый, не было солнца, белая мгла, тяжело выдерживать курс. Я шел и молился, чтобы Господь дал хорошую погоду и открылось солнце. В **13:30** появилось солнце и осветило путь мой к полюсу, стало легче идти. Но мороз усилился, стало холодно. Прошел до **19:40,** останавливался на отдых шесть раз по 10 минут. Прошел ровно 13 миль, это отлично, так и надо держать.

Прошел зону трещин

20 декабря 1995 года

86°52’57’’ ю. ш., 80°26’18’’ з. д.

С утра белая мгла, после обеда вышло солнце. Одни заструги и холмы. Прошел зону трещин. Тяжелый день.

«Я всегда стремлюсь преодолеть страх»

Из дневника Ирины Конюховой

– У тебя удивительная способность – видеть и чувствовать то, что происходит там, за горизонтом. Ты не устаешь от этого?

– По-разному. Бывает, что и у меня нет сил. Но я люблю Землю, она красива, и всегда стремлюсь преодолевать страх.

Очень устал

23 декабря 1995 года

Очень устал. Большие заструги. Приболел. Что-то почки побаливают. Погода плохая, белая мгла. Заструги очень частые, сани застревают. Сегодня не включал GPS. Думаю, что прошел мало. Завтра проверю. По радио сообщили, что команда «Метелица» и Володя Чуков еще в Пунта-Аренасе (городе на южной оконечности Чили). Они будут ждать, пока Марек (поляк) не придет на полюс (он через четыре дня будет на полюсе), тогда Марека снимут с полюса, а «Метелицу» забросят. Все одним рейсом.

Прошел 11 миль – неплохо!

24 декабря 1995 года

87°40’38’’ ю. ш., 80°33’56’’ з. д.

День тяжелый. С утра трещины, белая мгла, заструги. День холодный, ветер пронизывающий, прошел 11 миль. Для такой дороги неплохо.

Я иногда вспоминаю запах костра

25 декабря 1995 года

87°50’10” ю. ш., 80°54’10” з. д.

Очень тяжело, ветер, холод, белая мгла, дорога вся в застругах.

Я иногда вспоминаю, даже во сне вижу и слышу запах костра и нашу уссурийскую тайгу. Какое было блаженство охотиться в тайге, идти зимой по следу зверя, спать у костра. Я любил ночевать под открытым небом без палатки, просто у нодьи[33], у сибирской нодьи, или, как ее ласково называют охотники, «надюши». Только у нее в зимнюю стужу по-настоящему согреваются охотники и спокойно высыпаются. Сделать и зажечь нодью непросто, для этого нужен ровный сухой кедр с плотной, без гнили сердцевиной и без сучков в нижней части ствола. А толщина ствола должна быть определенной, не больше полного обхвата. Нелегко найти такой кедр. Не всегда мне приходилось спать у хорошей нодьи. Если кедр попадался кривой, с сучками или с гнильцой, у такой нодьи хорошо не выспишься, а замерзнешь. Но вот если нашел наконец подходящий для нодьи кедр, то его нужно спилить, разделить на два отрезка двухметровой длины, потом вытащить на ровную площадку, накатить один на другой стенкой. Подпереть стенку с торцов длинными кольями, чтобы верхнее бревно не свалилось. Затем воткнуть в паз между бревнами с той и с другой стороны множество смолистых лучин и щепочек. Когда все это сделано, нужно поджечь все их разом и, пока они разгораются, пока они обхватываются ровным пламенем, нарубить хворосту и тонких сушин и развести костер возле нодьи, в двух метрах, когда земля от костра прогрелась. Затем нужно разгрести жар и пепел тщательно притоптать, на этом черном пепелище настелить хвойные ветки, за спиной соорудить каркас из жердей и рогатин, которые нужно обтянуть целлофановой пленкой. Получится как бы пленка-экран. Когда с лагерем покончено, можно готовить ужин. Нодья горит ровным жарким пламенем часов десять. Правда, снизу от мерзлой земли сквозь хвойные ветки тянет в бок холодом и время от времени будет наползать на тебя едкий дым или падать отскочивший от нодьи уголек. Но это все мелочи. Можно спать!

12 миль позади

26 декабря 1995 года
88°02’50’’ ю. ш., 80°30’56’’ з. д.
Вечер. Прошел 12 миль.

Осталось мало продуктов

27 декабря 1995 года

88°11’07’’ ю. ш., 80°48’34’’ з. д.

Прошел плохо. Была мгла. В **17:00** встал лагерем. Очень устал. Мало продуктов. Ситуация плохая.

Жду самолет

28 декабря 1995 года

88°22’55” ю. ш., 80°38’03” з. д.

День тихий. Белая мгла. Я сделал приспособление для компаса. Шел 12 часов. Жду, когда прилетит самолет и сбросит мне продукты. Осталось на два дня.

Уходящий год, год новый

30, 31 декабря 1995 года, 1 января 1996 года

88°44’28’’ ю. ш., 80°31’14’’ з. д.

Пурга. Холодно. Не было радиосвязи. Я не хотел доставать дневник.

Хватит ходить по холодам

2 января 1996 года

89°26’00’’ ю. ш., 80°35’19’’ з. д.

День холодный, но было солнце. На высоте 2742 метра над уровнем моря меня обдувает со всех сторон. Шел, думал, уже хватит ходить по холодам.

На подходе к Южному

4 января 1996 года
89°56’34” ю. ш., 79°01’21” з. д.
До полюса 9,5 мили. Дорога плохая.

Я добрался за 59 дней, а шел сюда пять лет

5 января 1996 года

Проснулся, как обычно, в шесть. Гляжу, где-то в пяти километрах впереди Дэвид (к тому времени наши курсы почти сошлись) идет, шатаясь, еле ноги передвигает. Тоже, стало быть, измотался! Осталось немного, а сил одолеть их уже нет. Вообще, в Антарктиде, когда не вьюжит, все видно как на ладони километров на двадцать – воздух сухой, прозрачный, потому как нет пыли, да и трубы не дымят… Словом, с точки зрения экологии Антарктида – самый чистый континент на нашей планете. Во всяком случае, пока…

«На крыльях к полюсу»

Я попил чаю, встал, собрался не спеша – и тронулся за ним следом. Через некоторое время смотрю, Дэвид стоит рядом с палаткой – и когда только разбить успел? – и машет мне руками. Он – у цели. Я делаю шаг… Потом другой, третий… И вот мы уже обнимаемся. Мы – на Южном полюсе!

Господи, не верилось мне, неужели дошел?! Последнее время он владел моим воображением с не меньшей силой, чем Эверест,

мыс Горн или Северный полюс… Я добрался сюда за 59 дней, а шел фактически пять лет – начиная с 1990 года, когда вернулся из кругосветного плавания. Сколько сил потратил, пока говорил, убеждал всех, что мы, русские, в конце концов должны быть там! А сколько денег на это ушло!..

На Южном полюсе я не увидел ничего необычного – только металлический флагшток высотой метра два, вроде вешки, с отметкой «90 градусов». И таких вешек в округе много – их приходится устанавливать на полюсе каждые два-три года, ведь ледник смещается за это время на 20–30 метров в сторону. И видно, как эти самые вешки тянутся вдаль – одна за другой…

А в 300 метрах от полюса расположена Площадь Наций. Там стоят флаги стран – участниц международной программы мирного освоения Антарктиды: тринадцать стран – тринадцать флагов, в том числе и бывшего СССР. Нашлось там место и для российского, трехцветного.

С Площади Наций я вызвал по рации американскую станцию «Амундсен – Скотт» – она стоит в трех километрах от полюса. И через некоторое время за мной приехал начальник станции. Он поздравил меня и повез в свои владения. Там меня накормили до отвала, а чуть погодя отвели в сауну. Когда в бане я взглянул на себя в зеркало, то пришел в ужас: на меня смотрело странное, истощенное, заросшее существо, с трудом напоминающее человека. Еще бы, ведь за этот переход я потерял в весе 13 килограммов.

Он победил!

Из дневника Ирины Конюховой

Он дошел!!! Он оказался первым в России и третьим (вместе с Дэвидом Адамсом) в мире, кто в одиночку достиг этой крайней точки. Первым в России и третьим в мире Федор дошел ранее до Северного полюса. Первым в России и третьим в мире он в одиночку без остановок обошел на яхте вокруг света. Такого постоянства достигают только классики, но, правда, не без Божьей помощи.

Новая задача

6 января 1996 года

Вернулись на Пэтриот-Хиллз. Тут меня ждали хорошие вести: от спонсоров на мой счет в Чили поступила часть денег, которую я недополучил перед стартом, в Пунта-Аренасе. Я счастлив безмерно! Эта новость окрылила меня, придала сил… Вместе с этими деньгами у меня есть возможность взойти на массив Винсон, самую высокую точку в Антарктиде – 5140 метров. Теперь я могу спокойно оплатить перелет к подножию вершины и обратно – на Пэтриот-Хиллз.

Что Бог ни делает, все к лучшему

11 января 1996 года. Базовый лагерь под массивом Винсон

Вчера я прилетел сюда на «твинотере» в 11 утра. Нас прилетело семь человек. Группа из пяти человек из Америки, они ушли двумя связками. И мы одной связкой. Я, Грег (проводник из Канады) и Томас из Норвегии. Погода хорошая.

В **15:00** уже вышли к массиву Винсон по северному маршруту, тому, которым в свое время хотел подниматься Уэмура. Южным идти сложнее. Хотя там сплошь одни скалы и есть за что зацепиться, зато постоянно ревет ветер, от которого негде укрыться, – он бьет прямо в спину. А это очень опасно: может сдуть. Северный склон тоже не подарок – сплошной ледник в трещинах. Он тянется вверх под углом 50–70 градусов. Подниматься по нему также непросто: можно сорваться и провалиться в трещину или слететь вниз, к подножию, как с огромной ледяной горки.

В **19:30** мы подошли к первому лагерю, там поставили палатку, заночевали. Утром Томас совсем раскис, как у нас говорят альпинисты. Он приболел еще в Пунта-Аренасе. Решили возвращаться в базовый лагерь.

Вернулись, сейчас **17:00**, в **20:00** будет связь с Пэтриот-Хиллз, и там решат, что делать с Томасом. Если его увезут, то тогда мы завтра пойдем до второго лагеря без остановки.

Массив вершины хорошо виден отсюда. Красивая. Жалко, время идет и дни хорошие, а я здесь, в базовом лагере. Но ничего, что ни делает Господь Бог, все к лучшему.

Планы

12 января 1996 года. Базовый лагерь под массивом Винсон

Утро. Грег приготовил яичницу, и мы позавтракали. Ждем, когда закипит вода на примусе, чтобы попить чай. Сейчас должен прилететь самолет из Пэтриот-Хиллз, чтобы забрать норвежца Томаса. Если все будет хорошо, то мы после обеда снова пойдем к массиву Винсон. Вчера с Грегом обсуждали маршрут, что можно за один день дойти до второго лагеря. На следующий день – до третьего, а затем на вершину и прямо до базового лагеря. Это очень сложно, но надо попробовать. Но это все зависит от Господа Бога.

Поднялся на самую высокую вершину Антарктиды – массив Винсон

14 января 1996 года

В **13:00** я стоял на самой высокой точке Антарктиды, на вершине массива Винсон. То, за чем я ехал в Антарктиду, я сделал. 5 января 1996 года стоял на Южном полюсе, а вот сегодня я на Винсоне. Сейчас можно подумать о покорении всех семи вершин мира. Самые значительные вершины взяты. Эверест в 1992 году, и вот Винсон. Сейчас надо еще настроиться на Аконкагуа[34], а затем домой, в Россию. Я счастлив, что живу такой жизнью. И благодарен Господу Богу.

«Массив Винсон»

Массив Винсон достался мне потом и кровью. Я шел и всю дорогу проклинал себя за то, что взял с собой альпинистский паек – супчики там всякие… А хотелось чего-нибудь посолиднее. Изголодался, для меня это было «голодное» восхождение…

Подъем до третьего, последнего лагеря на высоте 4 тысячи метров занял у меня три дня. Утром, когда двинулся к вершине, Господь Бог подарил мне солнце. Последнюю тысячу метров я одолел за семь часов. Это был рекорд, так как до меня американцы поднялись за 13 часов.

Мне было легче, чем американцам. Меня ветер прижимал к ледовой скале, я не так, как они, мерз. Я уже акклиматизировался во время похода к Южному полюсу. На вершине и десяти минут не стоял. Дул такой сильный ветер, что чуть не сдуло с вершины, еле устоял. Смог сделать только несколько кадров.

Обратно спустился за двое суток. При спуске погода испортилась, началась пурга. Приходилось быть очень осторожным, чтобы не провалиться в трещину. Но, слава Богу, все обошлось.

Если бы я не сделал этот подъем сразу после завершения экспедиции на Южный полюс, я бы не сделал этого никогда!

Мир тесен

16 января 1996 года. Базовый лагерь под массивом Винсон

11:40 утра по чилийскому времени. Лежу и думаю всякие думы. Погода тихая, туман. Сегодня не сможет прилететь за мной самолет из Пэтриот-Хиллз. Но я не расстраиваюсь. Я сделал свое дело. Меня не покидает мысль, почему так склонен Господь Бог ко мне: если он много мне дал, то, наверное, много и возьмет? По приезде в г. Врангель[35] надо в Хмыловке[36] залить фундамент под часовню Николаю Чудотворцу.

Наш земной шар очень маленький, на нем живет не так уж много людей. Здесь, под массивом Винсон, в Антарктиде, я встретил американца, с которым сидел в ресторане в Непале, в Катманду, после восхождения на Эверест в 1992 году. А с ним его друг, артист, он знает Карла Джонсона, а Карл снимал фильм «Сибирский пароход». Вот где встретились.

Ожидание

17 января 1996 года. База под Винсоном. 1775 метров над уровнем моря

78°32’07” ю. ш., 86°00’37” з. д.

13:10. Ждем самолета из Пэтриот-Хиллз. Плохая погода, небо все затянуто тучами, идет мелкий снег, видимости никакой, «твиноттер» не может вылететь к нам. На Пэтриот-Хиллз, в 220 километрах от нас, погода хорошая, а у нас плохая.

Надо идти на гору Аконкагуа

22 января 1996 года

20:30. Летим на «Геркулесе» с Пэтриот-Хиллз в Пунта-Аренас. Когда самолет взлетел, я посмотрел в иллюминатор и увидел ледовую бухту Геркулес и ту гору, у подножия которой была моя первая ночевка с 8 на 9 ноября 1995 года. Там я оставил свои запасные лыжи. Что меня ждет после Антарктиды? Все, что было в моих силах и по плану, я сделал. Дошел до полюса и взошел на Винсон. Соскучился по дому и по России. Но чувство тревожное, я знаю, что ничего хорошего меня не ждет. Только хлопоты, скандалы и организация новых экспедиций. Если сейчас в Пунта-Аренасе я найду деньги для восхождения на гору Аконкагуа, то надо это сделать и не спешить домой. Я хочу взойти на Аконкагуа. В апреле нужно поехать к Дэвиду в Англию и с ним пойти к магнитному полюсу. Затем в июне полетят на Мак-Кинли. Если я не найду яхту, на которой можно будет трижды обогнуть Землю, то буду стараться в этом году подняться на те из семи вершин мира, где еще не был. На Эльбрус взошел в 1992 году, на Эверест – тоже в 1992-м, на Винсон – в 1996-м. Остались Аконкагуа, Мак-Кинли, Килиманджаро и пик Костюшко.

«Эверест»

Вершины

Конец февраля 1996 года

Федор Конюхов первым в России завершил проект «Семь вершин мира»:

Эльбрус (5642 метра) – 15 февраля 1992 года
Эверест (8848 метров) – 14 мая 1992 года
Массив Винсон (4892 метра) – 14 января 1996 года
Аконкагуа (6962 метров) – 9 марта 1996 года
Килиманджаро (5895 метров) – 18 февраля 1997 года
Пик Костюшко (2230 метров) – 17 апреля 1997 года
Мак-Кинли (6194 метра) – 26 мая 1997 года

После того как я успешно покорил в Антарктиде массив Винсон, то задумал осуществить проект «Семь вершин мира» – подняться на высочайшие точки всех семи континентов Земного шара. У нас в России пока никто из альпинистов этого не сделал.

Для этого оставалось побывать еще на четырех вершинах. Как и Винсон, позади были Эверест и Эльбрус. В ближайшее время я планировал улететь в Южную Америку для восхождения на Аконкагуа.

Для меня проект «Семь вершин мира» не только восхождение. Я хочу написать картины. Высочайшей вершине каждого континента я хочу посвятить одну, а может, и несколько картин. По окончании проекта я хотел бы организовать выставку своих картин, которую так и назову: «Семь вершин мира».

«Восприятие гор»

И вновь разлука

25–26 февраля 1996 года. Из дневника Ирины Конюховой

– Почему ты так спешишь на эту гору?

– Ты же знаешь, кроме гор у меня есть и другие планы. А сейчас представился удобный случай покорить еще одну из них.

– Она опасная?

– Да, там гибнут люди.

– Она очень высокая?

– Да, выше массива Винсон. Почти 7000 метров.

– На вершине будет снег и мало кислорода?

– Да. Но не я первый и не я последний буду подниматься туда.

– Ты обещаешь мне, что будешь осторожен?

– По-другому мне нельзя. Мне еще очень много хочется в этой жизни сделать…

В шесть утра резко зазвонил будильник. Сегодня Федор улетит в Южную Америку покорять самую высокую вершину в Андах – Аконкагуа.

– Подарю тебе на 8 марта еще одну вершину, – обещал он мне на прощание.

Аконкагуа

9 марта 1996 года

Я на вершине Аконкагуа. Я поднялся на нее по самому сложному маршруту – по Польскому леднику, называемому так в память погибшего на нем польского альпиниста.

«Аконкагуа»

Килиманджаро

18 февраля 1997 года

Жаркие и пыльные дни подхода к самой горе, холодный и пронзительный ветер на вершине. Я рад, что пятая гора из семи у меня есть.

О Килиманджаро рассказывать сложно, ее надо видеть. У меня свои отношения с этой горой. Я мечтал ее увидеть, чтобы написать серию картин о ней. Мне жаль, что я так мало был на этой красивой горе. На подъем ушло четыре дня, на спуск – два. Мне хотелось побыть наедине со снегами Килиманджаро, но там запрещается подниматься в одиночку. Это Национальный парк Танзании, и каждый обязан нанимать проводников. Меня проводники сопровождали до подножья, а потом они наблюдали за мной через бинокль и вели переговоры по рации.

«Килиманджаро»

Пик Костюшко

17 апреля 1997 года

Странное это ощущение! Небольшая гора, всего 2230 метров, тоже считается вершиной. Непривычно просто стоять на вершине и никуда не спешить, не бояться, что ветром сдует, как с массива Винсон.

Не повезло Австралии, у нее нет Эвереста, зато хорошо ее жителям. Каждому доступна эта небольшая гора.

Я поднялся на невысокий пьедестал из камня, сделанный специально для съемок туристов. Отснял себя, поставив фотоаппарат на автомат, с флагами России, Москвы и СГУ.

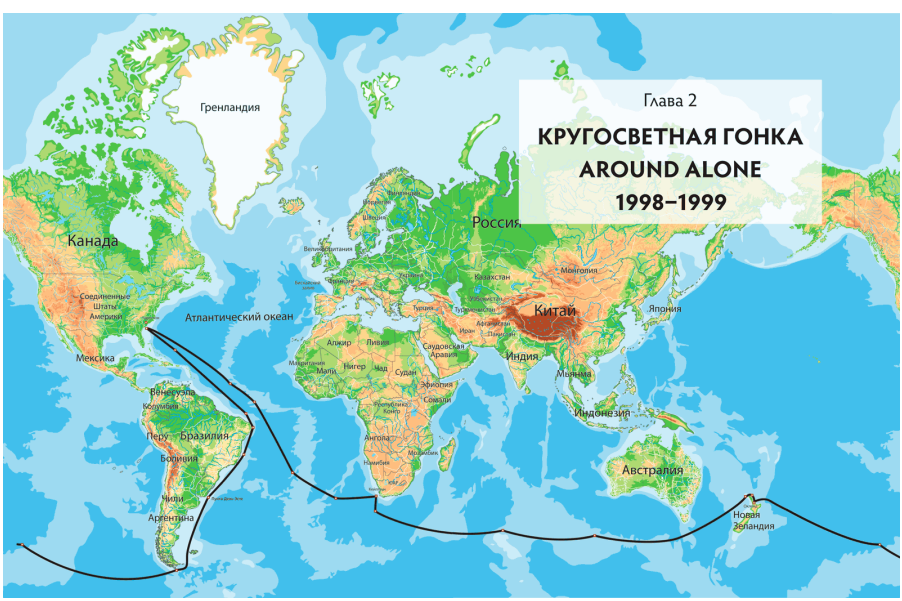
«Пик Костюшко»

Мак-Кинли

26 мая 1997 года

Ура-Ура-Ура! У меня есть победа. «Семь вершин» за мной. Я победил не горы, а самого себя. Я смог это сделать.

«В горах Камчатки»



Глава 2
Кругосветная гонка Around Alone 1998–1999

Молитва – самая тяжелая работа, и всегда человек оставляет самую сложную и тяжелую работу на потом. И вот наступило потом, наступил тот час, и я знал, как я выполню эту работу, от нее зависит моя жизнь, и я старался не прекращать работу все три дня и три ночи.

Федор Конюхов

Гавр – Чарлстон[37]

Around Alone – многоэтапная кругосветная гонка одиночек, ее протяженность более 27 000 морских миль (примерно 50 000 км). Around Alone проводится один раз в четыре года.

Федор стартовал 26 сентября 1998 года из порта города Чарльстон, финишировал – 27 мая 1999 года.

Маршрут проходил через промежуточные порты: Кейптаун (ЮАР), Окленд (Новая Зеландия), Пунта-Дель-Эсте (Аргентина).

Потому что ты выберешь яхту

3 июля 1998 года. Из дневника Ирины Конюховой

Уже неделя, как Федор во Франции. Каждое утро мы созваниваемся. Сегодня как никогда долго говорили. У Федора много проблем. Ругает французов: «Я сюда больше не вернусь! Франция захирела. За все берут деньги. За установку электричества – 500 франков! И не идут на уступки!» – «Как тебе яхта?» – «Конструкция плохая, она узкая, везде щели, и нужно наклоняться. У меня кости болят. А так яхта красивая… Зачем ты меня отпустила? В следующий раз скажи: “Или я, или яхта”». – «Не скажу». – «Почему?» – «Потому что ты выберешь яхту…»

Мы пересекаем Ла-Манш

7 июля 1998 года

50°06’ с. ш., 0°45’ з. д.

Сегодня первый день в море на яхте «Современный гуманитарный университет». Мы идем из Гавра в Ле-Сабль-д’Олон (Les Sables d’Olonne)[38]. Погода плохая, ветер встречный, небо затянуто тучами. Я отвык от моря, от яхты. С 1994 года не был в море.

20:00. Эрик спит, Оскар стоит на вахте. Мы пересекаем Ла-Манш.

Хорошо, что у меня есть помощники

10 июля 1998 года. Бискайский залив[39]

46°49’ с. ш., 2°18’ з. д.

09:00. Утро. Подходим к Ле-Сабль-д'Олону, столице одиночных гонок. Ветер попутный, слабый. Эрик очень переживает, что мы не успеем зайти до отлива. Скорость 5 узлов. Глубина под килем 6 метров.

В **17:00** *з*ашли в Ле-Сабль-д'Олон. Все хорошо, первый этап завершен, прошел 600 миль[40]. Эрик и Оскар мне очень помогли, хорошо, что они пошли со мной.

Что принесет первая ночь в океане?

14 июля 1998 года. Порт Ле-Сабль-д'Олон

08:09. Готовлюсь к старту через Атлантику.

10:52. Я один в океане. Все позади.

20:00. Ветер меняется. Уже вечер, холодно, я хочу спать, но нет возможности. Спать нельзя, так как поблизости есть рыбачки (суда). За 12 часов прошел 98 миль по лагу.

22:00. Солнце зашло в тучи, значит, ночь будет плохая. Господи, что мне принесет эта первая ночь в океане?

Я давно не слышал такой тишины

15 июля 1998 года. Бискайский залив

09:00. За сутки прошел 170 миль. Сейчас яхта лежит в дрейфе. Я приготовил себе суп: три картошки, один сладкий перец, одна морковь, один зубок чеснока, немного капусты и кусочек колбасы. Залил все одной кружкой воды забортной и двумя кружками пресной.

11:20. Ветра нет. Океан красивый, весь блестит. Штиль. Тишина такая, что в ушах звенит. Я счастлив, что здесь, вдали от суеты людской. Я давно не слышал такой тишины. Подобная тишина была, когда я шел на Северный полюс и на Южный, а вот на Эвересте – там нет такой звенящей тишины. Красиво, хотя и нет скорости, но все равно красиво.

Надо дождаться попутного ветра

16 июля 1998 года

46°39' с. ш., 6°15' з. д.

Шторм. Убрал грот. Иду под штормовым стакселем.

10:00. Шторм продолжается. Лежу в дрейфе. Небо все затянуто, и нет нигде просвета. В яхту поступает вода, где и откуда – не знаю. Откачиваю ведром. Холодно, весь мокрый. Ночью убирал грот, весь промок.

19:00. Вечер. Я решил первый раз поставить (попытаться

поставить) и вскипятить воду для кофе. Голова разваливается, может, после кофе полегчает. Ветер чуть стих, но зыбь большая, я не хочу поднимать полный грот в ночь. Да и спешить некуда. Надо дождаться попутного ветра.

Надо отойти подальше от пароходов

18 июля 1998 года. Атлантический океан
45°59’ с. ш., 7°02’ з. д.

02:00. Штиль. Ветра нет. Небо очистилось от туч, и вышли все звезды в своей красе. Я лежал в кокпите и смотрел на них. Как давно я не видел такого неба! Ради таких минут стоит жить и идти в океан. Только это привлекает меня в плавании, а работа с парусами утомляет.

21:30. Целый день был на палубе. Мало писал. Сейчас задул попутный ветер. Я поставил все паруса. Геную поменял на бабочку. Яхта идет со скоростью 4–5 узлов курсом 290 градусов. Как раз по моему пути. Дай бы Бог, чтобы так немного продержался. Надо отойти подальше от земли и от пароходов. Сегодня ночь будет сложная, я как раз выхожу на путь пароходов, идущих в Ла-Манш[41].

22:30. Как много кораблей идет в Английский канал! Один за одним. Они не дают расслабиться.

Я бы назвал свою яхту «Неукротимая»

19 июля 1998 года. Атлантический океан
46°13’ с. ш., 8°50’ з. д.

05:30. Ночь прошла. Очень холодно, я сильно мерз. Надел все что есть, и все равно зуб на зуб не попадает. Ночью повесил, а вернее, скотчем приклеил три фотографии: моей Иринушки, Оскара с сыном Филиппом на берегу бухты Врангеля и Филиппа, моего внука, где он стоит у березки. Он весь в нашу породу Конюховых. Оскар был в детстве точно такой же. Я сейчас смотрю на этих самых близких мне людей. Плохо, что не взял фото моей дочки Тани. Я по ней очень скучаю.

Яхта несется, как бешеная лошадь, на большой скорости. Немного не выдержал курс, так как ветер зашел прямо на SW и прямо в нос, иду на NW[42].

12:00. Барометр резко падает, ветер усиливается. Убрал последний риф, все равно мало. Яхта как сумасшедшая несется. Стоит грохот. Такое ощущение, что она разломается. Сложная конструкция у этой яхты, очень тяжело управляться с ней. Когда нет ветра, она стоит, ее болтает, и приходится все время с ней

работать, а чуть задул ветер – она как будто срывается с цепи и несется без оглядки. Была бы моя воля, я бы ее назвал не «Современный гуманитарный университет», а «Неукротимая». Я не представляю, как она будет себя вести в «ревущих сороковых»[43].

16:00. Шторм вырос. Я стоял за рулем час, чтобы немного отдохнул автопилот. Волны метра по два – два с половиной. Небо без просвета. Барометр продолжает падать. Здесь, в океане, время так сгущается – что-то, что делал вчера, кажется прожитым за несколько дней. В один час столько событий.

22:00. Начало темнеть. Погода по-прежнему плохая, яхту сильно бросает, тяжело идет, волны беспорядочные. Я стоял долго у штурвала, руки от воды соленой и дождевой распухли. Тяжело писать. Стоял и долго-долго думал о том образе жизни, который я веду. Правильно или неправильно? Только Богу угодно знать!

Возвращаюсь в Европу

21 июля 1998 года. Атлантический океан
45°22’ с. ш., 14°44’ з. д.

15:00. То, чего я и боялся, случилось. Отказал дизель-генератор. Я остался без света, без питания на авторулевой. Это серьезно. Возвращаюсь в Европу.

Никаких проволочек

25 июля 1998 года. Лиссабон
38°54’ с. ш., 9°45’ з. д.

14:00. Стал у причала Лиссабона. Полиция приняла меня хорошо. Никаких проволочек, все отлично.

«Я потерпел небольшое поражение»

26 июля 1998 года. Из дневника Ирины Конюховой

Говорила с Федором по телефону. Он подавлен, но старается держаться: «Я потерпел небольшое поражение. В главный двигатель прорвало воду, картер[44] залило водой. Дизель-генератор не работал. Остался полностью без электропитания. Поэтому решил возвращаться в Португалию, в Лиссабон. Без автопилота при встречном ветре не смог бы дойти до Америки. До нее 3000 миль, а до Лиссабона 500». – «Не переживай. У тебя еще есть время. Ты пока успеваешь

к старту гонки. А в Лиссабоне как следует подготовишь яхту». – «Для меня эти дни будут адом. Я должен быть сейчас в океане».

Вышел из Лиссабона

2 августа 1998 года. Атлантический океан
38°34’ с. ш., 9°26’ з. д.

15:30. Вышел из Лиссабона. Океан весь белый, барашки. Ветер 30 узлов, N. Курс 210 градусов. Скорость – 7 узлов. Когда стоял за штурвалом, шел 10–12 узлов. Сейчас уменьшил геную, чтобы легче было автопилоту. Надо немного разобраться внутри яхты. Все полетело со своих мест. Некогда поесть.

23:30. Ночь. Светит луна. Ветер 30 узлов. Холодно.

Когда же это кончится!

8 августа 1998 года. Атлантический океан
34°21’ с. ш., 23°44’ з. д.

07:30 по Гринвичу. Еще солнце не взошло, но скоро. В океане штиль. Ночь прошла спокойно. Сначала были тучи, а затем небо очистилось. И вышла полная луна. Стало светло, а сейчас к утру снова по небу пошли тучи, дай бы Бог, чтобы немного было ветра.

17:00. Задул ветерок, NW. Яхта идет со скоростью 7 узлов курсом 240 градусов. Барометр чуть начал идти вниз, к плохой погоде. Здесь, в океане, на яхте, погода никогда не бывает хорошей. Если нет ветра, нет волны, то нет и скорости, а если есть скорость, то это волны, качка и все остальное. И в штиль, и в шторм ты ждешь, когда же это кончится!

Надо оставаться хозяином положения

11 августа 1998 года. Атлантический океан
32°07’ с. ш., 26°57’ з. д.

07:30. Еще солнце не взошло. Луна на небе. Она идет к старости. Сейчас светит после полуночи и до утра.

13:30. Начинает печь полдень, как в пекле. Чувствуется субтропический зной – здесь всегда жара. Небо без единого облака, все тучи ушли за горизонт.

14:30. Прилег, хотел немного поспать, но заполоскали паруса. Снова на руль, снова надо настраивать яхту по ветру и курсу. Как плохо, что не работает авторулевой.

19:00. Весь день думал об Иринушке, об Оскаре. До чего же противно на душе от сознания, что все усилия многих людей будут напрасны, если я не успею к старту гонки. Глядя на океан,

на небо, поневоле чувствуешь себя ничтожным.

Мореплаватель-одиночка должен уметь выходить из сложившихся обстоятельств, чтобы эти обстоятельства не оседлали его, чтобы оставаться хозяином положения.

Великое изобретение – спутниковый телефон

12 августа 1998 года. Атлантический океан

Утро. Скоро взойдет солнце. По Гринвичу **08:00** утра. Моя плоть пропитана морем. И вот тому доказательство: стоит мне провести хотя бы несколько дней в океане, и я становлюсь крепче духом и телом. Здесь в одиночестве я живу в согласии с ритмом океана. Я ставлю и убираю паруса, ловлю рыбу и любуюсь восходами, а на закате читаю молитву «Отче наш». Я думаю о том, что когда-то я создам свою серию картин о человеке в океане. У меня на яхте нет радио и телевизора, я не слушаю бред наших политиков. Я занят простым и привычным делом – управлять яхтой – и поглощен тем, что делаю. Там, на берегу, я лишний, у меня нет дела, я не знаю, чем заняться, и это больше всего меня угнетает.

12:00. Поставил паруса на бабочку, но яхта плохо слушается. Плохо, что мою красивую яхту назвали «Современный гуманитарный университет». Это не подходит к названию парусников. Мои предыдущие яхты были хорошо названы. «Караана» в переводе с языка аборигенов Австралии – «мирная». Вторая была «Формоза».

Великое изобретение – спутниковый телефон. С ним плавание на яхте приобретает совсем другой характер. Правда, он не только приносит радость, но и сеет тревогу. Я все время боюсь прозевать разговор с Москвой, я все переживаю за аккумуляторы. Если они сядут совсем, то прекратится связь, и там, дома, в России, за меня будут волноваться. Телефон придает какие-то силы, но в то же время разлука воспринимается еще сильнее.

У меня каждый день что-то случается

14 августа 1998 года. Атлантический океан

10:00. Беда не ходит одна, как говорят в народе. У меня каждый день что-то случается. Сейчас отказал GPS-навигатор. Не ловит координаты. Почему? Или не хватает питания, или я долго не включал, и он потерял программу.

14:00. Поменял галс-спинакер. С правого борта перебросил на левый. Так легко писать: на яхте перебросил с правого

на левый борт, а на это ушло три часа, да каких три часа! Это как боевик, как в бою сражался со спинакером, ветром и яхтой.

Когда я окажусь в обществе людей?

16 августа 1998 года. Атлантический океан
25°54’ с. ш., 38°24’ з. д.

10:00. Я и моя яхта – в самом центре Атлантического океана. Мы зашли в район самой примитивной жизни. Океанскую гладь не нарушает ничто живое. Нет ни птиц, ни животных, ни рыб. Под нами глубина 5000 метров. Нет ни голосов, ни звуков. Тишина мертвая, только звон в ушах стоит от этого бесконечного безмолвия. Меня мучают раздумья: когда я окажусь в обществе людей? И суждено ли этому быть?

22:00. Ночь. Уже темно. У меня на яхте нет света. Зажег свечу. Она дает таинственный, живой свет. При свече не хочется читать абы какие книги. Сейчас буду читать Евангелие.

Человеческая жизнь зависит от солнца

20 августа 1998 года. Атлантический океан
25°28’ с. ш., 47°11’ з. д.

Море издавна влекло человека. А я один из этих человеков. В море, как и на суше, все живое движется, в том числе и мы с яхтой движемся к своей цели, к порту Чарлстон, а там я встречу самую красивую женщину, мою Иринушку.

Ночь. **04:00** по Гринвичу, а по местному – **01:00**. Только что разминулся со встречным пароходом. Я вышел на судовую трассу Нью-Йорк – Кейптаун[45]. Точно так же я встречал здесь суда, когда шел на «Формозе». У меня обозначено, что я встретил в 1993 году в этом районе семь пароходов.

«Весенние фантазии»

11:15. Из-за туч чуть-чуть начало тускло выглядывать солнышко. Как оно мне нужно! Я сразу включил солнечные батареи. Человеческая жизнь полностью, без остатка зависит от солнца.

Чем ближе к Америке, тем больше кораблей

21 августа 1998 года. Атлантический океан

25°22’ с. ш., 51°06’ з. д.

С **10:30** до **12:15** возился с парусом. Убрал геную, которая была на правом борту растянута на спинакер-гике. Сейчас поставил на правый борт спинакер с узлом, а на левом борту стаксель натянут втугую, наполовину раскручен, и в центре на внутреннем штаге стоит штормовой стаксель для баланса.

18:15. Снова подключил эхоответчик (еще его называют антирадар). Этот прибор мне предоставил Володя Зайцев из Зеленограда. Он хорош тем, что ночью дает звуковой сигнал, если его кто-нибудь облучит локатором. А это значит – недалеко судно. Я использовал антирадар на первом этапе: Ле-Сабль-д’Олон – Лиссабон. Он хорошо мне ночью помогал, предупреждал об идущих судах. Сейчас прибор был отключен из-за нехватки питания. Но я решил его снова подключить. Чем ближе к Америке, тем больше кораблей. Они будут создавать препятствия.

Мы говорили о моем прилете в Чарлстон

22 августа 1998 года. Из дневника Ирины Конюховой

Двадцать дней, как Федор вышел из Лиссабона и находится в Атлантическом океане. Его яхта движется в направлении портового города Чарлстон не так быстро, как он хотел.

Мы говорили о моем прилете в Чарлстон. Он просит привезти ему девять свечей из церкви, а также святую воду, песок и масло из Иерусалима, с которыми он ходил на Южный полюс.

В океане для счастья надо совсем немного

24 августа 1998 года. Атлантический океан. Саргассово море

26°19’ с. ш., 56°23’ з. д.

10:40. Солнце вышло на востоке из-за туч, включил солнечные батареи. Ветерок чуть-чуть начал дуть (дышать). Дай бы Бог, чтобы он хотя бы такой был. Все-таки яхта идет вперед, вперед к моей Иринушке!

13:00. Убрал на палубе и в кокпите, то есть навел порядок. Уже как будто готовлюсь к приходу в Чарлстон. Это как репетиция. Я не хочу прийти в порт в неряшливом виде. Думаю, какую рубашку надеть, когда буду заходить в порт.

23:30. Ура-ура-ура! Я увидел на западе тоненький месяц. Как я обрадовался. Дай Бог, он будет мне светить до самого Чарлстона. С луной веселее в океане и не так одиноко в ночное время. Луна всегда дает какую-то надежду. Я счастлив, что ее сегодня увидел. Здесь, в океане, для счастья надо совсем немного.

Слева по борту увидел далеко огни чего-то непонятного: парохода или яхты. Вчера вечером там же были такие же огни.

Авария

25 августа 1998 года. Атлантический океан. Саргассово море

10:20. Слава Богу, ночь прошла благополучно. Скоро взойдет солнце. Я поставил воду кипятить на печку для утреннего кофе, это самые блаженные минуты. Я пью кофе, затем лежу и что-нибудь читаю. И так минут тридцать-сорок, а потом уже берусь за работу. Но это, конечно, если погода позволяет и яхта идет по курсу. Сегодня, кажется, все идет пока так, как я хочу. Скорость яхты от 5 до 6 узлов. Это неплохо.

12:30. Беда всегда есть беда. Сейчас только что оставил за кормой спинакер. Хорошо, что авария произошла не ночью. На топе мачты, где проходит фал спинакера, оборвался блок, и спинакер упал в воду. Яхта наехала на него. Я ничего не мог поделать. Никак нельзя было его вытащить на палубу, он погрузился в воду, набрал воды в себя, как в мешок. Но это полбеды. Он зашел под корпус яхты, под киль и перья руля, вот что опасно было. Я быстро обрезал все три конца: фал, шкот, фаловый угол. Спинакер прошел под яхтой. Как я молил Бога, чтобы он не зацепился за перья руля. Он прошел и остался за кормой. Я сфотографировал такое синее пятно на фоне зеленого моря.

Господь мне дал подарок

26 августа 1998 года. Атлантический океан. Саргассово море

03:00. Ночь. Идет мелкий дождь. Месяц уже скрылся. Очень темно. Сегодня даже океан не светится.

04:00. Да, ну и ночка! Идут шквалы с дождем. Я все время на палубе. Надо очень следить за парусами.

09:00 по Гринвичу, а по местному – четыре утра. Еще темно. Справа по борту на восток прошел пароход. Подо мной глубина 6226 метров.

Господь мне дал подарок. На палубе утром при восходе солнца нашел четыре небольшие летающие рыбки. Я их помыл, почистил, залил соевым соусом и через пять минут съел. Очень вкусно, давно ничего свежего не ел.

Закон подлости

27 августа 1998 года. Атлантический океан. Саргассово море

11:15. Солнышко только что показалось из-за горизонта. Восточный горизонт немного затянут рваными тучами, а западная часть неба чистая. Океан покрыт частой зыбью. Чувствуется, что где-то прошел шторм. Как спать хочется на рассвете! Ночь была неспокойная. Яхта не хотела слушаться руля и идти по курсу. Приходилось стоять у штурвала подолгу. Я, чтобы не было скучно и чтобы как-то разогнать сон, командовал и представлял, что в моей команде мой внук Филипп. Я ему говорю: ну что, внучок, пойдем пасти барашков – это значит, по океану идут белые гребни, а мы с ним чабаны (пастухи).

11:30. Закон подлости всегда преследует. Я не могу поговорить по телефону. Показывает, что спутник за горизонтом. А там, в Москве, в офисе СГУ, все собрались: Иринушка, Таня – дочь моя, Оскар, а тут как назло нет связи.

Рядом идет ураган

28 августа 1998 года. Атлантический океан

00:30. Яхта плохо слушается. Все небо в тучах, закат был суровый, чувствуется, что рядом идет ураган. Яхта вся содрогается.

11:30. Прошел за сутки неплохо, спасибо Господу Богу. Сейчас пойду пить кофе. Я утром пью кофе, а днем и вечером – чай.

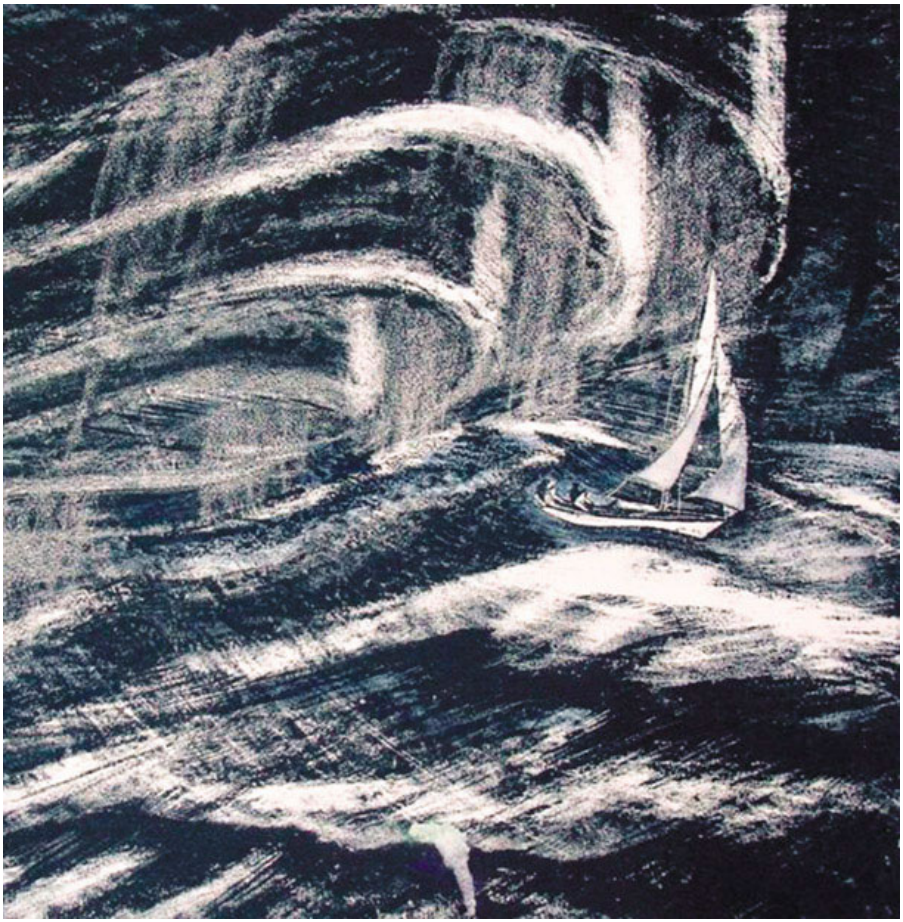
Шторм

29 августа 1998 года. Атлантический океан

27°02’ с. ш., 70°25’ з. д.

На горизонте, на северо-востоке, показалась черная туча. Я знал, что там шквалы, взял чуть северо-западнее, думаю, может, мы с ней разминемся. Хотел проскочить из-под нее, вынырнуть, но не тут-то было, она шла быстрее, чем яхта. В последние минуты я понял, что нам не избежать встречи.

15:30. Шторм. Яхту бросает. Ветер 100 узлов. Идет дождь, все мокрое.



«Шторм»

На десять часов пути – час привала

29 августа 1998 года. Из дневника Ирины Конюховой

Пытаюсь подсчитать, чего у Федора было больше за последние десять лет: дороги или привала среди людей? Получается, что дороги больше. На десять часов пути – час привала.

Больше трех лет я была свидетельницей его жизни «на перевалочной базе» – между экспедициями. Мне иногда кажется, что Федор не сам возвращается, а его заставляют возвращаться.

Иду на север

1 сентября 1998 года. Атлантический океан

30°01’ с. ш., 73°20’ з. д.

После урагана, слава Богу, я живой. Целый день убираю внутри яхты и навожу порядок с такелажем. Большая зыбь. Ветер западный. Иду на N.

У меня все ослаблено

2 сентября 1998 года. Атлантический океан

30°43’ с. ш., 73°18’ з. д.

12:00. Утро, скоро взойдет солнце. По небу перистые облака. Мне не нравятся они. Как я боюсь второго урагана! У меня все ослаблено: на яхте – такелаж, а у меня – мои нервы. Просто я боюсь. Ветер слабый, но западный и не дает идти в Чарлстон.

Приходится все время находиться на палубе

3 сентября 1998 года. Атлантический океан

31°20’ с. ш., 75°12’ з. д.

13:00. Ветер пока дает возможность идти к Чарлстону, стоять на каждом штаге на малом парусе. Я их не нагружаю. В каюте яхты нахожусь мало. Все покрыто плесенью. Она живая. Как только я спущусь, сразу все тело начинает гореть, зудеть, колоть. Такое ощущение, что плесень набрасывается на меня. Приходится все время находиться на палубе.

17:00. Очень хорошо за сутки прошел. Два градуса по курсу. Это отлично. Погода очень настораживает. Непонятно какая. Небо затянуто сплошными тучами. Океан стал низкий, без волн.

22:00. Барометр падает. Идет шторм.

Ничего нет сухого

4 сентября 1998 года. Атлантический океан

00:30. Господи, как я устал от этих штормов. Сейчас снова начался шторм. Не дает идти. Когда это закончится? Все сырое, все. Ничего нет сухого. Ночь будет сложная. Дал бы Бог выжить.

02:00. Сейчас пережил очень страшный момент. Яхту положило на борт, а я оказался за бортом.

Новости

4 сентября 1998 года. Из дневника Ирины Конюховой

00:30. Наконец я в Чарлстоне, где меня встретил сын Федора – Оскар. Он уже два дня в этом городе и освоился. На мой вопрос он тут же ответил, что о Федоре по-прежнему никаких

известий нет. Но на квартире нас ждали новости. Яхту обнаружил американский корабль береговой охраны. Он разыскивал попавший в шторм рыбацкий бот, а нашел яхту Федора. Федор сейчас находится у побережья, севернее Чарлстона. Его яхта не может преодолеть течение Гольфстрим и будет приведена в порт на буксире.

«Почему он оказался на севере, хотя намеревался идти к Чарлстону югом?» – недоумевал Оскар. Он очень переживал за отца, и это было заметно. Мы оба предположили, что Федор попал в шторм и его отнесло на север.

Американцы на борту

5 сентября 1998 года. Атлантический океан

03:00. Подошел и ходит вокруг яхты американский военный корабль-пограничник. Плохо, что я не говорю по-английски. Я им сказал, куда я иду, но они начали задавать мне вопросы, а я не могу их разобрать, да еще по плохой рации.

03:30. Подошел ко мне бот – резиновая большая лодка. Три военных американца. Один поднялся на борт, связался по рации, и сейчас сообщат в Чарлстон, что меня видели.

14:00. Меня все уносит на восток. Что же это такое? Море пустое. Ветер ровно чуть-чуть дует с запада.

Мои гости

6 сентября 1998 года. Атлантический океан

14:00. Иду на буксире за военным кораблем Block Island U. S. C. G. C. MPB – 1344. У меня на борту американец Марк. Ему 32 года. Хороший парень. Типичный американец. Подстрижен под бокс. Лицо как в американских фильмах. С отвисшей челюстью, здоровый, высокий, упитанный. Ест только чипсы и запивает их водой из маленьких бутылочек. Он каждый час смотрит на крепление буксировочного троса и передает по рации на корабль.

Ночью спали по очереди. То он, то я, но меньше часа. Сейчас передали, что навстречу идет небольшой катер, чтобы взять меня на буксир и тащить в Чарлстон. А они уйдут на свою базу в порт Уилмингтон. Это на один градус выше Чарлстона, на 34-м градусе северной широты и 78-м градусе западной долготы. Ночью прошли очень мало. Я мечтаю, что на этом небольшом катере будут Оскар и Иринушка. Погода чуть-чуть ухудшается…

«Никогда я не был так близко к смерти»

7 сентября 1998 года. Из дневника Ирины Конюховой

В **02:00** мы наконец нашли нужный нам катер среди множества разных по размеру и предназначению частных суденышек. «Держитесь!» – катер рванул с места. Оскар, привыкший к подобным вояжам, устоял на ногах, а я со всей силой прижалась к какой-то вертикальной стойке посередине катера.

Несмотря на то что катер сильно бросало на волнах, Оскар легко двигался по нему и все выглядывал яхту Федора. «Вон он!» – Оскар увидел яхту раньше американцев.

Федор стоял на палубе, босой, в одних шортах, без головного убора. Разросшиеся волосы и борода закрывали почти все лицо. Не видно было ничего, кроме его глаз.

«Никогда я не был так близко к смерти», – были первые слова, которые мы услышали от Федора. Как рассказал Федор, он попал в ураган «Даниель», скорость которого достигала 130 миль в час. Это был ураган смерти, и теоретически шансов на спасение не было. Яхту Федора крутило несколько дней, и все это время она лежала на боку.

«Я увидел огромную черноту, смешанную с огнем, которая накрыла меня, и я, казалось, попал в ад. Дышать нечем – вылилась солярка из канистры, 120 литров смешались с морской водой внутри яхты. Стоя по колено в этой воде, я задыхался. Меня выбросило за борт – чудом спасся. Хотелось пить, и я просил Господа: “Только бы глоток пресной воды!”

Когда снова оказался на яхте, то, задыхаясь от паров солярки, я понял, что буду умирать мучительной смертью. И я закричал: “Господи, забери меня, но только не так, не дай умереть такой смертью!”»

Прервав рассказ, Федор бросился в рубку и стал что-то искать на кухонном столике. В руках у него мы увидели обломки ножа. А дальше мы услышали то, о чем предпочитают молчать. Но Федор поведал об этом не только нам, он покаялся в этом на исповеди в Чарлстоне священнику отцу Анастасису. «Мне на глаза попал нож. Я схватил его и хотел покончить с собой: я не хотел умирать в муках. И тут нож сломался! Только когда это случилось, я пришел в себя, забился в угол, прижал к себе иконку Николая Чудотворца и, молясь, ждал исхода».

…В порт мы подошли, когда уже рассвело. Яхту пришвартовали к причалу, и теперь можно сойти на берег.

«А где твоя обувь, ты что, так и пойдешь босиком?» – спросил Оскар отца. «Да ничего, все нормально, – ответил тот. – Волной

смыло». – «Так даже символично – пройтись по Чарлстону босиком», – пошутила я. И впервые за это утро мы все улыбнулись.

Этап Чарлстон – Кейптаун

Старт

26 сентября 1998 года. Чарлстон. Из дневника Ирины Конюховой

Федор надел спасательный костюм, который ему выдали в гоночном комитете. Тут у меня сдали нервы. «Ирочка, – тронул меня за плечо Федор, – перестань плакать, ты меня обижаешь».

09:45. Отец Анастасис протянул нам с Федором молитвенник на русском языке (ранее, 16 сентября, он освятил яхту Федора). Стоя на причале рядом с покачивающейся на волнах яхтой, мы втроем прочитали молитвы.

В **10:30** зазвучал гимн России – это было неожиданно и трогательно. «Все, отходим!» – выдохнул Федор. Мы тронулись от причала, где нам хлопали и махали на прощание множество людей. Были среди них и уже знакомые и близкие нам люди: отец Анастасис, прихожане русской православной церкви…

Яхту вел на буксире катер, там находились ректор Современного гуманитарного университета Михаил Петрович Карпенко и его коллеги, которые прилетели в Чарлстон на проводы Федора. Именно благодаря ректору СГУ Федор смог принять участие в гонке, именно он выделил деньги на покупку яхты.

Стальной от яркого солнца океан был заполонен яхтами, большими и малыми прогулочными катерами – все направлялись посмотреть на старт гонки. Федор немного нервничал: «Слишком много судов вокруг – трудно будет на старте». Я ощущала, как присутствие Федора слабеет, постепенно он уходил в другое пространство. «Пора поднимать паруса», – он осторожно выпустил мою руку, и я отстранилась, чтобы не мешаться.

Вот паруса поставлены, но что-то случилось с яхтой – она не слушалась руля. Началась суета: Федор пытался вскрыть руль, потом прыгнул в отделение, где находится двигатель, затем нырнул в рубку. Наконец все наладилось: Федор вспомнил, что перед отходом он включил авторулевой механизм.

В **12:00** пушечный выстрел корабля береговой охраны возвестил о том, что международная кругосветная гонка Around Alone 1998–1999 стартовала. Шестнадцать яхт из разных стран отправились в путь. Первый этап гонки – Чарлстон (США) – Кейптаун (Южная Африка).

Только море, яхта и я

26 сентября 1998 года. Атлантический океан
32°36’ с. ш., 79°42’ з. д.
18:00. Вокруг никого. Только море, яхта и я.

Одиночество радует меня

27 сентября 1998 года. Атлантический океан
31°33’ с. ш., 78°21’ з. д.
Одиночество радует меня, и это помогает преодолевать усталость. Я наедине со своими мыслями, довольный тем, что вырвался из суетного мира людей и все их сложности остались там, за Гольфстримом.
19:00. Небо затянуто тучами, ветер встречный, иду курсом 107 градусов, а надо идти 120 градусов. Хочется спать. Но яхта сама плохо слушается руля, а автопилот нельзя включить, нет питания, батареи не заряжаются.

Болеют слабые духом

28 сентября 1998 года. Атлантический океан
30°53’ с. ш., 76°41’ з. д.
07:00. Ночь прошла хорошо. Были звезды. Я лежал и думал о Вселенной и искал ту звезду, на которой живут такие же люди, как мы. Они должны быть, так не может быть, что только мы. Из миллиарда галактик должна быть такая, как наша.
12:00. Нужно себя контролировать. Нужно гнать болезнь от тела. Наше тело подчинено нашей воле, а усилием воли можно выгнать из себя любую болезнь, даже рак. Как это сделал Фрэнсис Чичестер[46]. Сильные люди не болеют. Болеют слабые духом.

Древние греки были мудрыми

3 октября 1998 года. Атлантический океан
26°43’ с. ш., 64°20’ з. д.
11:30. Древние греки говорили так: «Плавать по морям необходимо, жить не так уж необходимо».

Слова отца

7 октября 1998 года. Атлантический океан
25°09’ с. ш., 59°30’ з. д.

Что делать? Не хватает электроэнергии. За ночь аккумуляторы полностью садятся.

06:00. Очень большая зыбь. Ночь отвратительная. Гроза меня обложила, как красными флажками волка. Спина ноет; плечи, руки и ноги как ватные; веки, кажется, весят тонну; во рту горечь от кофе. Сколько еще придется стоять у штурвала?

14:27. Мне еще в детстве отец говорил: «Федька, если ты почувствуешь и поймешь море, то сможешь себя раскрыть в жизни. Только через море можно узнать себя». Вот я и узнаю, сколько лет, сколько я видел морей, сколько чистого времени я пробыл в океане.

Дом дорады

9 октября 1998 года. Атлантический океан
22°09’ с. ш., 55°35’ з. д.

Сейчас ночи темные. Луна стареет. Я, наверное, старею. Это не наверное, а так и есть. В молодости я не боялся одиночества, а вот сейчас что-то стало пугать меня, когда я один. Мне все больше и больше хочется быть с людьми. Я спешу в порт Кейптаун не для того, чтобы завершить первый этап кругосветки, я спешу, чтобы быстрее увидеть глаза Иринушки.

14:30. Поймал дораду[47]. Еще с утра за корму выпустил блесну, но на скорости 9–10 узлов она выскакивает из воды и, конечно, рыбу поймать невозможно. Но начал менять паруса, яхта приостановилась, и смотрю: повело вправо линь поверху. Начал подтаскивать и увидел, что это золотистая дорада попалась, длиной сантиметров восемьдесят. Я не очень-то обрадовался, ведь дораду очень тяжело вытащить – это спортивная рыба, обычно она срывается. Но эту рыбину я довольно легко вытащил.

И вот сейчас целая кастрюля варится на печке, да я уже и немного перекусил. Сделал сасими: отрезал филе чистого мяса, нарезал кубиками небольшими, по сантиметру, залил соевым соусом и через пять минут налил себе стаканчик вина белого, как полагается к рыбе. Очень хорошо пошло.

Я странный человек: что я ищу в океане, чего мне на земле не хватает? Ведь океан – это дом дорады, а не мой. Почему я решил, что мое место на яхте, которая обязательно должна идти вокруг света? Откуда такая уверенность, что это мое место, что это моя судьба? Я странный человек, я счастлив тем, что один в океане.

День рождения внука

10 октября 1998 года. Атлантический океан

Сегодня день рождения Филиппа. Ему уже исполнилось четыре года. Как время летит быстро! Я счастлив, что у меня есть внук.

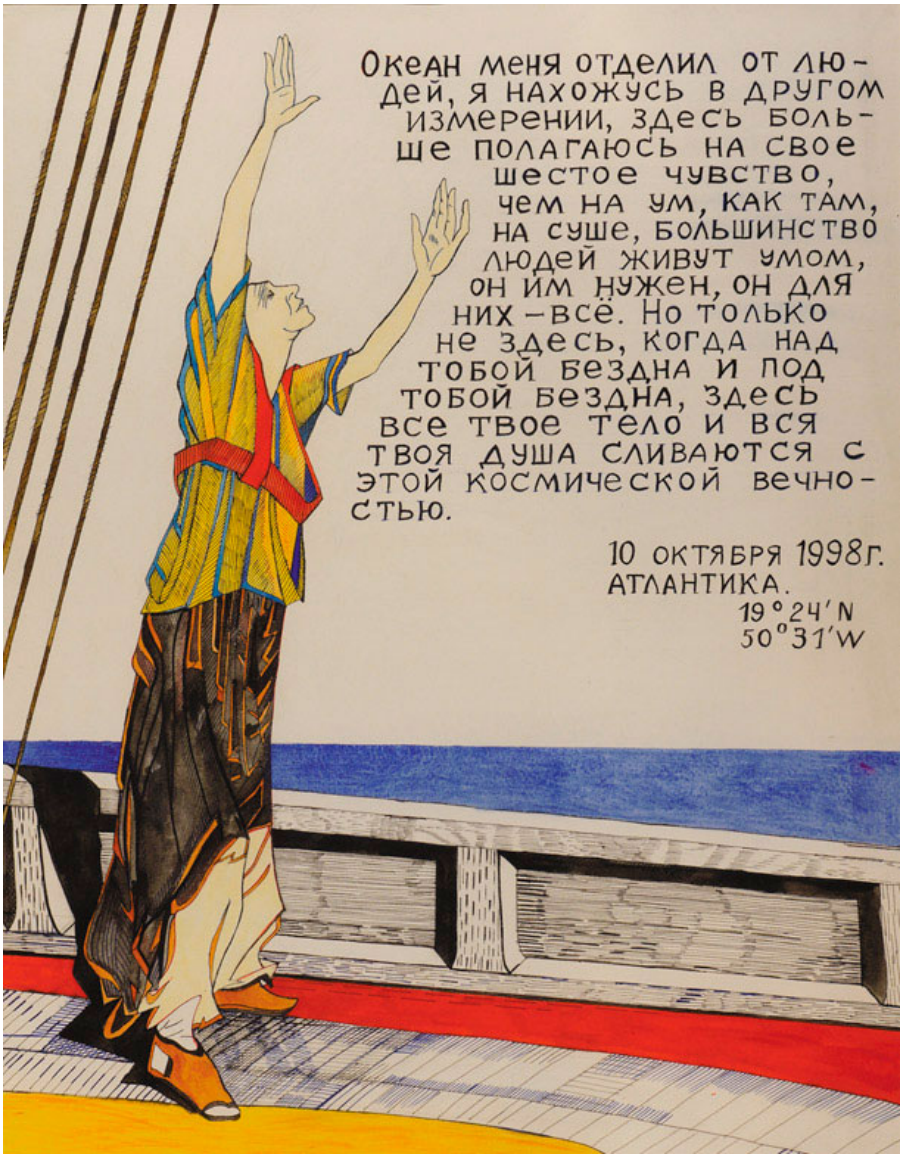
Звонил Оскару в Москву, поздравил с праздником. Плохо, что у Иринушки нет телефона. Сейчас суббота, и мне не поделиться с ней радостью, что у нашего внука день рождения, что ему четыре года. В обществе людей мне сложно. Я мыслю противоречиями, и не каждый меня понимает и одобряет. Как бы хотелось, чтобы самый любимый человек это понял и не разлюбил меня за это.

Меня всегда преследует детство

12 октября 1998 года. Атлантический океан

17°08’ с. ш., 49°27’ з. д.

Как я ждал этого понедельника! Я знал, что в этот день я услышу Ирунин голос, я так соскучился по ней!


Океан меня отделил от людей, я нахожусь в другом измерении, здесь больше полагаюсь на свое шестое чувство, чем на ум, как там, на суше, большинство людей живут умом, он им нужен, он для них – всё. Но только не здесь, когда над тобой бездна и под тобой бездна, здесь все твое тело и вся твоя душа сливаются с этой космической вечностью.
10 октября 1998г.
Атлантика.
19°24'N
50°31'W

05:50. Хорошо ходить по росе. Ночь была теплая. На палубу выпала обильная роса. Я хожу босиком по палубе, как в детстве я любил утром ходить по полю весь мокрый, до пояса в росе. Меня всегда преследует детство. Детство дало мне какой-то основной ствол моей жизни, как дерево: есть ствол, а потом уже ветки, листья, плоды. Так и в моей жизни: ствол – это мое детство, это то, что было заложено моими родителями – Марией и Филиппом – и воспитано моим дедом Михаилом. Ветки – это мои экспедиции.

07:30. Слева по борту на фоне синего неба надвигается грозовая туча. Из-под нее идет ливень. Скоро он накроет нас. Яхта

уже чувствует, она нервно дергается, и паруса по-другому шуршат, необычно. У яхты нервы более чувствительны, нежели у меня. Я вижу, как из-под тучи летят в воду искры, как от вселенской газосварки. Сколько электроэнергии, а у меня на яхте ее не хватает.

Яхта бьется о каждую встречную волну

14 октября 1998 года. Атлантический океан
12°50’ с. ш., 46°37’ з. д.

05:23. Ветер встречный – 20 миль в час. Скорость яхты – 7 узлов. Солнце вышло из океана. Чистое. Но только поднялось на полный диск, и его тут же закрыла большая темная туча.

08:35. Ветер не меняет своего направления. Яхта бьется о каждую встречную волну. Тяжело ей достаются мили физически, а мне – морально.

Страшно и тревожно

15 октября 1998 года. Атлантический океан
10°48’ с. ш., 45°36’ з. д.

Ночь. Мне что-то страшно, тревожно. На палубе темень непроглядная, в каюте страшно из-за закрытого помещения. Что-то во мне оборвалось после того урагана, как воск расплавился мой, Федора Конюхова, стержень.

Раньше чем сильнее ветер, тем больше я возбуждался, кричал, пел песни, а сейчас боюсь даже шепотом подавать себе команды по работе с парусами, что-то стал бояться темноты и закрытого пространства.

Ветер не стихает, идет дождь. Яхту тяжело настроить на любой курс. Сейчас не до генерального курса: ветер дует с юго-востока, как раз оттуда, куда надо идти.

09:37. Поставил грот, зарифлен на одну полку. Скорость – 7 узлов. Паруса хлопают и как будто сбивают с неба звезды. Они сыплются на палубу и засоряют глаза. Темнота скрывает океан, и яхта как будто летит по воздуху.

Нельзя спать

16 октября 1998 года. Атлантический океан
11°25’ с. ш., 45°37’ з. д.

09:14. Ветер не прекращается. Вот уже вторые сутки я не спал и пяти минут. Нельзя. Часто налетают шквалы. Нельзя их прозевать и яхту положить парусами на воду. Волны идут

без какой-либо системы, отовсюду, как в толчее.

Я влетел в черную дыру

17 октября 1998 года. Атлантический океан
11°45’ с. ш., 45°28’ з. д.

05:00. Да, я влетел в эту черную дыру. Иду на север, назад. Ничего не получается. Идет дождь. Ветер не меняется. Надо ждать и только ждать. А это очень тяжело. Тяжело и физически, и морально. Часто налетают шквалы. Я поставил самый малый штормовой стаксель. Звоню Иринушке на кафедру.

Начинает темнеть, в небесах появились первые звезды. В детстве я любил книги о путешествиях и часто подолгу разговаривал в рыбном цеху с рыбаками, которые побывали в других странах.

Здесь что-то есть, что управляет не только океаном…

19 октября 1998 года. Атлантический океан
11°08’ с. ш., 44°19’ з. д.

Черная дыра. Я не могу выйти из нее. Это что-то страшное. Я раньше никогда так не боялся, как сейчас. Страшно то, что ты бессилен. Яхта не может слушать тебя. Здесь что-то есть, что управляет не только океаном, атмосферой, но и тобой, теми живыми существами, которые попадают сюда.

Бутылка, брошенная в океан сегодня с письмом к моей жене Иринушке, может плыть столетиями и не доплыть до берега. Здесь дыра, ветер крутит на месте, течение ходит по кругу, сложно выйти из нее.

09:45. Ветер восточный, большая зыбь. Иду курсом 170°–180°. Сегодня по телефону говорил с корреспондентом «Московской правды». И, как обычно, я слышу от всех представителей прессы: зачем ты пошел в море, кому это надо? Мой ответ такой:

– Потому что я люблю ходить под парусом. Потому что я люблю море.

Не стреляйте в пианиста

22 октября 1998 года. Атлантический океан
06°56’ с. ш., 40°54’ з. д.

06:00. Утром налетел шквал. Порвался фал стакселя. Сейчас остался последний фал. Его надо беречь. Он перетирается в блочке на мачте, а туда я не смогу добраться – слишком высоко.

Я знаю, что в России от меня ждут победы. Но, как говорится

в старом американском анекдоте, «не стреляйте в пианиста – он играет как умеет!» Так вот и я: ведь я же не гонщик, соревноваться с профессионалами мне очень сложно. Для этого надо много лет регулярно участвовать в гонках высокого класса.

09:29. Поймал небольшую туну. Бросил за корму блесну и подумал: дай бы Бог поймать туну, а не дораду или барракуду[48], они жесткие, а тунец более или менее нежный. И вот попался. Сейчас варю уху и уже сделал сасими. Плохо, что нет хлеба. Но я открыл вино. Сейчас будет пир на весь океан.

Дождевая вода мягкая

26 октября 1998 года. Атлантический океан
05°56’ с. ш., 36°05’ з. д.

09:00. Ровно месяц, как я в пути в океане, а еще не дошел до экватора. Вот я влип так влип. Пошел дождь. Я стал под грот и помыл голову и себя, как под душем. Так приятно от пресной воды. Дождевая вода мягкая.

Я не спортсмен

28 октября 1998 года. Атлантический океан
03°46’ с. ш., 34°28’ з. д.

04:00. Я думал к 18 ноября прийти в Кейптаун и сделать жене подарок. Но нет, не пошло. Вот уже больше месяца, а я еще не пересек экватор. Значит, так Богу угодно.

Сегодня ночью к яхте подплывал кит. Я услышал запах, начало вонять тухлой рыбой. Выбежал на палубу, а возле борта всплывает и погружается кит. Так кит плыл рядом минут десять, затем отошел в сторону. Только он ушел, подошли дельфины. Стая. И начали выпрыгивать из воды, и на палубу посыпались летучие рыбки. Это дельфины их гоняют, а они вылетают из воды и ударяются о парус. Я их начал хватать и бросать за борт снова в воду. Так что ночь была веселая, некогда скучать.

Ночью говорил по телефону с редакцией телепрограммы «Доброе утро». Меня спрашивали, почему я проигрываю. Разве я похож на спортсмена? Мне больше доставляет удовольствие смотреть на птиц, на рыб, китов и дельфинов, чем занимать какие-то спортивные места.

09:30. В небе чужие звезды и непривычно опрокинутый лунный серп. В своих кругосветных плаваниях я ищу истину. Здесь, возле экватора, лучшее время суток – это утренние часы, когда воздух освежает последним дыханием ночного ветерка. Солнце круглый год всходит здесь почти точно в шесть утра

и заходит в шесть вечера. Первые лучи солнца ласкают тело, а потом к обеду оно будет палить, как лазерным лучом. Позже, по мере того как солнце все выше поднимается над горизонтом, отдавая свое тепло океану, наступает палящий зной, и от него никуда не деться. На палубе печет солнце, а в каюте духота, как в бане.

Идет дождь – теплый ливень. Я стою под парусом, с него вода льется как из ведра. Струи чистой небесной воды гладят нагое тело, душе привольно. Я наслаждаюсь, чувствую себя бодрее, когда тело обдувает струями свежего ветра с дождем.

13:30. Ох, какая была долгая ночь! Кромешный мрак.

Волны, волны, волны…

30 октября 1998 года. Атлантический океан
01°13’ с. ш., 33°59’ з. д.

06:00. Ветер встречный, не дает идти на юг, сносит на запад. Здесь на яхте мышцы всегда в работе, душа открыта впечатлениям.

Как тяжело, нет попутного ветра. Что делать? Сейчас позвоню Иринушке. Пусть ее голос успокоит меня. Я не могу уснуть. Как будто время перестало существовать.

10:00. Океан бесконечный, небо и вода сливаются вместе далеко на юг, где чуть заметной линией был намечен горизонт. А ведь там, за горизонтом, экватор. Я попробовал мысленно перенестись за экватор. Когда еще пересечет линию экватора моя яхта!

Идет непрерывная борьба с нескончаемыми шквалами. Волны высокие, волны низкие, волны крутые и волны пологие, косые волны и волны на гребнях других волн.

Небо покрылось облаками, все вокруг потемнело.

Луна зашла, и, хотя сияли звезды, было совсем темно. Яхта плохо слушается руля.

Пересекаю экватор

1 ноября 1998 года
00°02’ ю. ш., 33°34’ з. д.

04:00. Прохожу экватор. У Нептуна рука засалена, когда я ее жал. Уже все яхтсмены нашей гонки поздоровались и ему руку испачкали. Нет радости, что я пересекаю экватор.

10:26. Подтянул все болты фальшкиля. Не знаю, надолго ли, сколько они выдержат. Атлантический океан разыгрался вовсю. Дующий от Африки штормовой ветер поднял бешеную волну.

Насколько хватает глаз, шторм всю поверхность океана расписал барашками. Кое-где движение главных волн нарушается поперечными волнами. От столкновения взлетают вверх высокие каскады, словно от взрывов. Через каждые 45 минут откачиваю воду из кормового отсека по пять ведер. Она набирается через край, левое перо руля пропускает воду внутрь через соединение.

14:47. Спустился в каюту. Попытался уснуть, но не смог, несмотря на смертельную усталость. Каждая волна бьет по яхте с очень большой силой, так и норовит разбить, переломать, опрокинуть яхту, заставляет меня напрягаться в ожидании катастрофы. Какой уж тут сон.

Откуда я? Для чего пришел в этот мир?

2 ноября 1998 года. Атлантический океан
02˚30’ ю. ш., 34˚45’ з. д.

08:00. Я за экватором. В одно мгновение стало светло, широкий солнечный свет вырвался из черных туч и заскользил по океану. Оранжевые, с багровым проблеском лучи ласкали изнуренный дождем океан. Стало как-то торжественно, когда солнечные лучи раздвигали стену черных туч. И во время этого короткого сражения между светом и тьмой в моей душе что-то изменилось, мне показалось, что не так все тяжко и страшно, и одиночество мое отодвинулось, щемящая в душе боль утихла.

Стою на палубе и смотрю в далекий горизонт. Я уже заметил: если мне тяжело и одолевает тоска, то вспоминаю о своем детстве. Детство всегда счастливое, хотя было не очень легкое. Откуда я? Для чего пришел в этот мир? Еще в раннем детстве я пытался разобраться в этих вопросах. Да так до сегодняшнего дня и не понял, и не узнал, и не могу дать на это однозначный ответ.

Спустил паруса. Ветер юго-восточный. Солнце нырнуло в океан, и луна включила на полную мощность свой прожектор. От края до края серебряные блики на волнах, которые как горы. Спать не хочется. Смотришь на этот мир, и в душу закрадывается чувство предельного одиночества. Подо мной бездна океана, надо мной бездна черного неба, и, встречаясь на горизонте, они сливаются воедино. И кажется, что яхта свободно парит в воздухе и ничего кругом, только лунный свет служит ориентиром, указывает, где небо, а где океан.

Взгляд кита

7 ноября 1998 года. Атлантический океан

Суббота. Праздник. Утро, для китов нет праздника. Сейчас

возле яхты идут рядом три кита. Два больших и один маленький (детеныш). Ветер слабый. Яхта идет малым ходом. Самый большой кит подошел близко-близко к борту яхты и плывет рядом, и я вижу его глаз, левый. Он тоже смотрит на меня, в его взгляде можно увидеть смысл бытия. Я люблю животных, у меня с детства всегда кто-то был. Чайка или ворона, собака, ежик, лисица, волчонок, зайчик, кролики, голуби. Да кого у меня только не было!

05:12. 19°01’ ю. ш., 26°31’ з. д. Небо над океаном похоже на заснеженную поверхность Антарктиды.

Как в одной восточной сказке – мир держится на людях, которые не живут как все.

Надо добавить парусов, скорость маленькая – 7 узлов. Я начал крутить лебедку. Инстинкт, который хочет выжать из яхты скорость, заставляет забывать все, кроме одного – скорость. Я ненавижу этот инстинкт. Но это ни на что не влияет. Он либо есть, либо его нет. У меня он есть. Я по натуре эгоист. Но в хорошем смысле этого слова.

В мою основу заложена двойственность

10 ноября 1998 года. Атлантический океан
23°57’ ю. ш., 22°19’ з. д.

Глядя на небо Южного океана[49] и сравнивая его с небом, которое висит над Россией, я вспоминаю, как было хорошо лежать на поле, когда мы были в Сергиевом Посаде у Георгия на даче, положив на колени жены Иринушки голову лицом вверх, и смотреть на небо.

Когда же это было? Полгода назад, а прошла, кажется, вечность. Как мы были тогда счастливы!

12:00 по Москве. Я не знаю, кто я такой – художник или путешественник. В мою основу заложена двойственность. Мне равно необходимы оба полюса, Южный и Северный, без них я не мыслю своей жизни. То же с искусством и путешествиями – мне необходимо и одно, и другое.

«Сон Иринушки»

Вот я и попался

12 ноября 1998 года. Атлантический океан
25°15’ ю. ш., 18°20’ з. д.

Плохо, что я не играю в шахматы. Я не смог рассчитать наперед ход. Ветер дул с запада, и я шел на юго-восток, а надо было идти на юг до 33-го градуса южной широты, а сейчас ветер задул с юга, и я не могу идти на юго-восток, а иду еле-еле

на восток. А этого еще делать нельзя, я не выйду на Кейптаун. Вот я и попался!

Как мало человеку нужно для радости!

14 ноября 1998 года. Атлантический океан

Сколько я в жизни видел закатов и восходов солнца! На каких только широтах Мирового океана не восхищался я этим явлением Божией благодати! Но то, что было вчера, и меня удивило. Такого я еще не видел! Описать невозможно – слов нет. Осталось только восхищение.

В предрассветное время, когда смотришь на океан и на небо, то чувствуешь большой простор и свободу – свободу для полета души, а не тела. Здесь, на яхте, для тела нет свободы. Наоборот, оно очень зажато, взято в рамки обитания – всего лишь 60 футов. Тело все время боится и переживает за состояние этих 60 футов, чтобы они не ушли из-под дрожащих ног. Вот почему немногие стремятся в океан, так как в понятии большинства людей свобода – это свобода действий твоего тела, а не души, воображения.

18:00. И куда вся усталость девалась? Меня так вымотал этот встречный ветер. Еще несколько минут назад я был угнетен и физически, и морально, а теперь готов плясать и петь. Как мало, оказывается, нужно человеку для радости! Поговорить по телефону с любимым человеком. Я когда слышу голос Иринушки, мне хочется жить и все невзгоды уходят в прошлое.

Даже душа покрылась мозолями

15 ноября 1998 года. Атлантический океан

29°45’ ю. ш., 16°14’ з. д.

Не дает мне идти в Кейптаун встречный ветер. Океан пуст. Сколько хватает глаз, видно: все та же вода, одна вода. Однообразие, не за что ухватиться взору. Ничто не привлекает мысли. Для слуха нет зацепки. Нет криков птиц, шума леса, голосов людей.

В этом мире трудно не сойти с ума. Все здесь работает на то, чтобы сломить одинокого человека, лишить его разума, сделать его таким же пустым, как весь этот видимый мир.

11:40. На небе ласково выплыло солнце. Начался день. Что он принесет? Я об этом стараюсь не думать, а смотрю на залитый солнечным светом океан и испытываю такое блаженство. Вот так бы смотреть на этот мир и сто, и двести, и тысячу лет!

Да, хорошо смотреть, а ставить паруса надо. Иначе я и до второго пришествия Христа не дойду до Кейптауна.

22:20. Я работаю как вол. Болят руки, болит спина, болит все, даже душа покрылась мозолями.

Что меня преследует?

17 ноября 1998 года. Атлантический океан
33°22’ ю. ш., 12°49’ з. д.

09:40. Уже чувствуется, что подхожу к «ревущим сороковым». Идет дождь. Небо все затянуто тучами. Холодно.

12:00. Поломки идут одна за одной. Что меня преследует? Что меня испытывает? Или кто меня мучает? Сколько и до которого часа это будет?

День рождения Иринушки

18 ноября 1998 года. Атлантический океан
34°15’ ю. ш., 09°54’ з. д.

Я сильно устал, и меня одолевает вялость. Может, выпить немного рома? У меня есть в заначке бутылка, еще из Франции. Ночью находился словно в трансе, механически ставил и убирал паруса, а скорости так и не прибавил яхте. Даже забывал себя пристегивать страховочным ремнем. Хотя я все время должен быть начеку.

Ноги волочу, как старик, хотя я в действительности уже им стал. Болит спина, ноет зуб, все время мерзну.

15:50. Жаль, что я сегодня не с Ириной, чтобы разделить ее праздник. Иринушке исполнилось 37 лет, а она выглядит на 24 года. Впредь ни одного дня рождения Ирининого не пропущу, буду всегда с ней. Да только укоры совести ведь все равно забываются.

Я в Восточном полушарии

21 ноября 1998 года. Атлантический океан
34°52’ ю. ш., 00°03’ в. д.

18:40. Ура! Прошел нулевой меридиан, зашел в Восточное полушарие. Ровно на нулевом градусе сидел на воде альбатрос. Я ему крикнул: «Ну что сидишь и не приветствуешь меня?!»

Неприятность

24 ноября 1998 года. Атлантический океан

34°34’ ю. ш., 07°30’ в. д.

11:15. Ветер встречный. Соленые брызги выедают глаза, я поминутно их вытираю, и они от этого, от соленых рук, воспалились. Спустился в каюту, промыл глаза пресной водой – немного полегчало.

Сварил обед: сухая картошка, в нее добавил банку консервированного тунца. Мне захотелось выпить чего-нибудь покрепче, чем чай или кофе. У меня еще две бутылки вина. Пошел в нос, нашел бутылку, заваленную веревками. Это я сам ее засунул под запасные шкоты, чтобы от тряски яхты не разбилась. Открыл. Пока снимал кастрюлю с плитки, яхта накренилась резко, и моя предпоследняя бутылка калифорнийского вина разбилась вдребезги о палубу. До чего же я расстроился!

22:00 по Москве. Через три дня, дай-то Бог, я увижу земной мир. Два месяца я наедине со своими мыслями. С нетерпением жду подхода к берегу, жду встречи с женой и сыном Оскаром. У меня вина перед ним, что я мало ему уделял внимания, когда он был маленьким. В то время я дома был очень мало, у меня были экспедиции одна за другой, я для него был всего лишь случайным эпизодом в повседневной жизни. Но я тогда не был готов сидеть дома или ходить исправно на постоянную работу.

В океане нас только двое

25 ноября 1998 года. Атлантический океан

35°03’ ю. ш., 11°16’ в. д.

08:00 по Москве. Здесь взошло солнце. Бог позволил мне ночью немного поспать. Ночь прошла спокойно. Сейчас на печке стоит чайник, жду, когда вскипит вода и я буду пить кофе. Это самые лучшие моменты в здешней жизни. Утром пить горячий кофе и кушать печенье. Одно огорчает, что зубы болят. А так терпимо и жить можно.

17:30. Все гонщики уже пришли в Кейптаун, кроме меня и австралийца Нила. Он опережает меня на день хода. Так передал Оскар.

Два часа стоял за штурвалом и всматривался в горизонт, как будто уже вижу Африку. Конечно, ее еще не видать, до нее 340 миль.

До Кейптауна ровно три градуса

26 ноября 1998 года. Атлантический океан

Сегодня Оскар и Иринушка должны вылететь из Москвы в Кейптаун. Ночь прошла благополучно. Сейчас пью кофе, и надо

увеличить паруса.

15:30. Нет больше сил! Глаза слипаются, надо хотя бы с часик уснуть, а как это сделать? Яхта не будет идти целый час без моего вмешательства. Она требует внимания.

22:00. Ровно три градуса до Кейптауна, ровно сутки, если будет такой ветер.

Я заплакал

27 ноября 1998 года. Атлантический океан
33°57’ ю. ш., 16°31’ в. д.

Вот я снова влетел, меня несет на север, я уже прошел Кейптаун. Как выкарабкиваться? Не знаю.

15:00. Увидел Африку – гору на горизонте! Как далеко видать! Еще миль пятьдесят, а видно. Но ветер не дает подойти. Я заплакал.

17:30. Скоро ночь, а я на входе в Кейптаун. Тяжело мне придется.

Этап Кейптаун – Окленд

ВЕСТИ: «5 декабря из Кейптауна стартовал второй этап международной кругосветной гонки Around Alone 1998–1999. Федор Конюхов, чья яхта получила повреждения на первом этапе, осмотрительно взял тайм-аут для тщательной подготовки яхты к тяжелейшим условиям Южного океана.

8 декабря в условиях шестибалльного шторма Конюхов взял старт и принялся догонять флот, оторвавшийся за трое суток на тысячу миль».

Подарки от жены

9 декабря 1998 года. Атлантический океан

Вчера стартовал из Кейптауна. Шторм встречный, ветер 36 узлов. Весь промок. Холодина собачья. Ночь. Ничего не видать. На палубе все запуталось, сломал три краспицы на гроте.

Открыл пакет с подарками к моему дню рождения от жены и слушал ее запись на пленке. Какая она умница, что это сделала.

Не могу выйти в Индийский океан

10 декабря 1998 года. Атлантический океан

35°55’ ю. ш., 16°15’ в. д.

Еще Атлантический океан, никак не могу выйти в Индийский океан. Встречный ветер, встречный шторм. Я еще ничего не ел за эти два дня, только пил воду.

Завтра мне исполнится 47 лет

11 декабря 1998 года. Атлантический океан

37°32’ ю. ш., 16°13’ в. д.

21:30. Как меня мучает этот ветер, не дает идти по курсу. Завтра у меня день рождения, мне исполнится 47 лет. Взглянул на подписанную женой открытку «С днем рождения», и какая-то боль стала нарастать внутри.

Последняя улыбка солнца перед закатом

13 декабря 1998 года. На стыке Атлантического и Индийского океанов

39°36’ ю. ш., 17°25’ в. д.

Яхта начала входить в Индийский океан. Ей это дается с трудом. Идет мелкий дождь. Ветер слабый. Большая зыбь. Солнца нет. Солнечные батареи не работают, и ветрогенератор тоже. Сломался дизель-генератор. Снова у меня проблемы с электроэнергией, не работают автопилоты.

18:30. Прошел траверз мыса Игольный[50]. Конечно, он от меня далеко, где-то миль триста, но это означает, что моя яхта и я сам зашли в Индийский океан, позади остался Атлантический. Дай бы Бог, чтобы ничего не случилось серьезного и чтобы я увидел Тасманию[51], а затем Новую Зеландию.

Какой-то особенно нежный свет разлился по всему океану. Это была последняя улыбка солнца перед закатом.

Океан вечный и неизменный

16 декабря 1998 года. Индийский океан
39°28’ ю. ш., 24°35’ в. д.

09:30 по Москве, но это время примерное и местное. Ночью не было ветра, под утро чуть подул и пока есть. Я иду на юго-восток по курсу. Продержался бы он побольше, чтобы выйти на 41°42’ ю. ш., там должен быть попутный ветер.

10:30. Я распаковал все свертки рождественские и новогодние от Иринушки. Она не поскупилась на подарки и поздравления. Но вместо того чтобы воспрянуть духом, я чуть не разрыдался. Убрал все подарки, а украшение в виде гирлянды повесил над входом в каюту. Подарками займусь снова в другой раз, когда погода наладится.

Идти надо на восток, а яхта идет на юг. Восток, восток – я на нем помешался. Молю небо, чтобы оно наставило меня на путь истинный и чтобы подул юго-западный ветер.

10:30. Поставил вариться картошку в мундире. Жду, когда закипит вода. Есть хочется.

Меня серьезно заботит работа дизель-генератора. Он что-то барахлит, чувствуется признак износа. Встречная волна, а вернее зыбь, непрерывно треплет яхту, так что я даже слегка отупел.

Океан, по которому я сейчас плыву, отличается от многих других стихий очень важным обстоятельством – он вечный и неизменный, как звезды и планеты на небесах. Здесь все повторяется. Одни птицы улетают, другие прилетают; киты и косатки[52] мигрируют то с юга на север, то с севера на юг, но ничего существенного не меняется и никакой пертурбации, как в жизни людей, нет.

Прохожу острова

22 декабря 1998 года. Индийский океан
45°03’ ю. ш., 43°36’ в. д.

10:00. Прошел острова Принс-Эдуард, они относятся к ЮАР. Яхта идет прямо на них. Острова Крозе принадлежат Франции, лежат на 50-м градусе восточной долготы и 45-м градусе южной широты, и их надо пройти боком, оставив левым бортом, потому что ветер с северо-запада. Если я буду идти возле них севернее, то в случае усиления ветра я не смогу идти на восток и меня понесет на юг, прямо на острова.

18:00. Скоро ночь. Ветер чуть-чуть стих, но это, может, на время. Сложная будет ночь.

Шторм

23 декабря 1998 года. Индийский океан
01:00. 44°50’ ю. ш., 46°50’ в. д. Шторм
23:00. 43°40’ ю. ш., 51°16’ в. д. Шторм.

Компьютер тоже вышел из строя

24 декабря 1998 года. Индийский океан

Да, этот океан выматывал меня и на яхте «Караана». Вот и сейчас – что он со мной вытворяет, одному Богу известно. Достались эти дни тяжело, даже слишком тяжело. Холод такой, что руки, ноги, голова, глаза, слух – все отказывается слушаться, все парализовано. Компьютер тоже вышел из строя – загорается только надпись Invalid.

19:00. Наступает ночь. Солнце чуть-чуть в дымке зашло за океанский горизонт. Я думаю, что ночью не будет ветра.

От сырости и холода я уже отупел

27 декабря 1998 года. Индийский океан
45°37’ ю. ш., 64°18’ в. д.

08:40. Идет холодный моросящий дождь со вчерашнего дня. К вечеру, к **18:00**, чуть распогодилось. На закате появилось солнышко и сразу зашло в тучи над горизонтом. Небо немного просветлело, и в моей душе появился свет. От сырости и холода я уже отупел.

Пока не качает, я заправил из канистры в баки солярку для двигателей. Немного маловато у меня топлива (соляры). Надо было на 30–40 литров больше взять.

Я мечтаю о тихом счастье

29 декабря 1998 года. Индийский океан
45°26’ ю. ш., 70°39’ в. д.

06:00. Холодно. Ветер с Антарктиды. Мерзнут ноги, их сводит. Сапоги не греют, носки мокрые.

Ну вот, кажется, я прошел остров Кергелен[53]. Он находится на 48-м градусе южной широты и тянется от 68-го до 71-го градуса восточной долготы. Все, теперь впереди только Австралия, но еще так далеко.

15:30. Устал. Все это время был на палубе, стоял за штурвалом. Холодно. Ветер лоб надул, аж голова разболелась. Ветер очень плохой, дует с юго-востока. Здесь я часто думаю и живу большой мечтой, зародившейся в моем сердце: закончить благополучно плавание, расписаться с моей Иринушкой, купить собственный домик в деревне, развести цветы, посадить деревья, завести на чердаке голубей – вести спокойную жизнь и вкусить наконец тихого счастья.

Я впервые увидел Столовую гору

31 декабря 1998 года. Индийский океан
45°57’ ю. ш., 78°38’ в. д.

Сегодня последний раз написал «1998 год». Что принесет 1999 год?

05:00. Сегодняшний день и радостный, и вперемешку с грустью от сознания вины перед женой, что не вместе встречаем Новый год.

В этом году я впервые увидел Столовую гору[54], я давно мечтал об этом. Может, ради того, чтобы побывать в Кейптауне и увидеть знаменитую гору, стоило затевать эту гонку. Благодаря ей я и зашел в Южную Африку.

Мне грустно, что еще один год прошел. Я оглядываюсь на свою жизнь: есть в ней многое, чем я доволен, но висит камнем на душе, что я не реализую свой талант художника. Мне кажется, что это самый большой мой грех. И что печально: я знаю, как и что мне делать в творчестве, только не могу найти на это время – закрыться в мастерской и писать, писать, писать. Вот что мне надо сделать в 1999 году. Дай бы Бог!

Новый год и новые проблемы

1 января 1999 года. Индийский океан

05:00. Вот и начался новый год, и с ним новые проблемы:

не работают оба двигателя, ветрогенератор тоже сломался. Для подпитки аккумуляторов, от которых работают приборы, остались только солнечные батареи, а здесь солнце очень редко бывает. Небо затянуто тучами. Что делать? Где взять электропитание? Все приборы мертвы.

Всемирный круговорот судеб

2 января 1999 года. Индийский океан
45°56’ ю. ш., 86°05’ в. д.

05:15. Каюта яхты хоть и маленькая, но она уютная и защищает от всего и всех, а за ней непостижимо пугающая беспредельность холодного мира – Южный океан.

День начался пасмурно. Небо все затянуто сплошными тучами. Океан буро-зеленый, грязный на вид. Я не знаю, что делать: или увеличивать паруса, или подождать немного. Сейчас скорость яхты – 9 узлов. Снова компьютер не работает, как он меня вымотал: то работает, то нет – я от него устал.

15:45. Сколько за всю жизнь уже было таких случайных случайностей – не судьба! На пути к Северному полюсу провалился под лед, по всем статьям должен был утонуть – опять не судьба! Не-ет, что ни говори, а есть над нами что-то, есть. Как всемирный круговорот воды – Мировой океан, значит, есть и всемирный круговорот жизни, и всемирный круговорот судеб людских.

Киты и косатки

5 января 1999 года. Индийский океан
45°38’ ю. ш., 96°46’ в. д.

03:30. Уже утро. Небо, как и вчера, все без просвета затянуто тучами. Идет моросящий дождик, ветер слабый, тяжело яхту настроить на курс. Вчера по компьютеру от Оскара получил сообщение, что ветер подует здесь 7 января.

Около **05:30** ветер сместился к юго-западу и дождь прекратился. Похоже было, что небо услышало мою молитву. Настроение у меня поднялось, и я решил открыть бутылку вина. Около яхты появились косатки, они, наверное, преследуют крупную рыбу. Оторвав глаза от косаток, я увидел на горизонте большие фонтаны. Это киты. Поспешил вниз за биноклем, а когда вернулся на палубу, уже все пропало. Странно!

Загадочное и таинственное Южное сияние

7 января 1999 года. Индийский океан

46°48’ ю. ш., 103°15’ в. д.

04:00. Сегодня Рождество Христово. Ночью видел северное сияние – его здесь, наверное, уместно назвать южным. Небо очистилось от туч на некоторое время, и на юге, ниже созвездия Южного Креста, вспыхнуло сияние. Очень загадочное, и смотреть на него долго не хочется, оно как-то угнетает своим таинственным светом и сполохами – начинаешь бояться атмосферы, которая идет от него.

10:30. Ночной мрак рано опускается на Южный океан. На безмолвной волне дремлют странствующие альбатросы. Последние минуты света я посвящаю рисованию. Мне хочется закончить акварель («Красные верблюды»), чтобы в Окленде отдать жене.

Налетели шквалы со снегом

9 января 1999 года. Индийский океан

46°56’ ю. ш., 109°36’ в. д.

06:00. Подхожу к Австралии, к мысу Лувин – это юго-запад Австралии, 30-й градус. Надо пройти вдоль Австралии, и затем начнется Тасманово море[55], а там и Новая Зеландия.

Ночь была неспокойная. Налетали шквалы со снегом. Холодина. За металлические части яхты нельзя браться голыми руками, они, как раскаленное железо, жгут холодом.

08:00. Отлично. Я на 110-м градусе. Это хорошо.

Моя яхта прошла сквозь радугу

11 января 1999 года. Индийский океан

47°41’ ю. ш., 116°48’ в. д.

Не прекращает штормить. Ночь была сложная.

02:30. Вышел на траверз Австралии – она по левому борту. Ее юго-западная оконечность, мыс Лувин, на 115-м градусе. Конечно, до Австралии далеко, по прямой – 13 градусов, а это где-то миль 700–800, но все равно, слава Богу, он мне позволил подойти к Австралии. А до Тасмании еще 30 градусов, она начинается на 145-м градусе.

Вчера под вечер была большая радуга. Прошел шквал – дождь и ветер порывами, а потом через все небо радуга перекинула свою дугу с севера на юг, и моя яхта, прямо как в ворота, вошла в радугу. Я почувствовал, что это к чему-то.

08:00. Шторм не прекращается, из-за горизонта на северо-западе нарастают тучи прямо на глазах и подходят со шквалами.

Только пройдет шквал, минут через тридцать – новый, и так все время. Я такого еще не видел и не испытывал: шквалы, как цепные псы, несутся на яхту и пытаются ее растерзать.

Мы зашли в глаз циклона [56]

14 января 1999 года. Индийский океан
48°40’ ю. ш., 130°05’ в. д.

Продолжает штормить. Идет дождь. Холодно. Сыро. Несет в Антарктиду. М. Ш. Шредер (директор гонки) установил, чтобы гонщики не заходили за 49-й градус южной широты, это уже опасно. Мне осталось 30 минут. Если так будет нести, то завтра я уже буду за 49-м градусом южной широты, а это очень плохо.

Под утро минут на пять-десять уснул, и приснился сон, как будто я еду на электричке куда-то, сижу и возле себя держу место, никому не разрешаю сесть, жду и знаю, что на каком-то полустанке сядет Иринушка. Я для нее место занял.

«Глаз урагана»

14:00. Ветер остановился. Большая зыбь. Идет дождь. Стоит толчея – это мы с яхтой зашли в глаз циклона. Я знаю, что это ненадолго.

Мы на стыке двух океанов

18 января 1999 года. Индийский океан
47°32’ ю. ш., 146°20’ в. д.

00:00. Мы зашли на стык двух океанов – Индийского и Тихого. Ветер начал крутить, он дует с юга, то есть

из Антарктиды, а зыбь – волна – идет с северо-запада. Стоит толчея. Я только под утро немного уснул. Снился сон, но не помню какой.

Ничего не хотелось, только бы поговорить с Иринушкой по телефону, а телефон молчит – нет спутников. Я забрался так далеко на юг, что здесь спутники и те не летают. Им тоже здесь не очень нравится.

08.30. Я привык идти все время на восток, а сейчас яхта повернула на север, и мне тяжело приучить ее к этому курсу. Она так и норовит идти на восток. Ветер стих. Нам надо зайти в Тасманово море.

Шторм – вот школа смирения

21 января 1999 года. Тасманово море
41°42’ ю. ш., 155°05’ в. д.

09:00. Если бы я не путешествовал, что бы я делал здесь, на земле? В море у меня свои заботы, я знаю, какие поставить паруса, каким курсом вести яхту, мне важно знать, какая завтра будет погода. И совершенно не важно, что в мире творится. Какой курс доллара, кто сейчас стоит у власти.

22:30. Шторм. Как я счастлив, я нашел в сумке карту моря Фиджи[57]. Вчера все переживал, что шторм занесет нас в море Фиджи, там очень много островов и рифов, а у меня нет карты. И вот сейчас утром, как только рассвело, я сразу перерыл все карты – и вот она, моя картушка. Сейчас мне не страшно быть в море Фиджи.

02:00. Шторм – вот школа смирения, вот где видишь, что ты бессилен, остается только уповать на Господа Бога.

Меня тошнит от Тасманова моря

23 января 1999 года. Тасманово море
36°49’ ю. ш., 159°52’ в. д.

Солнце взошло над голым океаном, несущим в своем чреве миллионы жизней.

Когда я пишу «Тасманово море», меня аж тошнит от этих слов. Как оно меня и мою яхту выматывает! Уж очень оно противное. Когда меня призовет к себе Господь – какую он уготовил мне новую деятельность? Может, аналогичную этой, в которой я уже испытал себя?

17:00. 24° ю. ш., 166° в. д. – это координаты тропического циклона. Я получил сообщение по компьютеру, что он здесь зародился и идет со скоростью 50 узлов. Он зацепит меня своим

крылом.

23:30. Идет мелкий дождь, ветер не меняет направления и скорости, держит нас на месте. Отправиться в одиночное плавание – это значит вступить в единоличный спор, в котором неоткуда ждать помощи.

Начинаю понимать, что такое смирение

26 января 1999 года. Тасманово море
33°12’ ю. ш., 165°48’ в. д.

20:00. Ветер не меняется, по-прежнему не дает идти в Новую Зеландию. Как мне тяжело: знаю, что жена там, в Окленде, а я здесь, на подходе, и стою на месте.

Я не фаталист, но часто мне кажется, что человек бывает втиснут в какие-то жесткие рамки, из которых не вырвешься. Вот и сейчас у меня такая ситуация.

Думая о своем невезении в этой кругосветке, я начал себя жалеть, но пропустил через себя своих близких друзей и понял, что у каждого есть и большие, и малые горести. Почти у всех в дому по кому, а у кого дома и два кома. Это только кажется, что ты тут погибаешь, а они, везунчики, катаются как сыр в масле.

Я должен выкарабкиваться из этой передряги. Тасманово море устроило мне школу смирения. Вот где видишь, что ты и слаб, и мал, и слеп. Раньше я не очень-то понимал, что означает смирение, а теперь, кажется, начинаю понимать.

Прохожу Новую Зеландию

1 февраля 1999 года. Море Фиджи
34°48’ ю. ш., 174°10’ в. д.

Вчера вечером прошел мыс Северный[58] Новой Зеландии. Ровно сутки ни на минуту не закрывал глаза. Спать так хочется, что аж тошнит.

05:30 по местному времени. Туман и мелкая морось. Ветер стих. Близко берег. В тумане очень опасно. Сейчас выпью кофе, а от кофе у меня уже изжога, но надо: иначе я не выдержу.

05:30 по Гринвичу. Я бы сейчас уже видел Новую Зеландию, но стоит плотный туман. Идем вслепую: яхта сама ищет дорогу и бежит домой, как конь.

08.40. Туман очень сильный. Барометр падает очень быстро, к сильному шторму, а мне еще до финиша 90 миль. Успею или нет?

14.30. Прохожу остров Пур-Найтс[59], но я его не вижу.

Туман.

Этап Окленд – Пунта-Дель-Эсте [60]

ВЕСТИ: «Из новозеландского порта Окленд в третий этап кругосветной одиночной гонки Around Alone 1998–1999 отправились 12 яхтсменов, в том числе Федор Конюхов на яхте “Современный гуманитарный университет”. По техническим причинам Конюхов был вынужден нарушить временной график прохождения второго этапа Кейптаун – Окленд и за это должен был быть снят с гонки. Но благодаря сильной поддержке болельщиков гоночный комитет за день до старта вынес решение: Федор Конюхов может продолжить гонку в качестве участника по маршруту Новая Зеландия – Уругвай – США, однако за оставшиеся два этапа он не получит гоночные баллы, что лишает его возможности занять призовое место в своем классе. Но, по словам самого Конюхова, это решение его нисколько не смущает, так как любой, кто в одиночку обойдет вокруг света, является победителем. Напомним, что с момента старта из гонки выбыли уже четыре яхты».

Вышел из Окленда

9 февраля 1999 года
34°42’ ю. ш., 175°46’ в. д.
Вышел из Окленда в **09:30.**
23:00. Ночь темная-темная, как хочется спать. Но нельзя, берег близко. Опасно.

Не хотел бы я жить в Новой Зеландии

12 февраля 1999 года. Тихий океан
36°40’ ю. ш., 177°27’ в. д.
00:53. Я третий день в море и не могу оторваться от Новой Зеландии. Встречный ветер дует 35–40 узлов, большая волна. Иду галсом к берегу, через 30 миль надо будет делать поворот. Страшно подумать, сейчас ночи темные, луны нет, ветер сильный и дождь идет.
04:22. Сделал поворот, отхожу от мыса Восточный[61] на северо-восток. Никак не могу пройти этот мыс. Ветер встречный не стихает, стоит на месте 35–40 узлов.
08:19. Когда я вышел утром на палубу, над океаном поднималось штормовое, розовое солнце. Все пространство сияло утомительной тишиной. Вокруг ни одной живой души, даже

альбатросов нет. Где я, на земле или в другом мире?! Мне тяжело разобраться.

В гонке яхт первого класса осталось нас четверо. Все мы разные – четыре судьбы и четыре яхты. Мы идем одним путем – к мысу Горн, но нас ничто не объединяет ни по судьбе, ни по характеру.

Прежде чем лечь спать, я поставил яхту на автопилот и включил антирадар. Здесь проходит трасса пароходов из Окленда в Веллингтон. Посмотрел на закат, небо не предвещало ничего хорошего. Пора моей яхте оторваться подальше от этой непостижимой по погодным условиям Новой Зеландии. Я от нее устал и физически, и морально. Вот в какой стране я бы не хотел жить, так это в Новой Зеландии. Она похожа на тюрьму.

Хочу еще раз увидеть мыс Горн

13 февраля 1999 года. Тихий океан
36°27’ ю. ш., 178°03’ з. д.

07:00. Сквозь дождливые облака пробилось солнце. Альбатрос пролетел низко над яхтой. Ветер стих. Океан затянуло туманом. С каждым днем я и моя лодка приближаемся к мысу Горн. Я его видел восемь лет назад. Хочу еще разок взглянуть на него. Мне уже 47 лет, назойливая мысль преследует все время: может, в последний раз ты идешь к мысу Горн в Южном океане, будут ли у тебя еще кругосветные плавания?

15:30. Ветер стих. Океан тоже успокоился, только с востока идет большая мертвая зыбь. Яхта стоит на месте, покачивается на пологих волнах Тихого океана. Мне ничего не остается, как сидеть в кокпите и любоваться полетами альбатросов над яхтой. После всех этих штормовых и напряженных дней такой отдых мне как раз по душе.

«Сон моей яхты»

В Западном полушарии

14 февраля 1999 года. Тихий океан
37°23’ ю. ш., 179°59’ з. д.

05:22. Перешел из Восточного полушария в Западное. Есть полкругосветки за кормой моей яхты! Она молодец: сохранила мне жизнь и сама уцелела. Сейчас только идти и идти до Чарлстона – все время в Западном полушарии.

Я написал, что сейчас 14 февраля, а на самом деле сегодня только 13 февраля 1999 года, потому что мы пересекли 180-й градус – и сразу сутки назад отошли. Так что у меня есть в запасе сутки.

09:20. Ветра нет. Штиль. Нет хода вперед, но очень красиво. Океан ровный и блестит от солнца. В штиль больше работы, чем в шторм.

Если бы люди могли летать вот так, как птицы! Я бы охотно полетел вместе с альбатросами к мысу Горн. У меня состояние такое, будто я выпрыгнул из самолета, дернул за кольцо парашюта, а он не раскрылся.

Масленица

18 февраля 1999 года. Тихий океан

43°37’ ю. ш., 170°31’ з. д.

06:30. Когда вижу в океане восход или закат солнца, у меня слезы на глаза наворачиваются и мне слышится пение псалмов. Сколько в своей жизни видел восходов и закатов, но не перестаю удивляться, что нет двух одинаковых, и как мудро и целесообразно все устроено в мире – от капли воды в океане до небесных светил.

08:00. Красное солнце медленно, из последних сил подымается из океана.

Наступил день, с собой он принес много обычных хлопот по яхте. Много чего надо сделать, пока светло. Но что бы я ни делал и чем бы ни был занят, я не забываю посматривать в ту сторону, где в час заката солнце погружается в океан.

Разговаривал с Иринушкой по телефону, она сказала, что у них вчера была Масленица. А у меня сегодня. Я напек очень много вкусных блинов. Когда буду на берегу, дома, то блины буду печь только я.

Вот и «ревущие сороковые»

19 февраля 1999 года. Тихий океан

45°59’ ю. ш., 168°35’ з. д.

Идет мелкий дождь. Ветер слабый, 8 узлов, а скорость яхты – 4 узла.

14:19. Вот я и зашел в «ревущие сороковые». Погода испортилась: ветер усилился, небо затянуто тучами, идет мелкий дождь. Барометр продолжает падать.

Приготовил суп из последней свежей картошки.

23:50. Прошел то место, где, по координатам, Джош Холл сломал мачту. Идет мелкий дождь. Ветер – 15–18 узлов, скорость яхты – 8 узлов.

Вот не везет!

20 февраля 1999 года. Тихий океан

47°43’ ю. ш., 166°50’ з. д.

00:20. Идет дождь. Сыро, мокро, холодно, неуютно, тоскливо, голодно, противно, спать хочется.

10:00. Вот не везет! Ветер развернулся на встречный и не дает идти по курсу, сносит на запад.

17:44. Сделал поворот. За три часа меня отнесло назад, на запад, на две мили. Зашли в 48-ю широту. Здесь сталкиваются теплый воздух с севера экватора и холодный с юга Антарктиды,

поэтому стоит мокрый туман. Я думаю, через день-два мы получим штормовой ветер, а сейчас ветер встречный. С северо-запада идут волны.

Ветер не дает идти на восток. Океан и небо выглядят очень необычно, они что-то задумали. Думаю, это к шторму.

23:50. Впереди на 180 миль идет ураган. Я не знаю, куда он идет, на меня или от меня. Координаты его – 49°00’ ю. ш., 161°00’ з. д., радиус 360 миль. Стоят самые малые паруса. Я жду, когда же кончится ночь, а еще только **00** часов.

Тихий океан сейчас не тихий

21 февраля 1999 года. Тихий океан

48°32’ ю. ш., 165°32’ з. д.

02:00. Тихий океан сейчас совсем не тихий, а уж слишком бурный. Ураган идет через меня.

Отказали приборы на палубе

23 февраля 1999 года. Тихий океан

07:50. Ветер стих. Океан затянут густым, мокрым, липким, противным туманом. Большая зыбь осталась от шторма. Паруса хлопают, яхта раскачивается с борта на борт. Барометр стоит на месте, как в шторм, и это меня настораживает.

Отказали приборы на палубе, которые показывают скорость яхты, направление и скорость ветра. Они очень важны. Сейчас остались только те, что внутри, над штурманским столом. Но неудобно на них смотреть, когда ты на палубе.

14:48. Ветер зашел за Южный. Идет холодный, затяжной дождь. Пока стоял на палубе у штурвала, так замерз! Погода холодная, яхта остыла, в ней, как в холодильнике, холодно и мокро. А у меня и одежды нет подходящей для мыса Горн, там будет очень холодно.

В этом плавании я мало пишу в дневнике о своих познаниях и о том, что я чувствую в одиночестве среди океана. Кто будет читать мой дневник? Я не знаю. Я же не хочу навязывать свой взгляд, чтобы кто-то следовал по моему пути. Я в одиночестве хочу узнать больше о самом себе. Во мне существует несколько Федоров, несколько жизней, и мне интересно разобраться, где же все-таки я, а где тот, который вымышленный.

19:17. Сегодня ночью проснулся с чувством, что яхта и есть мой дом и что так будет всегда. Посмотрел на GPS – даже он не показывает координаты. Где и куда плывем?

Ко мне в кокпит залетел дельфин

4 марта 1999 года. Тихий океан
49°38’ ю. ш., 133°19’ з. д.

00:24. Сейчас глубокая ночь. Сквозь тучи пробивается луна. Океан желтый от лунного света. Погода спокойная, ветер – 15 узлов. На палубу выпала роса, по всей вероятности, завтра будет день хороший. Мне нужен тихий день: много скопилось работы, а в болтанку ее не сделаешь. А главное, хочется порисовать. Задумок много, а нет времени или нет возможности. Надо сделать эскиз картины «Человек и дельфин».

Три дня назад в кокпит яхты угодил дельфин. Яхта шла со скоростью, и по бортам образовывалась волна, так называемые усы. Вот дельфины и начали резвиться в этих «усах». Я стоял за штурвалом. Вдруг яхту резко положило на борт – когда идешь под гротом, это часто случается. Так вот, яхта ушла в брочинг на правый борт, легла чуть ли не на борт полностью. И та волна, или «усы», накрыла яхту и прошла через кокпит. А в это время дельфин был в потоке этой волны, вот и очутился в кокпите. Я держался за штурвал, повалился на колени и старался вывести яхту на ровный киль, а тут еще этот дельфин. Но он молодец, упал между штурвалом и правой стенкой кокпита и лежит, даже не бьется. Когда яхта выровнялась, а это заняло 20–30 секунд, я смотрю на него, а он на меня. Глаза как у теленочка, большие, мокрые и добрые, а на голове дырка, через которую он дышит, и из этой дырки идет пена. Я его схватил на руки, а он тяжеленький, килограмм под двадцать. Скользкий, но не холодный. Я недолго думая столкнул его на левый борт, под леерами, за борт. Яхта шла 12 узлов, я не увидел, как он там почувствовал себя в воде. Смотрел за корму, но ничего не увидел.

После того как этот дельфин попал ко мне в кокпит, все дельфины, а их было много, разбежались, пропали кто куда. Сейчас часто думаю о дельфине и то ругаюсь на него, что он не сориентировался и попал на яхту (видно, был молодой), то вспоминаю, как я себя вел. Главное, чтобы он ничего себе не повредил, когда падал в кокпит.

00:54. Итальянец Джованни Сольдини на яхте Fila финишировал, прошел этап за 25 дней 9 часов 55 минут (как быстро шел!).

Бесконечные шквалы и холод

7 марта 1999 года. Тихий океан
49°21’ ю. ш., 122°08’ з. д.

08:00. Идут шквалы, один за одним, со снежной крупой. Тяжело подобрать к такой погоде паруса. Пройдет шквал – ветер стихает до 25 узлов. Налетит шквал – ветер разгонится до 45–50 узлов. Что делать, не знаю. На палубе долго находиться нельзя, очень холодно. От такого холода мерзнет все: и ноги, и руки, и голова. Холод парализует все действия.

Нервная система сильнее любой брони

8 марта 1999 года. Тихий океан
49°28’ ю. ш., 117°48’ з. д.

05:16. Сегодня День женщин, а я не смог поздравить своих – жену и дочь. Жалко.

06:00. Идут шквалы, но ветер потихоньку стихает, изредка выглядывает солнце. Все утро я чистил топливные фильтры в генераторе. В бачке для топлива много грязи.

Интересно, на войне солдаты не болеют. Грязь, окопы, проливные дожди, жара, мороз, неделями солдаты спят на снегу – и никаких простуд и других заболеваний. Нервная система сильней любой брони. У меня так же, здесь, в океане, некогда болеть. Нервы. Как в узле держат все тело. А что же будет, когда закончится это плавание?!

Я ничего не накопил

9 марта 1999 года. Тихий океан
50°02’ ю. ш., 114°01’ з. д.

05:21. Ветер стих до 10 узлов. По океану еще идет большая и длинная зыбь. Она дергает яхту, паруса хлопают, их тяжело настроить по курсу. Над головой чистое небо цвета лазури, а по горизонту вокруг тучи. Тучи как будто по пятам идут за яхтой. Надо быть внимательным. Сейчас стоят самые большие паруса. Надо не пропустить, когда подойдет шквал.

08:16. Мне скоро пятьдесят, а я не имею своей квартиры и не накопил вещей. Даже картины, которые нарисовал за это время, и то растерял. Есть над чем задуматься.

Мыс Горн – опасное место

13 марта 1999 года. Тихий океан
52°32’ ю. ш., 95°14’ з. д.

02:00. Сейчас мыс Горн проходит японец Минору Саито, который участвует в гонке на яхте 2-го класса. Он уже очень близко от мыса Горн, у него там хороший ветер, и он может

любоваться этим чудом природы. Для яхтсмена пройти мыс Горн – это все равно что альпинисту подняться на Эверест.

В Южном полушарии наступила осень – разгар осенних ураганов. Для моряков проходить мыс Горн – это время не очень-то хорошее. Но у меня нет выбора, надо идти домой, к моей Иринушке, там, на ее плече, я и отдохну. А как я устал. Такое ощущение, что вся усталость за все годы путешествий навалилась на мои не такие уж сильные плечи и давит к палубе так, что тяжело передвигать ноги. Я стараюсь больше ползать, как ребенок, который еще не умеет ходить.

Не гонка, а странствие

14 марта 1999 года. Тихий океан
52°32’ ю. ш., 92°06’ з. д.

00:53. Я проснулся, выглянул на палубу, а там на небе звезды и небо над головой чистое-чистое. Видно Магелланово Облако[62] и Южный Крест. Господи, какой красивый Твой мир! На каждую звезду посмотришь – и чувствуется, что она живая. Так и хочется с ней поговорить и ей исповедаться.

15:53. Поменял галс с правого на левый. Сейчас иду параллельно курсу Нила Хантера. Кто быстрее дойдет до мыса Горн? Я, конечно, помню слова жены, что мое плавание не гонка, а странствие. Вот я и придерживаюсь этого, да и некрасиво обгонять Нила. Он в гонке официально, а я иду вне зачета.

Я до сих пор не знаю, что такое «правильно»

15 марта 1999 года. Тихий океан
53°18’ ю. ш., 84°24’ з. д.

20:23. «Точное слово некрасиво, красивая речь неточна», – говорил древнекитайский философ Лао-цзы. Я согласен с ним и не хочу свою речь приглаживать. Помню, журналист Леонид Виноградов однажды сказал мне: «Федор, ты знаменит, тебе часто приходится давать интервью, ты выступаешь на радио и по телевидению. Неужели ты не можешь научиться правильно излагать свои мысли?» Я до сих пор не знаю, что такое «правильно», и как правильно говорить, и как правильно жить.

23:09. Ночь. Дождь. Ветер то стихает, то налетает шквал. До Пунта-дель-Эсте 2000 миль.

Вот оно – счастье

17 марта 1999 года. Тихий океан

56°26’ ю. ш., 78°43’ з. д.

09:26. Иду прямо в пролив Дрейка[63]. Поменял рубашку, почистил зубы, умылся пресной водой. К мысу Горн надо подходить чистым.

Ничего не пишу о своих чувствах сейчас: боюсь сглазить. Я просто весь съежился и жду этого момента. Позволит ли Господь пройти мыс Горн? Сегодня всю ночь не спал: нельзя было, очень сильно штормит. Боюсь, как бы мачта не сломалась или яхта не опрокинулась. Ночью перебрал все свои грехи земные. Только в таком месте сам с собой и перед Богом исповедуешься.

В **17:29** увидел впереди с левого борта острова Диего-Рамирес[64]. Все, за кормой остался великий Тихий океан. Захожу в пролив Дрейка, а затем – Атлантический океан.

Я счастлив, слезы сами текут по соленым щекам. Ради этих минут стоит жить, стоит все терпеть. Это и есть счастье, я так его хотел. Вот оно – рядом. За этими островами появится мыс Горн.

Над яхтой кружат альбатросы. Они приветствуют нас в своих владениях. Они мыс Горн видят каждый день. С правого борта идут косатки. Они тоже идут из Тихого океана в Атлантику.

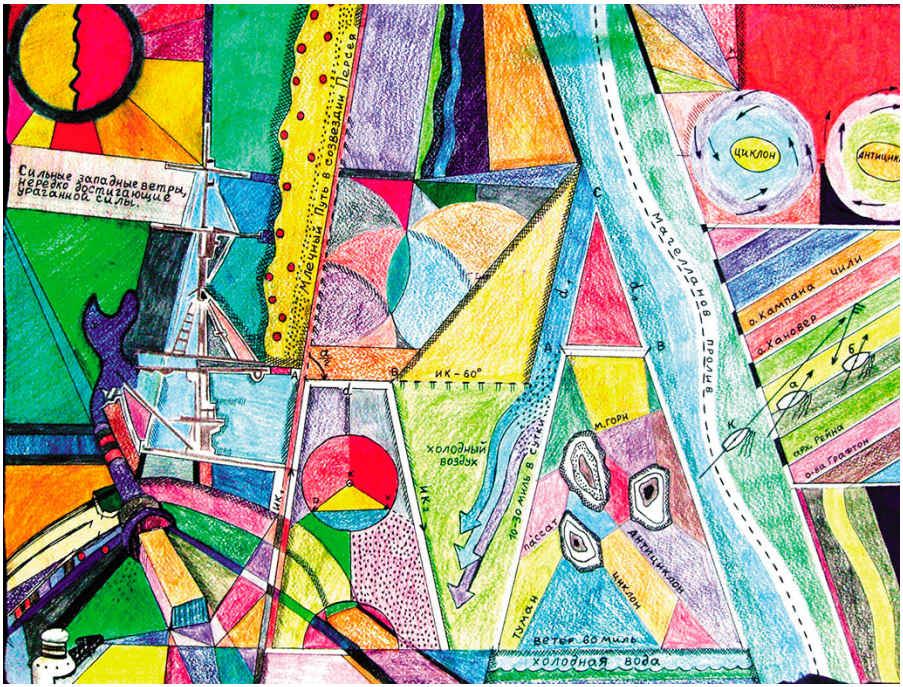
Все вернулось на круги своя

19 марта 1999 года. Пролив Дрейка

56°31’ ю. ш., 67°50’ з. д.

00:39. Я устремил взгляд на север. Там, за темнотой, должен быть мыс Горн. Я снял шапку, как тогда, восемь лет назад на яхте «Караана». Да, я снова здесь. Я шел к нему через мучения, холод, голод и одиночество. Казалось, передо мной прокручивают назад фильм о прошлой моей кругосветке. Сколько всего ушло, но мыс Горн здесь, на своем месте. Координаты его – 55°55’ ю. ш., 67°10’ з. д.

Все вернулось на круги своя. Какие бы бури ни сотрясали мою жизнь, они стихают, как здесь, за проливом Дрейка. И какие бы волны ни вздымали океан, мыс Горн нисколько не изменился.



«Карта мыса Горн»

08:15. Да, мне было тяжело подходить к мысу, а сейчас тяжело отойти от него. Ветер зашел на N, встречный, прямо против курса.

09:28. Шторм усиливается.

11:35. Шторм странный. Светит солнце, небо чистое, а ветер сильный-сильный, свист стоит, по океану идет водяная пыль, и он весь белый-белый, как Арктика.

До финиша 1323 мили

20 марта 1999 года. Пролив Дрейка, выход в Атлантику
56°09’ ю. ш., 63°28’ з. д.

00:57. До финиша в Пунта-дель-Эсте осталось 1323 мили.

Ну, еще часик продержаться (сейчас 4 часа, скоро рассвет), а там будет полегче, хоть видно будет, что делать на палубе, а так ночью я все делаю в потемках. Дело в том, что у меня ни один фонарь не светит: нет лампочек, мы в Окленде не купили запасных. Вот, старые сгорели, и остался я в темноте.

Суровый край

22 марта 1999 года. Атлантический океан

Мне осталось 1157 миль до Пунта-дель-Эсте. Ветер вынудил

меня идти вокруг Фолклендских островов[65] с востока. Это опасно тем, что если ветер сменится, то он может меня унести в Атлантику, на второй оборот вокруг света.

Мне будет тяжело подойти к Южной Америке.

Яхта идет вдоль восточного побережья Фолклендских островов. Какие суровые земли – нет ни деревца, одни камни. Все пустынно, голо. Очень суровый край – все выдуло ветрами.

18:10. Прохожу Фолкленды. Дай Бог, еще бы часа два такого ветра, и Фолкленды останутся по корме. Впереди Пунта-дель-Эсте.

Он меня мытарит

24 марта 1999 года. Атлантический океан

Он меня мытарит, он противный. Он, как марионетка, непостоянный – то шквалы, то штили. Волны идут как попало.

Нилу осталось 968 миль, мне – 890 миль, японцу – 512 миль.

Слава Богу, ночь прошла. Какая она была длинная, темная, опасная, холодная. Выглянуло солнышко. Ветер не стихает.

От мыса Горн прошел около 800 миль, и столько же осталось. Но там, у мыса, был ветер, а здесь он тоже есть, но только встречный.

Что это за существо – человек

26 марта 1999 года. Атлантический океан

00:09. Ночь. Возле борта плывут пингвины – маленькие, симпатичные. Много птиц, значит, здесь, наверное, есть рыба.

23:50. Ночь. За кормой идет рыбацкий катер, не дает мне расслабиться: надо все время за ним смотреть. Я возле берега, и плохо, что постоянно надо быть начеку.

Вышел на палубу посмотреть, где рыбаки, а вокруг яхты все горит: вода вспенилась от стада дельфинов. Ох и любят же они играть возле яхты: и прыгают, и ныряют под киль.

Оскар передал, что НАТО начало бомбить сербов. Здесь, в океане, вдали от людей, я часто думаю, что это за существо – человек. Он только портит красоту.

Ночь будет неспокойная. Подхожу к Пунта-дель-Эсте, а это на входе в залив, где стоят два таких больших порта, как Монтевидео (Уругвай) на северной стороне и Буэнос-Айрес (Аргентина) – на южной. И сюда идут рыбаки – трасса очень оживленная.

Зачем спешить?

27 марта 1999 года. Атлантический океан

03:00. Я не сплю, так как надо глядеть в оба. Здесь, близко к земле, много кораблей. Сижу на палубе, пью кофе, чередуя его с чаем, чтобы не уснуть, а спать хочется – спасу нет.

Сижу и думаю обо всем: о своей семье, о нашей стране, о людях вообще. Вот сейчас идет война в Сербии. А когда я шел вокруг света на яхте «Караана», была война в Кувейте. Я знал это, но, когда вернулся, мне сказали, что, пока я плавал, война прошла. Когда шел на яхте «Формоза», началась война с Чечней. Сейчас иду – снова война. До каких пор люди будут воевать?

Наконец-то я сегодня утром поймал рыбу. Небольшую, но хватило сделать сасими и сварить уху. Вкусная. Что за рыба, я не знаю. Похожа на осетровую породу или на большую форель. Это первая рыба после мыса Горн на этой стороне.

Прошел буй. Иду на маяк в Пунта-дель-Эсте.

Вот я и в порту Пунта-дель-Эсте. Очень тяжело было заходить в бухту. Меня никто не встречал. Все спали – было 3 часа ночи. Но главное, что я и моя яхта живы.

Меня будут упрекать, что я проиграл гонку. Но это считают они, а я – нет. Вот и в этой гонке мои друзья-соперники проходят этап от порта до порта примерно за 30–40 дней, а я – за 50–60 дней. Кто в выигрыше? Конечно я. Я больше нахожусь в океане, больше видел восходов и закатов, больше общался с населяющим океан животным миром.

Идти вокруг света – это же один раз в жизни дается, ну некоторым, может, два или три раза. Но все равно это не так часто.

Об одном только я жалею: мало бываю с женой.

ВЕСТИ: «29 марта 1999 года российский яхтсмен Федор Конюхов привел свою яхту “Современный гуманитарный университет” в Уругвай. После третьего этапа гонки в 1-м классе яхт (длиной 18 метров) из семи стартовавших осталось всего три: итальянец Джованни Сольдини, француз Марк Тьерселен и россиянин Федор Конюхов, который выступал на третьем этапе вне зачета.

10 апреля Федор намерен выйти на старт вместе с оставшимися 10 яхтсменами и прийти в американский порт Чарлстон, завершив свою третью кругосветку».

Этап Пунта-Дель-Эсте – Чарлстон

Старт

10 апреля 1999 года. Атлантический океан
35°00’ ю. ш., 54°00’ з. д.

12:00. Старт из Пунта-дель-Эсте. Спать хочется, еще не вошел в режим плавания, а спать нельзя: ветер встречный, много кораблей.

Сегодня Пасха

11 апреля 1999 года. Атлантический океан
34°52’ ю. ш., 53°30’ з. д.

06:16. Слава Богу, ночь прошла. Океан серый, небо серое. Идет дождь. Чуть-чуть угадывается место на небе, где светит солнце, этим оно и отличается от океана. Слева по борту курсом на северо-восток идет судно.

06:30. Сегодня Пасха! Христос воскрес – воистину воскрес!

12:47. Идет шторм с дождем. Встречный ветер не дает идти вперед к экватору, меня несет на юг.

Ночь напоминает фильм ужасов

12 апреля 1999 года. Атлантический океан
35°19’ ю. ш., 52°27’ з. д.

00:33. Как долго тянется ночь, кажется, не будет ни конца ни края этой вязкой темноте. Идет такой дождь, что ничего не видно. Ночь напоминает фильм ужасов.

07:15. Ветер зашел на норд-вест, очень хороший. Иду 9 узлов, можно увеличить скорость, но я не хочу, слишком крутая встречная зыбь от ночного шторма. Думаю, как умудриться сварить в первый раз чего-нибудь горячего. Третий день не ем, желудок весь ссохся.

Атлантический океан непостоянен

15 апреля 1999 года. Атлантический океан
29°48’ ю. ш., 47°57’ з. д.

Атлантический океан как непостоянная женщина. Как он переменчив! Ветер дует то с одного курса, то с другого, то сильный, то слабый, и так все время.

11:36. Ветер дует очень плохой для моей яхты. Здесь надо иметь балласт носовой и бортовой, а у меня нет ни того ни другого. Атлантический океан подвергает меня суровому, но справедливому испытанию.

Жестокие чайки

17 апреля 1999 года. Атлантический океан
29°04’ ю. ш., 43°47’ з. д.

Идет дождь, шторм.

Только что наблюдал жестокую сцену. От побережья Бразилии ветром унесло в открытый океан двух белых цапель. Они, уставшие, кружили вокруг яхты, а их сверху клевали чайки. Чайки очень жестокие, налетают и бьют в голову. Так и сбили на воду, а там все вместе растерзали бедных цапель.

20:20. Шторм вроде стихает.

Удача любит молодых и сильных

18 апреля 1999 года. Атлантический океан
26°55’ ю. ш., 40°46’ з. д.

10:51. Ветер стихает после шторма, большая зыбь. Пытаюсь дозвониться в Москву к Оскару.

С некоторой грустью я подумал, что очень часто в жизни мне приходилось совершать невозможное, и когда-то этому должен наступить конец. Удача любит молодых и сильных, а я все больше чувствую себя старым и уставшим. Но какое все-таки счастье – ежедневно следить за повторяющимся чудом – восходом солнца.

Отдыхом может быть не только сон, но и иного рода труд: убрал паруса и переключился на работу над эскизом «Возвращение в Россию».

Монотонные дни

24 апреля 1999 года. Атлантический океан
17°31’ ю. ш., 37°34’ з. д.

16:15. Начался район шквалов, они приходят с юго-востока. Находит черная туча, и из-под нее выходит ветер и дождь.

Подо мной вершина подводной горы, вокруг глубина 2440 метров, а до вершины 13 метров. Идет дождь, ветра нет. Яхту бросает на мертвую зыбь. Паруса хлопают. Дни проходят без особых событий, и их монотонность разнообразила ловля тунца на блесну. Вчера поймал три небольших тунца. Одного сварил, получилась хорошая уха. А двух засолил, потом засушу.

Сражаясь с переменными встречными и слабыми ветрами, штилями, моя яхта медленно продвигается к экватору.

Я понял, почему путешествую

28 апреля 1999 года. Южная Атлантика
10°55’ ю. ш., 34°24’ з. д.

05:27. Спать хочется, а нельзя, прошел встречный пароход. Здесь, у берега, много пароходов. Большую часть ночи стоял на руле.

Сейчас утро. Надо как-то выбрать время поспать с полчаса. Обычно на рассвете глаза слипаются и так хочется где-нибудь прилечь и уснуть. Отключиться от рутинной однообразной работы. Дай Бог, если все будет так хорошо, как сегодня, то есть ветер будет дуть попутный, то, может, моя яхта завтра пересечет свой курс – мыс Кабу-Бранку[66], самый восточный мыс Бразилии. Здесь я был третьего ноября 1998 года. Мой курс проходит далеко от берега, здесь много рыбацких судов, и надо за ними смотреть, чтобы не было столкновений. Все свободное время я изучаю карту и лоцию, думаю, как лучше обогнуть этот мыс. Пока барометр показывает, что погода не будет меняться резко. Но здесь, вблизи берега, надо опасаться шквальных ветров, их называют «помнеры».

Сильный ветер с ливнями. На рассвете я долго стоял у мачты и смотрел на восточный горизонт – как он менялся в своей окраске перед тем, как появится солнце. Океан каждую минуту менял свой лик и этим пленял меня. Я счастлив, что могу все это видеть. Я пел во всю мощь те песни, которые пел еще в детстве. Хорошо, что никого нет рядом и никто не слышит. Даже нет птиц и морских животных, а то бы они от моего охрипшего голоса разбежались по всему океану.

Впереди экватор. Дай Бог скорее зайти в Северное полушарие. Кругосветное плавание большей частью проходит в Южном полушарии. С каждым днем Южный Крест все ниже и ниже опускается к южному горизонту. Я с сожалением смотрю на него и думаю о том, смогу ли еще увидеть его с палубы яхты или нет.

Когда смотришь подолгу на небо и океан, то лишаешься чувства масштаба. Невозможно определить, где горизонт океана сливается с небом, а где вода переходит в воздух.

И тут я понял, почему путешествую! В моей душе скопилось слишком много сострадания. Поэтому я все чаще задумываюсь о принятии сана священника, чтобы быть милосердным по отношению к другим обездоленным людям.

22:49. Идут шквалы, один за другим. Дни, похожие один на другой, дни одиночества. Развлечение – прослушивание магнитофонных записей музыки и тех слов, что надиктовала моя хорошая Иринушка. Я очень люблю животных, и мне очень хочется иметь у себя в художественной мастерской голубей, японскую перепелку и ослика. Но приходится довольствоваться аквариумом с рыбками и двумя черепашками.

Мне уже хочется участвовать в Vendée Globe

30 апреля 1999 года. Атлантический океан
04°32’ ю. ш., 34°20’ з. д.

Ночь прошла спокойно, но на рассвете ветер начал меняться, и пошли шквалы один за другим.

Идет дождь, ветер порывами. Если такой ветер продержится до завтра, то где-то под вечер 1 мая я выйду на экватор.

Наступила ночь, из-за горизонта показалась луна, а на небе очень хорошо видны два созвездия: на северной стороне – Большая Медведица, а на южной – Южный Крест. Здесь, возле экватора, можно наблюдать и Южный Крест, и Большую Медведицу.

«Бедняк, не знающий желаний, владеет величайшим из сокровищ: он обладает самим собой. Богач, желающий все больше, – жалкий раб». Таким рабом являюсь я. Я еще не завершил эту кругосветку, а мне уже хочется участвовать в Vendée Globe[67].

Пересек экватор

2 мая 1999 года. Атлантический океан
00°10’ ю. ш., 36°20’ з. д.

10:12. Прошел экватор, но ветра и здесь нет. Стоит духота, небо в тучах, идет мелкий и теплый дождик.

Океан кажется совершенно пустым, но я знаю, что это не так. В нем множество жизней, даже те брызги, которые залетают на палубу, – они живые.

СООБЩЕНИЕ ИТАР-ТАСС: «2 мая 1999 года россиянин Федор Конюхов пересек экватор. Это означает, что он близок к завершению своей третьей кругосветки: до берегов США ему остается дней 15–20 хода. Кругосветное плавание считается состоявшимся, если яхтсмен дважды (с севера на юг и с юга на север) пересек экватор и обогнул мыс Горн. Ровно шесть месяцев назад 18-метровая яхта “Современный гуманитарный университет” пересекла нулевую широту, направляясь на юг, в

“ревущие сороковые”. Сегодня Конюхов вновь приветствовал Нептуна на экваторе, который пересек в 20 милях к востоку от побережья Бразилии».

Мой девиз

7 мая 1999 года. Атлантический океан
09°56’ с. ш., 48°55’ з. д.

Варю обед, а сам смотрю в иллюминатор на океан. А там ветра, туманы, долгие года. Яхта идет с большой скоростью, а мне кажется, что ход времени остановился. Три дня яхта идет с большой скоростью и большим креном. Левый борт вместе с леерными стойками ушли под воду, и я их не вижу уже три дня. Больше 70 часов я не ел и не пил горячего.

Стоит мне закрыть глаза, как действительный мир сменяется миром фантазий. Когда я был маленьким, я уже брал отцовскую лодку и один выходил в море. Однажды погода стояла ветреная – я не смог выгрести через высокую волну прибоя, меня перевернуло, и лодку выбросило на берег, благо у нас на Азовском море берег песчаный. Отец увидел, подошел ко мне. Я испугался, думал, будет ругать, а он сказал: «Федька, не рискуй без надобности». С тех пор эти слова стали моим девизом.

Я подолгу находился в путешествиях, а в путешествиях многому учишься. Нередко в одиночном плавании за один день узнаешь больше, чем за десять лет, проведенных в обществе людей.

Грустно заканчивать плавание

8 мая 1999 года. Атлантический океан
11°55’ с. ш., 50°45’ з. д.

03:33. Ночи стоят темные: луна стареет и показывается только вечером.

Мне грустно, что с каждым днем я приближаюсь к Чарлстону, а значит, заканчиваю свою третью кругосветку. Как жаль. Пойду ли я еще в плавание? Что меня ждет впереди, там, на земле, в обществе людей? Как хочется снова вернуться на старт кругосветной гонки. Я машинально ставлю паруса и выжимаю из яхты скорость. Там, в Чарлстоне, меня ждет жена. Это и заставляет меня идти быстрее и поскорее завершить плавание.

День Победы

9 мая 1999 года. Атлантический океан

Сегодня праздник – День Победы. Наш отец, ветеран войны, наденет ордена и пойдет в центр села, где стоит памятник всем погибшим в войне солдатам, жителям нашей деревни. Дай Бог, чтобы отец подольше встречал этот праздник. Ему 83 года. Наш дед, отец моего отца, Михаил Иванович, умер в 86 лет.

«Защитники Москвы»

Невозможно обойти вокруг света без приключений

11 мая 1999 года. Атлантический океан

15°39’ с. ш., 54°48’ з. д.

04:30. Ветерок чуть-чуть подул, и яхта тронулась с места.

Истинный художник не думает, в какой руке у него кисть, какую краску взять из палитры и перенести на холст. Он творит,

и чувства сами отбирают цвет и размер кисти.

Можно ли обойти вокруг света без приключений? Нет. Плавание всегда сопряжено с опасностью. Если бы меня спросили, послал бы я своих детей в это плавание, я бы ответил: нет. Потому что в плавании случаются смертельно опасные минуты, как физические, так и духовные. И не всем суждено избежать опасности. Она каждодневная, она в каждой детали яхты, и нельзя все предусмотреть на берегу. Примером служит хотя бы эта кругосветная гонка – сколько гонщиков выбыло из игры!

На горизонте появились тучи башнями – шквальные.

Смотрю в зеркало на морщинистое свое лицо и на нем вижу все те передряги, из которых не раз выкарабкивался в экспедициях. На моих пятках уже мозоли: я бесконечно тру пятками мачту, чтобы вызвать ветер. От безветрия с ума можно сойти.

Якорный след

16 мая 1999 года. Атлантический океан

19°51’ с. ш., 62°26’ з. д.

Атлантический океан никак не дает пройти 20-й градус северной широты. Нет ветра. И вот сейчас, на рассвете, солнце взошло из океана. Небо чистое, без туч. Значит, и сегодня будет штиль. Паруса обвисли, яхта на мертвой зыби раскачивается, такелаж скрипит – это яхта плачет, она, бедняжка, тоже устала.

Сегодня нарисовал свой автопортрет. Я редко рисую себя, но этот автопортрет написал для иллюстрации Иринушкиной книги, которую она планирует издать в скором будущем.

Пергаментная кожа моего лица хранит письмена всех жизненных передряг. Старость пробуждает во мне благоговение. Сейчас смотрю на свое лицо и вижу, как жизненный якорь пережитого порезал мой лоб сверху вниз, оставил глубокую морщину. Волосы мои начинают седеть и редеть, а ноги ослабевать. Но зато я постиг тайну мыса Горн, Эвереста, Северного и Южного полюсов. Якорный след пропахал не только мой лоб, но и мою душу. Но без этого не открыть в себе тайну своего земного существования.

Одиночество приучило меня к бескорыстию

17 мая 1999 года. Центральная Атлантика
20°57’ с. ш., 64°01’ з. д.

Как я устал! Всю ночь при ручном фонаре разбирал, а затем собирал двигатель. Вот сейчас, на рассвете, запустил его для подзарядки аккумуляторов.

Зашел в Саргассово море. Вдоль борта проплывают водоросли-саргассины. Удочку и блесну вытащил – здесь нет рыбы.

Как приятно общаться с творческими людьми! Звонил Саше Пономареву в мастерскую, он художник и хороший дизайнер. Попросил его спроектировать мне мастерскую.

Художник чем отличается от других? Когда я звоню в офис, меня сразу спрашивают, кого я обогнал в этой гонке, сколько

миль прошел за сутки, когда приду в порт. А Саша дурацких вопросов не задал. Он спросил: «Федя, какого цвета океан сейчас у тебя там?» А в конце разговора сказал: «Федя, подыши за нас простором».

А вот другой разговор, с корреспондентом.

К.: Федор, тебе говорили, что в журнале «Вояж и отдых» вышла большая статья о тебе? Там сказано, что ты был три раза на Северном полюсе, ходил в полярную ночь на полюс недоступности и к Южному полюсу. А полярники не признают тебя за своего и не подают руки.

Федор: Да. Я совершил все эти путешествия, но я не считал и не считаю себя полярником. Я ходил на полюсы, чтобы создать серию картин об этом районе и о людях, которые идут туда.

К.: Федор, точно такой же вопрос задают и по поводу того, что ты поднялся на все самые высокие вершины семи континентов, в том числе и на Эверест, но тебя никто не считает альпинистом.

Федор: И правильно делают, что так не считают. Какой я альпинист? Точно с той же целью, что я шел к полюсам, я поднимался на вершины.

К.: Федор, но опять то же самое и о яхтсменах. Ты единственный в нашей стране, кто ходил три раза вокруг света, а яхтсмены тебя не признают. Ведь у тебя даже наверняка нет диплома яхтенного капитана.

Федор: Да, верно, диплом яхтенного капитана у меня отобрала еще в 1990 году Федерация парусного спорта города Владивостока. Тогда я планировал отправиться в кругосветку, а без диплома я не мог выйти на яхте из порта. И мне пришлось улететь в Австралию, купить там яхту и уйти из порта Сидней к своей мечте – мысу Горн. Там, в Австралии, нет Федерации парусного спорта и никто не спрашивает, есть ли у тебя диплом. Но я также не считаю себя яхтсменом. Просто мне нравится ходить под парусами и я люблю море.

Перед стартом гонки Around Alone 1998–1999 директор гонки Марк Шредер так и представил всем нас, русских:

– В этой гонке впервые участвуют два русских шкипера. Яхтсмен и гонщик Виктор Языков[68] на яхте «Ветер перемен» и Федор Конюхов, искатель приключений, на яхте «Современный гуманитарный университет». Этим и было все сказано.

К.: Федор, есть люди, которые не верят в то, что ты сделал, и ставят под сомнение твои достижения, называя тебя великим мистификатором или большим авантюристом XX века.

Федор: Каждый человек имеет право на свои высказывания, каждый может сомневаться и быть сомневающимся. Как сказано

в Святом Писании: «И кто захочет судиться с тобой и взять у тебя одну рубашку, отдай ему и верхнюю одежду»[69]. Если кто-то пытается отобрать то или иное мое достижение, Господь с ним, я от этого не обеднею. Одиночество приучило меня к бескорыстию.

Четыре дня иду с одной скоростью – 80 миль в сутки

18 мая 1999 года. Центральная Атлантика
21˚44’ с. ш., 65˚15’ з. д.

Рассвет. Горизонт на востоке красный. К штилю это или к ветру? Такой рассвет я впервые вижу в этом районе. Вот уже четыре дня иду с одной и той же скоростью – за сутки прохожу по 80 миль.

Виктор Языков финишировал в Чарлстоне.

Легче вернуться с Луны, чем из океана

20 мая 1999 года. Северная Атлантика
24˚38’ с. ш., 68˚07’ з. д.

08:00. Утро, а уже духота и жарища. Одиночество меня не угнетает. Я много рисую. На переход Пунта-дель-Эсте – Чарлстон я взял альбом акварельной бумаги и весь его исписал, сделал двадцать четыре рисунка. До Чарлстона еще дней восемь-десять идти, а у меня закончилась бумага для рисования. Сейчас рисую на картонках из-под печенья. За этот кругосветный рейс я создал рисунков семьдесят-восемьдесят. Из них двадцать эскизов для больших холстов.

15:30. Возился с фонарями – их у меня четыре, и ни один не работает: то лампочки перегорели, то включатель закислился от морской воды и воздуха. Уже все устало: и я, и техника на яхте.

Два дня назад у меня была большая проблема, но я ее чуть-чуть исправил. На корме, где крепится первый бакштаг, лопнула алюминиевая оковка. Я все думал, как закрепить бакштаг, и решил закрепить на шверт на корме. Но шверт под водой, и значит, надо поднырнуть под яхту.

Убрал все паруса – благо океан спокоен. Сделал большую веревочную петлю, пропустил ее ниже перьев руля и к ней привязал еще одну веревку – она тащилась за кормой, как хвост. Спустился за борт и, держась за этот хвост, поднырнул под яхту. И очень удачно: с первой же попытки обмотал шверт кевларовой веревкой[70]. Затем вылез и закрепил за бакштаг. Потом еще раз поднырнул под яхту, проверил, все ли хорошо сделал.

А когда вылез на палубу, почувствовал на правом колене сильное жжение, как будто кто меня раскаленным прутом огрел. Смотрю – длинная полоса ожога. Я понял, что это от щупальцев медузы португальский кораблик. Это очень ядовитая медуза. Она разбилась о шверт, а щупальца ее остались. Они у нее длинные – несколько метров. И такие тонкие, что их почти не видно. Под яхтой темно, вот я и просмотрел. Да еще глубина очень давила на сознание: под тобой 5700 метров, и ты висишь на веревке, как в космосе. Если упустить веревку, то догнать яхту практически невозможно – легче вернуться с Луны, чем из океана.

Если твои планы вдохновляют – тебе будут помогать

22 мая 1999 года. Северная Атлантика

Сегодня большой праздник – день Николая Чудотворца, покровителя путешественников и мореплавателей. Я с утра прочитал молитву. Только благодаря Господу Богу и Николаю Чудотворцу я жив. Сколько раз они меня спасали!

Найти деньги на путешествие не так-то просто. Это только несведущий человек думает, что Федору деньги просто так дают, а другим – нет. Если у тебя есть точная цель и она интересна не только тебе, если твои планы вдохновляют людей, находящихся рядом с тобой, то тебе будут помогать.

Мне важен процесс, а не результат

23 мая 1999 года. Северная Атлантика

Плавание завершается, а мне хочется повернуть яхту на 180 градусов и снова уйти к мысу Горн, к моим альбатросам, которые парят в проливе Дрейка, к милым моим дельфинам и величественным китам. Я чувствую себя уютней и спокойнее с ними, чем в обществе людей.

Наверное, я тот человек, которому важен процесс и поиск, а не конечный результат. Эта черта отразилась во всем: мне нравится писать картины, а как только они готовы, я с ними расстаюсь очень легко. Где все мои картины, в каких музеях или галереях? Точно не помню, не знаю. У меня их покупали в Канаде, Японии, Дании, Германии, Польше, Сирии, Югославии[71] и еще в каких-то странах, не считая наших республик при советской власти.

Я не жалею о том, что не знаю, где мои картины. Я жил полноценно, когда творил, сутками стоял у мольберта. Это был не труд, это была жизнь.

Ураган «Даниель»

25 мая 1999 года. Северная Атлантика
27°51’ с. ш., 74°49’ з. д.

05:40. На востоке небо малиновое – вот-вот покажется солнце. На небосклоне ни тучки, еще светит утренняя звезда (Венера). Ветер – 16 узлов. Скорость яхты – 8 узлов.

Этой ночью моя яхта прошла через точку, где в августе 1998 года мы попали в ураган «Даниель». Приборы на яхте показывали тогда ветер в 100 узлов, а потом в Чарлстоне мне говорили, что по прогнозу было 130 узлов. Сейчас сижу, пью кофе, а руки дрожат, ком в горле и из глаз текут слезы. Как я остался жив? Чудо, конечно чудо! Ураган догнал меня на рассвете 29 августа. Яхта зашла прямо в глаз урагана минут на десять, и ее захватило в поток этого громадного, на несколько десятков миль, смерча. Я старался держать яхту по ветру, чтобы он дул в бакштаг. Посмотрел на компас – курс сначала на запад, затем на север, потом на восток, юг и снова на запад, и яхта несется со скоростью 17 узлов. Стаксель был раскручен чуть-чуть, чтобы только яхту удержать на курсе, который задает ураган.

Все смешалось: нет неба, нет океана, нет воздуха – стоит только водяная пыль. Ветром срывает воду с поверхности океана, и эта пыль как пурга в Арктике. Все белое, воздух соленый. Дышать тяжело, воздуха не хватает – одна соленая пыль. Хватал воздух ртом, а воздуха нет. Это страшно.

До вечера я стоял у руля, но вижу, что уже плохо контролирую ход яхты и она может уйти в брочинг, то есть лечь на воду мачтой. У меня в глазах все стало фиолетовым, и такое ощущение, что яхта падает в пропасть. С наступлением ночи я начал допускать ошибки, яхта стала рыскать в стороны. Я понял, что теряю контроль и не удержу яхту. А ветер не прекращался, не выпускал из своего кольца. Никак мы не могли прорваться и выйти в другое кольцо урагана.

Включил автопилот, но не прошло и пяти минут, как яхта резко накренилась, легла бортом на воду и мачта начала уходить в воду. Отключил автопилот, но яхту уже невозможно поставить, да и удержаться на палубе невозможно. Кокпит и руль ушли в воду, перья руля вышли из воды – яхта неуправляема.

Я забрался на борт, схватился за леерную стойку и пристегнул себя страховочным ремнем. Начало темнеть, да и днем было как глубоким вечером. Ветер ревел, я видел, как темный плавник фальшкиля вышел из воды и шатался, как маятник. Сколько я держался, сложно сейчас вспомнить. Гребень волны пройдет через яхту, собьет меня с борта, и я лечу

на подветренную сторону на длину страховочного ремня. Снова выбираюсь и снова срываюсь. И тогда решил, что надо добраться до спасательного плота. Он в кормовом кокпите, что и плохо: если яхта полностью перевернется, то к нему уже не добраться. Спустился, там возле него привязан нож, чтобы обрезать его крепления. Чувствую что-то липкое, а это вырвало гидравлику и гидравлическое масло вытекает. Весь в масле, скользкий, добрался я до спасательного плота.

Красивое название – «спасательный плот», но это не значит, что он спасет. Как его раскрыть? Над ним и надо мной нависал борт яхты с леерами, с кормы била волна. Я его все-таки освободил от крепления и дернул за веревку. Он еще не надулся, а уже взмыл в воздух, как летающий змей, на длину веревки. Я попытался его подтянуть, но сила ветра такая, что веревка натянулась, как струна, и я в темноте вижу только красный маячок – это на плоту загорелся огонек, чтобы его было видно. Тут же лопнула веревка – и плот унесло в темноту. Не было больше шансов на спасение. Находиться в полуперевернутой яхте нельзя, каждую секунду она может перевернуться вверх дном, и тебя прихлопнет, как крышкой гроба. Я снова пополз на борт, благо вода теплая: ураган идет из Африки и несет теплую воду, да и ветер не такой холодный. Снова забрался на борт, пристегнулся на короткий ремень, чтобы не сбивало волной. И стал ждать. Что и кого ждать?

Плавание подходит к концу

26 мая 1999 года. Северная Атлантика
30°19’ с. ш., 79°03’ з. д.

Подходит к концу мое плавание. Осталось до финиша 140 миль. Я уже год на яхте – год в океане. Было всякое в этом плавании. Но мне грех жаловаться на жизнь, если я уже год как непрерывно занимаюсь своим любимым делом – управлением яхтой и парусами. Мне эта работа нравится, а еще я люблю океан, этот год я непрерывно находился в океане. Что может испытать человек, который на своем месте?! А я и есть тот человек. Этот год и мое плавание были как гимн восходящему солнцу. Сколько и какие восходы я наблюдал! А какое очищение снисходит при утренней заре! Оно лечит тело и возвышает душу. Ты вдыхаешь беспредельность. Многие ли люди в нашей России имели возможность дышать беспредельностью?! Я знаю, что мои слова о беспредельности приводят людей в недоумение. Помню, когда готовил одиночную экспедицию на Северный полюс, был в гостях на какой-то вечеринке. Когда хозяин дома

представил меня гостям, сказав торжественно: «Федор Конюхов, через неделю отправляется на Северный полюс на лыжах, да еще и в одиночку», все недоуменно переглянулись, а один, самый смелый, в упор спросил: «А зачем тебе это?» – «Чтобы увидеть белый снег!» – сказал я.

15:00. Я зашел в район ракетных стрельб и бомбометания. Сижу в кокпите, стираю свои шорты и рубашку – хочется показаться на людях более или менее чистым. Слышу выстрелы. Сердце похолодело. Ветер не дает обойти этот район, он очень большой. Если уйду по ветру на восток, то не смогу подойти к Чарлстону, а идти на запад не дает ветер.

Ночь напряженная. Идет гроза. Ветер усиливается. Идут шквалы. Молнии, как столбы из туч, выбрасывают в океан пучки энергии.

Вижу порт Чарлстон

27 мая 1999 года. Северная Атлантика

32°15’ с. ш., 79°52’ з. д.

04:20. Вижу порт Чарлстон. Через пять минут буду будить Оскара, звонить ему. Жалко будить родных, они сейчас там сладко спят.

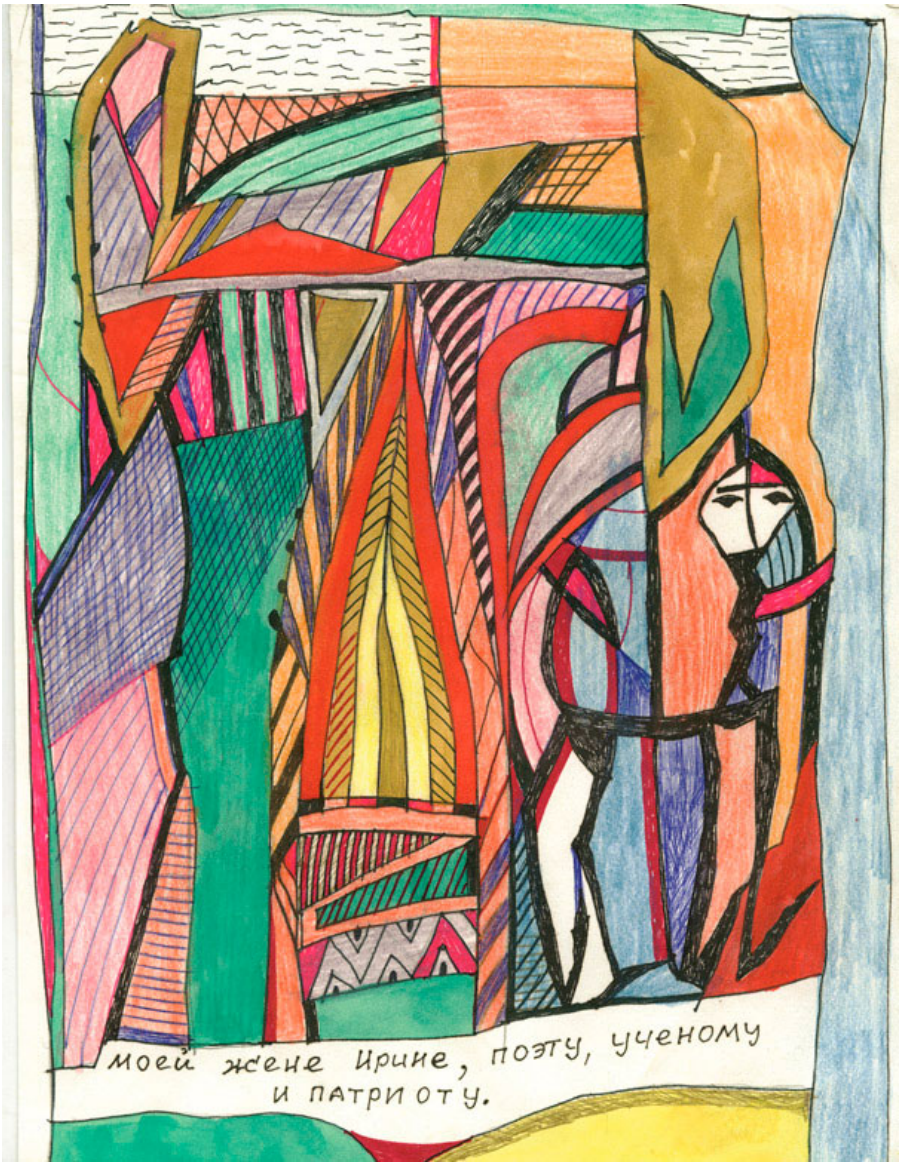
Заканчивается мое плавание, а я так и не был одинок. Всегда я чувствовал на яхте кого-то еще. Кто-то всегда следил за мной. Одиночества не существует.

«Дружба в молчании» – так говорил один древний китайский философ. Я чувствовал, что на борту моей яхты друг. Он невидим и не слышен, но он присутствовал, я чувствовал его энергию.

Начался рассвет. Подхожу к финишу. Уже вызываю Оскара на 16-м канале.

Ночь прошла, а я не сомкнул глаз. Сейчас выпил кофе – полегчало.

С рассветом моя яхта подошла к порту Чарльстон.


моей жене Ирине, поэту, ученому
и патриоту.

Глава 3
«АЙДИТАРОД».
ВЕЛИКАЯ ГОНКА
АЛЯСКА
залив Коцебу
Берингов пролив
залив Нортон
залив Аляска
Белая Гора
Элим
Конюк
Ном
Сейфти
Головин
Шактулик
Уналаклит
Нулато
Рубй
Галена
Калтаг
Криппл
Офир
Таколна
Макгрэт
Николай
Рон
Фингер Лейк
Сквентна
Рэйни-Пасс
Уасилла
Матануска
Йетна
Кник
Игл
Анкоридж

Глава 3
«Айдитарод». Великая гонка

Вот он – мир Джека Лондона и Кнуда Расмуссена.

С детства я мечтал увидеть его собственными глазами…

Федор Конюхов

Подготовка к гонке. Аляска, ферма Линды Плетнер

«Айдитарод» – ежегодные гонки на собачьих упряжках на Аляске. Протяженность маршрута – 1150 миль (1800 км). Это самая длинная в мире гонка на собачьих упряжках.

Старт (торжественный) – 4 марта 2000 года из Анкоридже.

Старт (официальный) – 5 марта 2000 года из Василлы.

Финиш – 20 марта в Номе.

Федор преодолел путь за 15 дней 5 часов 44 минуты и получил награду «Красный фонарь» – это традиционная награда последнему погонщику, финишировавшему в гонке в отведенное время.

На ферме у Линды

23 ноября 1999 года. Из дневника Федора Конюхова

05:00. Еще темно. За окном воют собаки. Все спокойно.

На ферме Линды Плетнер обитает около ста пятидесяти собак. Работают здесь семь человек: хозяйка фермы Линда, ее муж Дэн, тренер собак Тони, повар – жена Тони по имени Долорес, инструктор Триш – девушка, которая арендует собак и тоже собирается бежать в гонке, старший работник и инструктор Рик – он тренирует молодых собак и готовит для них пищу, а также индеец-эскимос Фрэнсис.

В гостиной на первом этаже у нас все удобства, необходимые для радости жизни, – печь, микроволновка, кофеварка, холодильник, телевизор. Здесь же, на первом этаже, – туалет и душ.

Кормят на ферме один раз в день. Но мне не очень нравится американская кухня, я решил готовить себе сам. Варю борщ и тушу рыбу с овощами в духовке.

Гонку на собачьих упряжках «Айдитарод» называют не иначе как Великой гонкой. Она – выражение самого духа Аляски. В 1925 году в селении Ном, что на побережье Берингова моря[72], вспыхнула эпидемия дифтерии. Требовалось как можно скорее доставить туда из Анкориджа[73] лечебную сыворотку, и сделать это вызвались двадцать машеров – погонщиков собачьих упряжек.

Помощь поспела вовремя – поселок был спасен. В память о том героическом переходе в 1973 году состоялась первая гонка, и с тех пор она проводится ежегодно.

Слово «айдитарод» в переводе с языка индейцев-атапасков означает «далекое место». Так называли они свои охотничьи угодья, лежавшие некогда примерно на середине пути из Анкориджа в Ном. В период золотой лихорадки[74] там появился поселок старателей – еще в начале двадцатого века там мыли золото, но прииски иссякли, и место это было заброшено.

Гонка «Айдитарод» начинается в первую субботу марта.

Для меня тренируют собак

29 ноября 1999 года. Из дневника Федора Конюхова

08:00. С Риком готовили кормежку на всех собак. На улице темно, работал с фонарем на голове. Для гонки «Айдитарод» Линда Плетнер готовит восемьдесят собак. Мне она выделила двадцать. Мы их разбили на две группы. Одну для меня пока тренирует Тони, у него вожак – Рэнжер, другую – десять собак – я сам, мой вожак – Канн. В скором будущем, когда лучше освоюсь, буду сам тренировать обе команды. Из этих двадцати собак в «Айдитарод» пойдут только шестнадцать, а в гонки «Кник» и «Клондайк» – только по двенадцать.

18:22. День выдался длинный и тяжелый: два раза прошел дистанцию по 20 миль. Один раз с Тони (он управлял упряжкой, а я за ним сидел и смотрел, дорогу запоминал), а второй раз со своей упряжкой.

Фрэнсис

30 ноября 1999 года. Из дневника Федора Конюхова

07:00. Утром температура была минус 20 °С. Холодно. Но здесь хорошо тем, что нет ветра. Небо затянуло тучами. Может, дай Бог, пойдет снег. Он очень нужен. Уже хочется тренировать собак, запряженных в нарты.

18:00. Уже темно, здесь сейчас темнеет в 16 часов. Сегодня два раза ездил на собачьей упряжке по 20 миль. С утра на Тониной упряжке, а после обеда на своей.

20:00. Холодно, мороз спустился с вершины Мак-Кинли. Пили чай вместе с Фрэнсисом. Прекрасная жизнь! Ночь, вокруг лес, за окном лают собаки. Я сижу в комнате один на один с умалишенным и пью чай.

Фрэнсис наполовину эскимос, наполовину индеец. В его комнате множество вещей. Ему все что-то дарят. Я посчитал:

на шкафу лежат шапки, шлемы, фуражки, кепки – всего восемнадцать головных уборов. Весь шкаф забит куртками. Обуви – целый угол завален. И вся обувь хорошая, новая. Американское общество сначала споило, затем истребило местных жителей, а оставшихся – сейчас всего 0,5 процента от былой численности – берегут и балуют.

Мои собаки

5 декабря 1999 года. Из дневника Федора Конюхова

06:00. Раннее утро, еще темно. Покормил собак. Чуть будет посветлее, пойду убирать возле каждой собачьей будки. Получил нагоняй от Линды за то, что мои собаки не все съедают. Я их балую: даю корма больше, чем положено.

И еще: мои собаки привязаны неправильно. Возле вожака Канна стоит Мэрилин. И они могут подраться и поранить друг друга. А как их привязывать? Если рядом стоят два кобеля, то они дерутся. А если поставить сучку… У сучек сейчас пора течки, и есть опасность, что они забеременеют. И тогда возникнет проблема: беременную собаку нельзя брать в гонку, а заменить некем.

19:00. Заканчивается день. Длинный день. Я только что вернулся с тренировки. Сегодня очень плохо слушались собаки.

Отсутствие снега

9 декабря 1999 года. Из дневника Федора Конюхова

Ночью чуть-чуть прошел пушистый снег. Но его слишком мало, чтобы собак запрягать в нарты. Мы до сих пор тренируемся на четырехколесных мотоциклах. А уже скоро первая гонка «Кник-200». 1 января – старт гонки на 200 миль (это 320 километров), а я еще не пробовал ездить на гоночных нартах.

Дэн, муж Линды, строит нарты для меня. Он уже одни сделал. Они стоят на улице в ряду с другими нартами и ждут снега, а его нет и нет.

Новый маршрут

11 декабря 1999 года. Из дневника Федора Конюхова

Сегодня был длинный день. В **07:00** напоил собак, а в **09:00** уже побежали на тренировку все вместе. Первая – Линда, за ней ехал я, за мной Тони и Триш. Линда показывала новый маршрут на 25 миль.

После того как моя упряжка пробежала 25 миль, в 3 часа дня

я запряг вторую свою команду, и мы пробежали еще 20 миль. Я побоялся бежать ночью по не очень знакомому месту. Решил, что завтра днем попробую сам найти дорогу.

Очень жду 16 декабря – день приезда моей Иринушки.

Ожидание

16 декабря 1999 года. Из дневника Федора Конюхова

Скорее бы шло время, сегодня прилетает моя жена Иринушка. Я так жду ее. Сейчас только **08:30** утра. А ее самолет прибывает в 22 часа. Так еще много.

Встреча

16 декабря 1999 года. Из записей Ирины Конюховой. Аляска, Анкоридж. Аэропорт «Северный»

00:35. Федор выделялся среди других встречающих: он похож на большую лохматую собаку, такой обросший и такой безумно красивый!

– Наконец-то я тебя дождался! Я так боялся, что не найду ворота, где выходят пассажиры. Здесь, оказывается, два здания: старое и новое. Меня такси привезло сначала в старое, но там никого не было, и я понял, что ваш самолет прилетает в новое. Хорошо, что там стоял какой-то частник, и он подвез меня сюда. Я все время переживал, что пропущу тебя!

Все собаки разные

17 декабря 1999 года. Из дневника Ирины Конюховой

11:30. Собачья ферма Линды Плетнер произвела на меня необыкновенное впечатление: от ста с лишним четвероногих животных, навостривших в мою сторону свои глаза, у меня слегка закружилась голова, я испытала восторг и умиление одновременно. Рыжие, белые, черные, серые, желтые, шоколадные существа – все такие разные и такие неповторимые.

Сначала я увидела собак Линды и Дэна, затем Федор привел меня к большой сосне, слева от которой я увидела два самостоятельных «поселения» собак.

– Какие мои? Те, что слева или справа?

Я внимательно посмотрела и сказала:

– Те, что слева.

– Как ты догадалась?

Догадаться было нетрудно. В левом ряду глаза собак смотрели на нас по-особому. Я читала в них радость, волнение,

трепет, интерес, почтение, любовь и… преданность. Ту самую преданность в собачьих глазах, что выражает особую любовь к хозяину.

– Это Канн – вожак, мудрый, но независимый и упрямый; это Рэнжер, добрый, но ранимый; а это Датц, благородный, как князь… – Федор сам меня водил от будки к будке, определяя очередность знакомства.

– А это Мэрилин – собака особая. Он восемь раз ходил в «Айдитарод».

Большая черная собака оглушила меня своим басом.

– Да уж вижу.

– Я имею в виду не только его внешность, но и повадки. Собаки его породы неспособны определять путь по запаху. Мэрилин ориентируется в пространстве только после того, как увидит дорогу. Поэтому он может быть лидером лишь на обратном пути… Ну а теперь надо подойти вон к той собаке. Что ты скажешь? – спросил он, проявляя явный интерес к моей реакции. – Это Дар.

За обликом собаки скрывалось нечто большее. Собака-человек! Дар смотрел на нас так, как будто абсолютно все понимал. Я настолько сильно была им впечатлена, что не заметила, как надолго мы задержались у его будки. Мне захотелось присесть и пообщаться с Даром так же непринужденно и без отсчета времени, как во времена Сократа велись беседы его учеников с великим мудрецом.

– Какой ты счастливый и богатый! Как же много у тебя их – преданных и добрых.

– Я рад, что тебе понравились мои собачки. Я за это переживал.

Собаки в ботиночках

18 декабря 1999 года. Из записей Ирины Конюховой

Мы ездили по маршруту 15 миль. Я сидела на четырехколесном мотоцикле сзади Федора, обхватив туловище мужа руками, и наблюдала, как собачки тянут мотоцикл вместе с нами. Температура воздуха минус 17 градусов по Цельсию, но я тепло оделась и укутана сзади брезентом. Снега на Аляске до сих пор очень мало для катания на санях. Кое-где попадается голая мерзлая земля, которая кажется подозрительно колючей от мелких камней.

На всех собаках были надеты ботиночки или бутсы из плотной черной ткани. Если заледенелый острый камешек воткнется в незащищенную собачью лапу на ходу, то она

неизбежно будет глубоко повреждена. Долгое заживление лапы не позволит собаке бегать в упряжке. Поэтому без ботиночек нашим бегункам сейчас очень опасно отправляться в путь.

Сегодня тренировалась команда Рэнжера. Он второй лидер в упряжке у Федора. Порода этого самца – маламут, смесь волка и сибирской лайки. Он бежал с Мэрилином в одной упряжке. По сравнению с последним Рэнжер юнец. Но Мэрилин не претендует на лидерство. Он знает свои возможности и лишь поддерживает Рэнжера, давая ему право самому решать, в каком направлении идти.

Но что-то у Рэнжера сегодня не ладилось. Он все время сбивался на поворотах, как будто не был уверен в том, какой должна быть дорога.

– Джи, Рэнжер, джи, джи! – Федор беззлобно покрикивал на Рэнжера.

Слово «джи» означает «направо», но Рэнжер почему-то тянул влево.

– Майк! – вдруг закричал Федор. – Опять он присаживается. Ну что это за собака! Как опорожняться, так он усаживается, как на горшок. Нет, ты посмотри на него! Майк! Вот паршивец! Опять из-за него веревки запутались.

Из-за Майка генлиния пришла в беспорядок. Федор вынужден был остановиться, чтобы распутать веревки.

Собак нельзя все время кормить

19 декабря 1999 года. Из дневника Федора Конюхова

08:00. Сегодня я ездил на тренировку собак команды Канна. А Иринушка ждала меня на ферме. Она очень любит собак, но ее нельзя надолго оставлять одну возле них, она все время хочет их кормить и кормить. Иринушке все собачки кажутся постоянно голодными и худыми. Хотя на самом деле это не так.

Первый раз на санях

24 декабря 1999 года. Из записей Ирины Конюховой

06:30. В ночь с 23 на 24 декабря выпал обильный снег. Мы проснулись утром, выглянули в окно и ахнули. Снег засыпал даже крыльцо.

10:30. Сани, или, как их называл Федор, нарты, ждали своего часа в мастерской у Дэна. Они были в два метра длиной, но не очень широкие. Длинные полозья сделаны из белого пластика и сзади походили на две лыжины. На них и будет стоять Федор во время движения.

Мы зашли внутрь мастерской, где Дэн, неумытый, с нерасчесанными волосами и с сигаретой в зубах, что-то ремонтировал в своих санях.

– Федо-ор, у тебя сани о'кей. Можешь на них ехать. Тебе только нужно заполнить их грузом для равновесия. Вот таким же, как у меня.

«Семья волков»

Дэн показал мешок для груза, наполненный двумя пластиковыми пакетами со снэками[75], трехлитровым баллоном с водой и кирпичами. Все это составляло около 70 килограммов.

15:30. – Сегодня я возьму команду Канна. Все-таки в первый раз на нартах, – решил Федор.

– Не волнуйся, все у тебя получится. Ты же умеешь кататься на лыжах, а здесь тот же принцип…

– Да не совсем тот. Здесь надо уметь манипулировать корпусом, а не ногами. Лыжины соединены и не могут двигаться. Такой опыт придет только со временем. Да и потом, со мной собачки…

Подъехала на мотонартах Линда. К ним сзади были прицеплены ее сани. Федор выезжал с Линдой в одной связке. Он прицепил свои сани к саням Линды при помощи тросов. Нашим собакам предстояло тащить пару саней. Но не Федор, а Линда будет управлять сегодня ими.

Последние приготовления. В путь отправились двенадцать собак. Федор меня поцеловал, Линда помахала, упряжка тронулась в путь.

…Увидев меня издалека, на ходу притормаживая сани, Линда крикнула:

– Федор упал дважды.

Муж был в полном здравии, но выглядел расстроенным. Ветровка на спине была вся в снегу.

– Не сильно ушибся?

– Нет, только волновался, как бы не травмировать собак.

– Устал?

– Да нет, только сложно было первый раз. Надо уметь лавировать. Это труднее, чем на лыжах.

Линда жестом руки позвала нас к ее саням. Она встала на задние полозья и, играя своим корпусом, стала показывать, как надо ставить ноги на поворотах. Линда двигалась, словно танцевала. Ярко-оранжевый в черную крапинку комбинезон подчеркивал ее движения. Мы еле скрывали улыбку.

Команда

29 декабря 1999 года. Из дневника Федора Конюхова

Иринушка пришила к моему комбинезону рекламу СГУ, а возле нее сидел вожак моей упряжки – Канн, он только что поел наш борщ. Только Канна Линда разрешила брать в комнату. Сегодня я сам проехал на своих собачках 20 миль. Видел двух лосей, которые меня немного напугали, они стояли как раз на дороге и не хотели пропускать.

«Моя упряжка»

Вот команда собак, с которыми, если Бог даст, я отправлюсь в первую гонку в 200 миль 1 января 2000 года: Канн, Мэрилин, Токобел, Сквирел, Майк, Дар, Крисс, Орви, Тарбеби, Рэнжер, Кортез, Эш.

Последний день 1999 года

31 декабря 1999 года. Из записей Ирины Конюховой

14:10. В Москве уже наступил 2000 год, в 10 часов утра по аляскинскому времени. Я буду счастлива, если Бог позволит нам через несколько часов встретить Новый год вдвоем среди дикой природы Аляски.

За окном светит солнце. Оно освещает высокие сосны и ели, покрытые снегом, кругом белый снег и сладкий чистый морозный воздух. Я не могу оторвать глаза днем от этого сказочного леса, как вечером – от неба. Здесь сейчас звезды светят ярче, чем где-либо.

Федя собирается в дорогу, укладывает вещи. Завтра он уходит в первую гонку «Кник-200» на 200 миль. Я помогаю ему. Проверяю по списку, что еще не положили в сани: пакеты с едой, канистру для воды, топливо для приготовления пищи… Главное, не забыть для Феди и собачек теплую запасную одежду. Я кладу в вещевой мешок для мужа носки, перчатки и рукавички, а для собачек – их тканевые ботиночки и пальтишки. Передо мной три тюка собачьих носочков. Для тех, у кого большие лапы, – носочки с оранжевыми отметками, у кого средние – с красными, у кого маленькие – с желтыми. Моя задача состоит в том, чтобы отсортировать для каждой собачки по десять комплектов – сорок штук на одну. Так сказала Линда.

В гонку с Федором пойдут шесть самцов и шесть самок. Несколько дней назад мы с мужем вдвоем обсуждали, кого взять. А сегодня утром Линда утвердила наш список.

Гонка «Кник»

1 января 2000 года. Из записей Ирины Конюховой

Гонка «Кник-200» была учреждена боро[76], расположенным на берегу небольшого, но живописного озера в местечке Кник (Knik), в 60 милях от Уасиллы[77]. Кник являлся также чекпойнтом[78] для «Айдитарода» и последним пунктом, где функционирует широкая дорожная трасса. Далее к северу Аляски в сторону Йетны и Скветны[79] такой дороги нет.

Слово «кник» в переводе с индейского означает огонь. На месте боро когда-то располагалось поселение индейцев

племени таниана. Благодаря частым огням северного сияния на небе в ночное время в этих краях они и назвали свое место жительства романтичным словом «Кник».

Маршрут Кник – Йетна – Скветна и обратно покрывает 200 миль. Опытный и удачливый погонщик в состоянии обежать это расстояние за сутки. Максимальное время – двое суток – отводится самым медленным упряжкам.

09:30. Все упряжки, участвовавшие в гонке, расположились рядами на ледяной поверхности озера в порядке очередности старта. Центр озера был избран местом старта. Два американских флага на высоких деревянных палках образовали ворота для старта.

Федор должен стартовать восемнадцатым из двадцати четырех участников.

Я неопытный машер

1 января 2000 года. Из дневника Федора Конюхова

В одно мгновение промчавшись по озеру от линии старта, упряжка нырнула в густой лес. Нарты от неожиданного напряжения задребезжали над неровной поверхностью. Они затряслись, словно лошадь на скачках. Бугры, крутые спуски и подъемы, а по обочинам густые торчащие колом кустарники.

– Вот этого еще не хватало! Тут запросто можно выколоть глаза при неосторожном движении в сторону. Канн! Чуть потише, не так гони здесь!

Меня обгоняли другие более опытные погонщики, проехала Линда, махнув рукой. Теперь я бежал со своей упряжкой одним из последних, но так и должно быть. Мне нельзя спешить. Это опасно для неопытного машера. Это дорога, которую я не знаю.

По моим подсчетам, совсем скоро должен быть тот коварный поворот, о котором предупреждала Линда. Только я подумал об этом, как резкий рывок вправо набравшего скорость Канна так стремительно качнул нарты, что я тут же потерял равновесие и упал. Собаки волочили меня несколько минут, пока мне удалось наконец заякорить нарты. С правой ноги при падении упал сапог, и я пошел его искать. Пришлось пройти не меньше 300 метров, пока он нашелся. За это время правая нога успела сильно охладиться.

Мне нельзя прозевать чекпойнт Йетна. Теперь все время нужно смотреть вверх направо. Там на крутом берегу должен показаться еле заметный щитовой домик, к нему и следует подниматься. Маршрут гонки проходил по замерзшему руслу

реки Йетны, езда по которой может быть мягкой и несложной, а может быть жесткой благодаря ледяному воздуху. Дорога по самой реке оказалась ненамного легче. Всюду на поверхности торчал лед. Коварные острые льдинки могли в любой момент поранить лапы собакам. «Здесь надо чаще проверять собак!» Я остановил нарты и стал просматривать у всех собак обувь. Предчувствие не подвело. У Канна, Крисс и Дара ботинки были рваные.

Один день длиною в сотни миль

1 января 2000 года. Из дневника Федора Конюхова

Речка Йетна раздваивается на полпути к чекпойнту. Влево и вправо. Нужно было идти влево, но идущий впереди меня Тим Гарнер решил пойти со своей упряжкой вправо. Перед тем как двинуться дальше, Тим дождался меня, чтобы показать, куда двигаться на повороте.

Двадцатипятилетний Тим впервые участвовал в гонке. У него было семь своих собак, остальных он за небольшую плату арендовал у Линды. Взамен за услугу Линда попросила Тима подстраховать меня, то есть помочь сориентироваться в пути, если я буду идти недалеко от этого молодого американца.

Подъезжая к развилке, я заметил, что Тим мигает мне фонарем с правой стороны.

– Джи, Канн, джи!

Этот звуковой сигнал вожаку означал, что Канн должен поворачивать вправо.

Но неожиданно для меня Канн заупрямился и потянул упряжку влево.

– Джи, Канн, джи! Что такое!?

Канн по запаху определил, что все упряжки двигались влево, но я не поверил вожаку. В этот момент я больше полагался на человека с картой в руках. Проехав миль десять, Тим и я поняли, что двигаемся со своими собаками в неверном направлении. Исчезли следы. Не было признаков движения по этому пути. Пришлось возвращаться снова до развилки и ехать влево.

«Я должен доверять больше Канну. Его чутье меня не подведет», – думал я в морозных вечерних сумерках. Холодно и сухо. Около сорока градусов мороза. Ушел дневной свет, но сумерки не поглотили еще полностью небо. В какой-то момент, который я не успел схватить, небо вдруг ярко осветилось огнями севера. Солнце передало вахту северному сиянию и звездам. С горизонта на всем пути по реке Йетне я видел перед

собой огни Авроры и жалел, что любуюсь этим один с собачками.

Около восьми часов вечера я увидел тот самый небольшой охотничий домик – станцию Йетна. В этом домике, служившем временно чекпойнтом в период гонок, проживала семья Синглов.

Глава семьи Ник Сингл – мужчина крепкий, настоящий охотник. Весь его дом заполонен шкурами. В гостиной выделяются две большие шкуры медведя и муса[80]. Жена Ника – Барбара – занимается домашним хозяйством и воспитанием детей. Нику на вид лет сорок пять, Барбаре – чуть поменьше. У них пятеро детей. Все добрые и приветливые. Старший сын на мотонартах вместе с сестрами ездит в Скветну на учебу.

Я зашел в дом и подивился: сколько людей вместила небольшая гостиная! Ник поприветствовал меня и сразу же повел к стойке небольшого бара в углу гостиной, где Барбара готовила и подавала машерам еду и напитки. Такая работа во время гонок была главным заработком семьи Синглов. Барбара предложила мне покушать, но я думал лишь о собаках. Их сначала надо покормить горячим, а потом уже отобедаю сам.

В этом диком месте участники гонки поят своих собак из проруби. Я спустился к реке, зачерпнул воду из зияющей дырки во льду. Собаки мирно лежали около дома на приготовленной для них соломе. Они уже перекусили снэками и ждали горячее. Двое мужчин – представитель гоночного комитета и ветеринар – осмотрели моих собак.

– Помажьте собакам лапы мазью, к утру обещают еще большее похолодание. У вас есть эта мазь? – низкорослый мужчина-ветеринар в длинной дубленке достал из кармана пластиковый флакончик.

– Нет, у меня другая.

Я видел такую мазь впервые. И достал из лежащей в санях аптечки тюбик с мазью, который Линда дала мне в дорогу.

– Та мазь, которую я вам показал, лучше защищает от обморожения, мозолей и ушибов. Ваша мазь менее эффективна.

Мужчина-ветеринар предложил купить пластиковый флакончик, и я сразу же последовал его совету. После этого двое проверяющих ушли. Формальности позади. Я остался наедине со своими питомцами. И тут же принялся кипятить воду для собачьей похлебки.

Я приспособил жестяную кастрюлю с водой на специальную подставку. Эта подставка была закреплена внутри бачка, в который я налил горючее и поджег его. Пока вода грелась, я присел рядом на солому и посмотрел на небо. Все в звездах. Половина неба по-прежнему наполнена фиолетовыми цветами

северного сияния. Чувствуется, как еще сильнее похолодало. Сейчас примерно около сорока градусов мороза.

Собачки лежали в своих драповых пальтишках парами, прижавшись друг к другу. Мало кто из них дремал. Они терпеливо ждали еду.

– Ничего, мои хорошие, сейчас накормлю вас горячим, и вам станет теплее.

Вода закипела за пятнадцать минут. Я достал из саней большой пластиковый кулер, насыпал туда сухого корма из костной муки, побросал снэки из рыбы и жира и залил все это кипятком. Затем закрыл крышку кулера. Все! Через пять минут суп настоится, и еда собакам готова.

– Фе-едор! – из дома вышла Линда и направилась к тому месту во дворе, где я обосновался со своей упряжкой. Пока я разливал им похлебку, Линда осмотрела собак и нашла моих питомцев в хорошей форме. После этого, довольная, она направилась к своей упряжке и, махнув мне, убежала дальше. Вслед за ней тронулись в путь и остальные участники гонки.

Я простоял в Йетне два часа. Собаки хорошо покушали и немного отдохнули на соломе у домика. Я за это время проглотил разогретый в микроволновке чизбургер, запил его горячим сладким кофе и чуть подремал.

Йетна – Скветна

1 января 2000 года. Из дневника Федора Конюхова

23:45. Маршрут Йетна – Скветна – 34 мили. Холодно. Меня и собак продувало насквозь, пока мы двигались по реке в сторону Скветны. Коченело тело, ноги превратились в бесчувственные ледышки.

Ближе к полуночи, в 23 часа 30 минут, я добрался со своими питомцами на станцию Скветна. Я притормозил на маленьком аэродроме, где отдыхали на соломе несколько собачьих упряжек.

В Скветне – небольшом поселении, расположенном на пересечении рек Скветны и Йетны, обитают около ста двадцати человек. Место расположения организаторов гонки и отдыха машеров – маленькая гостиная-бар. Она была забита людьми, когда я вошел внутрь. Часть людей сидели у стоек бара и общались, потребляя пищу и напитки. Несколько машеров спали на полу бара, укрывшись с головой спальниками. Они разместились вдоль стен и в углах.

Налив в термос горячего кофе и купив два гамбургера, я поспешил к собакам. Выйдя из гостиной, я почувствовал, как резкий ледяной воздух сразу охладил меня. Скорее-скорее

покормить собачек и проверить им лапы… Эта единственная мысль билась в моей голове.

Я расставил своим замерзшим питомцам пластиковые чашечки с горячей пищей и направился к саням, внутри которых намеревался разобрать снаряжение. Но отчаянный визг, перерастающий в лай, заставил вернуться. Я подбежал к упряжке и увидел, что скулящий Рэнжер зализывает кровившую лапу, а лежащая рядом с ним Тарбеби с жадностью ест из чашки Рэнжера.

– Ну что ты с ней будешь делать! Тарбеби, паршивка! Я бы тебе дал добавку. Ты зачем кусаешься?

Я нагнулся к скулящему Рэнжеру. Из его правой лапы обильно сочилась кровь. Достал из кармана мазь, которую мне продал ветеринар в Йетне, и смазал Рэнжеру лапу. Расстроенный, я решил больше не оставлять собак и пообедать рядом с ними. Я уже не замечал пятидесятиградусного мороза. Слишком накалились нервы после случившегося. Я проглотил гамбургеры и выпил горячего кофе из термоса, не ощущая вкуса. Затем решил осмотреть лапы всем собакам и смазать их мазью, которую рекомендовал ветеринар. Мазь была слишком вязкой, с резким запахом. Придумали же синтетику. У нас на Чукотке пользуются моржовым или медвежьим жиром. Это лучше всего.

Руки моментально охлаждались, стоило их вытащить из рукавиц. Я периодически их согревал, опуская обратно в рукавицы, где лежали термопластинки. Наконец все собаки получили приятную процедуру массажа лап с мазью, и я мог отдохнуть сам.

Достал спальник, расправил его в санях и лег внутрь саней, закрывшись сверху спальником, а также кожаным чехлом, прикрывающим сани.

– Фе-е-е-дор!!! Что ты тут делаешь? – это кричала Линда, удивленная тем, что видит русского погонщика спящим в санях на улице при пятидесятиградусном морозе.

– Сплю, – я высунул голову из спальника.

– Зачем ты здесь мерзнешь? Иди в бар, там есть места, где поспать. Здесь же невозможно находиться! – Линда никак не могла понять, как можно спать при пятидесятиградусном морозе.

– Да нет, я здесь останусь. Мне рядом с собаками спокойнее. Через три часа мы уже побежим.

– Да нет, выходить нужно на рассвете. Побежим все вместе, вчетвером. Триш и Тим тоже будут ждать. Так что иди в дом.

Но я все равно отказался. Удивленная Линда, покачав головой и плечами, ушла обратно в бар, где тут же всем сообщила

сенсационную новость о русском, который спит в санях при пятидесятиградусном морозе.

Праздные развлечения людей дорого обходятся

2 января 2000 года. Из записей Ирины Конюховой

07:10. Я не заметила, как заснула одетая на диване. Меня разбудил стук в дверь. Я вскочила. Это был Дэн. Он только что вернулся и, видимо, сразу решил зайти ко мне, чтобы сообщить новости.

Дэн был слегка подвыпивши, выглядел очень довольным, хотя и заметно усталым. Он не стал проходить, присел у порога и сообщил о том, что Федору на митинге в Книке присвоили приз за мужество и волю к победе. Такую награду присуждают машеры на общем собрании каждый год.

Я поздравила Дэна с успехом, узнав, что он пришел шестым, и спросила, почему именно Федора наградили таким призом.

– Это Линда позвонила в Кник из Скветны. Они там все были удивлены тем, что Федор не покинул собак в пятидесятиградусный мороз и спал рядом с ними на нартах.

Сказав эти слова, Дэн засмеялся:

– У нас такого еще не было. Твой муж удивительный человек! У него столько достижений! И, что меня поражает, он совсем не гордый.

Дэн предположил, что Линда, Триш, Тим и Федор подойдут в Кник к обеду.

– Я сейчас пойду посплю. А часам к двенадцати зайду за тобой, и мы поедем в Кник. Ты сможешь поцеловать наконец своего мужа.

Говоря последние слова, Дэн прищурился и снова засмеялся:

– Ну и Фе-е-дор! Ну и Фе-е-дор!

Я пораньше покормила собак, приготовила обед и все время с нетерпением смотрела на часы. Уже полдень, а Дэн все не выходил из дома. Я нервничала, не могла понять, почему Дэн не торопился ехать на озеро.

Наконец в **12:30** несколько помятый и невыспавшийся Дэн зашел за мной, и мы на траке поехали в Кник.

– Мы не поздно? – спросила я.

– Не волнуйся, Ирина. Федор твой еще не пришел. Мы успеваем.

На обочине трассы лежало что-то огромное и черное. Ближе обнаружилось, что это мус. Я вскрикнула от удивления.

– Этот мус выбежал на обочину, и его сбило, – говорит мне Дэн то, что очевидно.

– Я первый раз такое вижу. Почему он выбежал? Неужели он не чувствовал опасности?

– Его испугали праздничные фейерверки. Мус, как и любое другое животное, боится огня. От испуга он и выбежал на дорогу…

По дороге в Кник нам попалось пять мусов, сбитых машинами. Большая плата за пустые праздничные увеселения американцев. Люди бывают до безумия глупы, несмотря на наличие у них разума. Когда же этот разум перестанет давать сбои?

В **13:15** мы подъехали к озеру. Федор вернулся предпоследним. За ним шел только Тим. У ворот финишной линии Федора встречали организаторы гонки. Они зафиксировали его результат, как только сани остановились на положенной линии. Я обняла и поцеловала Федора, а потом принялась обнимать и тискать всех собачек подряд.

Следующий этап – «Клондайк-300»

9 января 2000 года. Из записей Ирины Конюховой. Аляска, ферма Линды Плетнер

11:30. Два события ожидают нас в ближайшее время: 14 января мой отъезд в Швейцарию и 16 января – новая гонка «Клондайк» на 300 миль, в которой будет участвовать Федор.

Мой отпуск заканчивался, пора было приступать к работе в Международном центре федерализма. Моему мужу предстояла своя работа. Мы готовились к переменам заблаговременно.

«Клондайк-300» – это второй квалификационный бег с собачьей упряжкой для Федора, необходимый для того, чтобы его включили в число участников «Айдитарода». Таковы условия.

Сегодня утром у нас пробежка на 28 миль с командой, сформированной для «Клондайка-300» из двенадцати собак, и со мной вместо груза в санях. В состав этой команды для проверки включены новичок Феликс, Амбар и Топаз – две маленькие собачки, похожие больше на поросят, чем на беговых собак, а также Бобик, Кортез, Орви, Флаффи и Эш, не участвовавшие в гонке «Кник-200».

Как быстро летит время

14 января 2000 года. Из дневника Федора Конюхова

01:00. Только что проводил Иринушку на самолет, она улетела в Цюрих, в Швейцарию. Я жду Патрика, он должен приехать за мной и увезти к Линде Плетнер, на ферму к моим

собачкам. Иринушка очень полюбила собак, и они ее. Тяжело было расставаться на два месяца. Сердце как-то сжалось.

Скоро начнется тяжелый день. Если Богу будет угодно, то мы приедем к Линде в три ночи. А утром нас ждет много забот, до вечера нам нужно успеть подготовить продукты и снаряжение.

Вечер, сидим в баре «Биг Лак». Скоро начнется собрание погонщиков, которые будут участвовать в гонке «Клондайк-300», Старт назначен на 16 января с Большого озера. Как же быстро летит время. Кажется, что вчера мы сидели так же на такой встрече перед гонкой «Кник-200», а сейчас я один, Иринушка летит в Европу. Без нее здесь все побледнело и стало скучным для меня.

«Клондайк-300»

19 января 2000 года. Из записей Ирины Конюховой

В 4 часа утра 19 января 2000 года мой муж завершил свою вторую квалификационную гонку на собачьих упряжках «Клондайк-300».

16 января в 10 часов утра Федор стартовал под номером двадцать пять с Большого озера, расположенного в Биг-Лак – небольшом городке недалеко от Уасиллы. Бар «Биг Лак» – организатор гонки – напоил и накормил перед стартом сорок три участника. Владелец бара лично проводил всех гонщиков в путь на 300 миль.

Федор стартовал с двенадцатью собаками. На этот раз он шел один, без подстраховки. Линда, Дэн, Триш, Тим, а также еще одна участница – девушка Элен, арендовавшая у Линды собак на эту гонку, – все они бежали каждый самостоятельно.

– Федя, расскажи мне, как прошла у тебя гонка? – спросила я мужа, услышав наконец его голос по телефону после трех дней мучительного ожидания.

– Здесь дорога, Ирочка, была значительно сложнее и запутаннее, чем в гонке «Кник». Было много трудных подъемов в горах, опасных спусков. Я шел сначала до Йетны (реки). Потом ночью возвращался часа три обратно. Мне нужно было с речки забежать в лес, найти в лесу тропу и пойти по этой тропе. А она узкая-узкая, даже не подумаешь, что это дорога, по которой бегут участники гонки.

– Ты все благополучно нашел?

– Да нет. Немного поплутал. Когда по Йетне бежал, то вышел на тропу, смотрю, а она ведет к охотничьему домику. Вернулся, выбежал на прежнее место и увидел других погонщиков. С ними и зашел снова на тропу.

– Природа там, наверное, красивая.

– Да, очень. Я ночью остановился в лесу. Разжигал костер сухими ветками и кормил собак. Очень красиво. Я сидел возле костра и грелся. Не заметил, как заснул. Часа два подремал. Проснулся и вижу: снег крупный падает. Мой костер и собаки засыпаны снегом. Все вокруг засыпано. И дорога тоже.

– И как ты нашел дорогу?

– Канн знал. Он повел. А к утру на рассвете флажки увидел по бокам дороги. Это значит, что мы правильно шли. У меня Канн молодец. На этот раз я его слушался. Когда уже недалеко от Клондайка был, вижу: развилка вправо и влево. Влево – чистый след от собачьей упряжки. Я Канна направляю в ту сторону, где чистый след, а он ни в какую. Смотрю, с той левой дороги назад собаки бегут. Это Тим опять заблудился. Он шел впереди. Мы посмеялись с ним: Тим снова, как и в «Книке», плутает, а Канн не дает нам заблудиться. Через час мы с Тимом вместе на наших упряжках подошли к бару в Клондайке.

– Это то самое знаменитое место, о котором писал Джек Лондон?

– Да, в этом поселке раньше золото мыли. А сейчас большой бревенчатый дом стоит. Это бар, в котором мы отметились и пошли обратно. Здесь проходит большая трасса. Проезжают ковбои, водители. Я так понял, что два бара объединились и проводят эту гонку. Один провожает из Уасиллы, другой встречает на Клондайке и отправляет обратно.

– Вы с собачками смогли отдохнуть в Клондайке?

– Я утром пришел в Клондайк и там весь день простоял. Отправлял обратно на ферму Амбарчика с Топазом, а также Феликса.

– Что с ними случилось?

– Они все трое бежали хорошо, старались. Потом вдруг Топазик упал. Я положил его в нарты. Он там пришел в себя и стал выглядывать оттуда. Я вытащил его из нарт, а Топазик понял, что в нартах лучше, и снова побежал в нарты. Я понял, что Топазик больше не бегун.

– А что с Амбарчиком и Феликсом?

– Амбарчик и Феликс бежали до последнего. Только в конце на подходе к Клондайку оба стали прихрамывать. Я, когда пришел в Клондайк, увидел, что у обоих собачек проблемы. У Феликса правая нога опухла ниже коленного сустава. Видимо, у него ноги короткие, не приспособлены к большим нагрузкам. А у Амбарчика оказалась попка вся в крови. Бежать нужно с прижатым хвостом. А ты же видела, как Амбарчик бежит! У него хвост всегда поднят, как у поросенка. Шлейка от постромки

зашла под попку и натерла ему. Я пытался Амбарчику во время гонки опускать хвост под шлейку, а он опять хвост вверх и как поросенок бежит. Что ты с ним будешь делать! И ноги у него короткие. Он тоже вымотался при беге, как и Феликс. Мне так жалко было их отправлять! Но ничего не поделаешь.

– А как прошел у тебя обратный путь?

– В ночь вышел и на следующий день после обеда пришел в Йетну. Там в это время была Линда. В дороге у меня чуть захромал Бобик. У него так же, как у Феликса, припухла нога. Но мне показалось, что у Бобика не так серьезно, как у Феликса. Я не хотел отправлять Бобика на ферму. Но Линда стала кричать, чтобы я его оставил. Она нашла у него усталость. Ты же знаешь, когда Бобик бежит, у него ноги расхлябаны. Я думал, часа два-три постоим и Бобик выправится. Но Линда взяла его и поставила в клетку с собаками, которых отправляли обратно на ферму. Мы когда уходили, Бобик провожал нас с грустными глазами. Я как будто бы друга оставил.

– Значит, после Йетны у тебя осталось восемь собак?

– Да, четырех отправили обратно на ферму.

– А как бегут Дар и Наташа?

– Хорошо бегут, стараются. Все время постромки натянуты. Они Канна хорошо поддерживают.

Снегоходы опаснее мусов

26 января 2000 года. Из дневника Федора Конюхова

10:30. Утром пошел снег крупными хлопьями. Дует порывистый ветер. Но температура всего минус один градус. На ферме наступили смутные, напряженные времена. У Линды что-то не ладится с финансовым обеспечением своего хозяйства и поставщиками. Мясо для собак закончилось, кормим только сухими сублимированными отрубями, добавляя чуть-чуть жира.

Я строил композицию будущей упряжки для «Айдитарода», прикидывая, кого из собак взять, а кого оставить. Выбор у меня небогатый. Новых собак Линда уже больше не обещает, надо отбирать из тех, кто есть.

Не знаю, как смогу со своей разношерстной командой преодолеть огромное расстояние в «Айдитароде». Канн и Мэрилин уже стары. Токобел, Сквирел, Элен и Фред – наоборот, очень молодые. Хоммер, Кортез и Эш еще толком не обучены. У Крисс на днях потянулась правая лапка. Что-то слишком тонкие у нее ноги. Вообще-то не только у нее. Три собаки – Крисс, Наташа и Датц – слишком хрупкие в кости. Выдержат ли они «Айдитарод»? У Майка выносливость вроде бы неплохая,

но бывают свои странности, и тоже непонятно, хватит ли ему силы добежать.

Получалось, что только Рэнжер, Дар, Флаффи и Орви вне сомнения. У них нестарый возраст и хорошая крепкая конституция для длительных дистанций. Только четыре собаки из шестнадцати выглядели более-менее приемлемыми для «Айдитарода» по возрасту и выносливости. Как мало!

– Эх, был бы Канн хоть чуть-чуть моложе и не страдал бы своим старческим геморроем, я бы намного был спокойнее! – размышлял я, делая пробежку на 28 миль с командой из шестнадцати собак, той самой, которую я теперь собирался взять в «Айдитарод».

Я бежал по мокрой от снега дороге и с жалостью смотрел на всех своих питомцев. Где-то недалеко шумели снегоходы. На этих снежных машинах лихо катались любители высокой скорости на снежных дорогах. Как правило, это были молодые люди. Бездельники!

Для катания любители снегоходов используют дороги, на которых тренировались погонщики со своими собачьими упряжками. Иногда случались роковые столкновения. Собачьи упряжки боялись снегоходов больше, чем мусов. На 28-мильной трассе имелись крутые подъемы и спуски. Не дай Бог, если при подъеме сверху вылетит на погонщика лихой наездник на снегоходе. В одно мгновение он может покалечить погонщика и собак. У меня уже возникали несколько раз критические моменты, когда сверху или из-за угла выныривали снегоходы, но до сих пор все пока обходилось.

– Изи-изи, полегче, мои хорошие, – покрикивал я своим собакам, которые разбежались и гнали во всю прыть.

Но собаки увлеклись бегом и не слушались.

– Стоп! Стоп, Канн! Канн!!!

Из-за поворота прямо на собачью упряжку летел на огромной скорости снегоход. Управляющий им молодой человек пытался повернуть в сторону, но скорость его машины была настолько высокой, что он не справился с управлением и со всего размаха врезался в середину упряжки.

У меня похолодело сердце, когда на моих глазах машина давила собак. Господи! Сохрани их! Закрепив сани крючком, я побежал в центр, где скида подмяла сразу несколько собак.

В кучу сбились все центровые собаки. Самый большой удар пришелся на Рэнжера, Хоммера и Мэрилина. Хоммер и Мэрилин пытались встать на ноги, а Рэнжер пластом лежал на снегу. Поводок сильно стянул его шею.

Я вытащил из кармана складной нож, лихорадочно разрезал

поводок и взял голову Рэнжера в свои горячие ладони. Собака не подавала признаков жизни.

– Рэнжер, дорогой! Рэнжер, очнись!

Минуты бездыханного бытия показались вечностью. Когда Рэнжер тряхнул головой и открыл глаза, я почувствовал, будто сам вернулся к жизни.

Составляю новую пару

10 февраля 2000 года. Из дневника Федора Конюхова

Вчера с Крисс – единственной напарницей Канна – случилась беда. Во время тренировки на 28 миль она провалилась в глубокий жесткий снег. Когда я подошел к Крисс, та уже успела выбраться из ямы. Она легла на снег и все пыталась пристроить свою правую переднюю лапу, тыча ею о снег.

– Только бы не перелом!

Я осмотрел лапу Крисс и вздохнул облегченно. Кажется, обошлось. У собак перелом равносилен смертному приговору. Похоже, у Крисс потянулась мышца на правой лапе. Оттого и боль.

– Надо бы найти для Крисс смену, она не потянет в паре с Канном в «Айдитароде».

Утром после кормежки я подошел к будке Элен. Я запряг Канна с ней для утренней пробежки. В отличие от Крисс, которая в паре с Канном всегда проявляла самостоятельность и могла поспорить с ним, в какую сторону бежать, Элен сразу же проявила себя как приятное дополнение к вожаку, не претендующее на лидерство.

Я принял решение: Элен идеально подходит Канну. Я возьму ее в гонку вместо лентяя Фреда.

Приближение гонки

16 февраля 2000 года. Из дневника Федора Конюхова

Утром я реально ощутил приближающееся дыхание «Айдитарода». Весь день работники фермы, включая Фрэнсиса, были заняты отправкой корма собакам на чекпойнты. Семнадцать чекпойнтов, на каждую остановку по три мешка из расчета на одну упряжку. Всего получался пятьдесят один мешок на одного. От фермы Линды Плетнер нужно было приготовить и вывезти двести четыре мешка.

Дэн, я, Тони и Рик загрузили большой трак. Затем я вместе с Линдой и Дэном отвез груз в Анкоридж на склад. Там его зарегистрировали, и теперь он будет уже отправляться

на самолетах. Груз каждого погонщика был оценен в пятьсот долларов. Всего Линда заплатила две тысячи долларов за всех участников от ее фермы: за себя, Дэна, Триш и меня.

Гонка на собачьих упряжках «Айдитарод»

«Далекое место»

2 марта 2000 года. Аляска, Анкоридж

19:00. Официальная встреча. Все гонщики накануне старта в Анкоридже заполнили до отказа конференц-зал самой большой пятизвездочной гостиницы «Анкоридж».

Восьмидесяти двум участникам гонки предстояло стартовать из Анкориджа и пройти 1150 миль (1800 километров), чтобы финишировать в Номе на севере Аляски. В конце прошлого века именно этот маршрут описывал Джек Лондон. Тогда тысячи искателей приключений со всего мира, заболев золотой лихорадкой, перебирались с юга на север Аляски, прокладывали дорогу к золотоносным жилам.

По жребию была распределена очередность старта. Я вытащил семьдесят третий номер из восьмидесяти двух возможных. Для тех, кто участвовал впервые, организовывалась лекция о маршруте гонки. Ее проводил Ники Нильсен, волонтер-архивариус маршрутного комитета «Айдитарода» (МКА). Я остался на лекцию. Важно узнать как можно больше о маршруте.

– Маршрут проходит через горы Аляски, затем через горную гряду Кускоквим, а далее по реке Юкон[81] в направлении бухты Нортон-Саунд в Беринговом море. Простираясь почти по всей ширине Аляски, маршрут гонки проходит через многочисленные географические регионы. Эта гонка идет по самой суровой и самой прекрасной местности, которую только может предложить природа. Перед глазами мелькают горные цепи, замерзшие реки, густые леса, пустынная тундра и целые мили морского побережья, открытого всем ветрам. Прибавьте к этому температуру намного ниже нуля, ветры, которые могут послужить причиной полной потери видимости, долгие часы тьмы, а также резкие подъемы и спуски с крутых холмов, при которых никогда не знаешь, упадешь ты или нет. И это лишь приблизительная картина «Айдитарода». Гонка настолько необыкновенная, что описать ее невозможно, ее надо испытать. Только на Аляске такое случается!

«Айдитарод» – торжественный старт

4 марта 2000 года. Этап Анкоридж (Anchorage) – Уасилла

(Wasilla)

Казалось, все 250-тысячное население Анкориджа, самого большого города Аляски, вышло на улицу, чтобы посмотреть на старт гонки. Пять сотен добровольцев участвовали в организации церемонии старта, более сотни человек были заняты только тем, что помогали погонщикам удерживать собак на месте. Десятки ветеринаров сновали между упряжками, проверяя каждую собаку – нет ли строго запрещенных замен. Они снимали информацию о собаках с вживленных микрочипов и сверяли с имевшимися у них на руках данными.

Рядом со мной телекорреспондент вел репортаж:

– Среди погонщиков собачьих упряжек «Айдитарод» считается вершиной мастерства. Это то же самое, что для альпинистов Эверест, для яхтсменов – мыс Горн, а для полярников – Северный полюс…

Закончив говорить на камеру, корреспондент подошел ко мне:

– Hello! Меня зовут Майк Алешин. Я корреспондент «Анкоридж ньюс». Я из потомков русских. Мне хотелось бы взять у вас интервью. У вас потрясающая биография, даже не верится, сколько вы успели сделать в жизни!

Я кивнул, хотя мне было не до интервью: собаки перед стартом пришли в сильнейшее возбуждение и так спешили сорваться с места, что стоило немалых усилий удержать их.

Майк подозвал оператора и продолжил репортаж:

– Итак, мы представляем Федора Конюхова, единственного из восьмидесяти одного стартующего, не являющегося ни профессиональным погонщиком, ни владельцем собачьей фермы. Скажите, Федор, это ваше кредо – не быть профессиональным спортсменом, но участвовать в самых сложных состязаниях и всегда приходить к финишу?

– Ну что я могу ответить? Где надо – я прихожу, где надо – не прихожу. Как Богу будет угодно. Для меня важен процесс, – отвечал я рассеянно, раздавая собакам куски мороженого лосося.

Корреспондент чуть отошел в сторону, чтобы лай Канна, вожака упряжки, не заглушал его голос, и продолжил:

– Сегодня мы видим Федора кормящим лаек мороженой рыбой, а всего полгода назад он пересекал океан, участвуя в кругосветной парусной гонке одиночек Around Alone 1998–1999. В мире всего два яхтсмена, рискнувших сменить штурвал яхты на рукоятку нарт собачьей упряжки. Один из них – миллионер Стив Фоссет[82], другой – Федор Конюхов, несколько раз обогнувший земной шар под парусом.

Затем корреспондент снова подошел ко мне:

– Только что пресс-секретарь гонки представил тебя как adventurer, что можно перевести как «путешественник» либо как «авантюрист». Так что тебе ближе?

– Я ни тот ни другой. Я просто Федор Конюхов. Я люблю жизнь и эту землю. Я бегу в этой гонке, потому что мне интересно испытать себя и своих собачек.

– Значит, тебе больше всего соответствует понятие «искатель приключений». Ты, наверное, знаешь, что на каждого участника делают ставки. На тебя и твоих собак ставки довольно низкие. Большинство считает, что ты со своей упряжкой сойдешь с дистанции. Такого еще не бывало, чтобы новичок, тренировавшийся менее полугода, с первого раза прошел маршрут гонки. Что ты на это скажешь?

– Я буду ориентироваться на своих собак. Если это будет им под силу, мы пройдем. Если им будет тяжело, я прекращу гонку. Я не могу подвергать своих друзей чрезмерному риску…

Погонщики отправлялись в путь поочередно, с интервалом в две минуты, и, пока я беседовал с корреспондентом, подошло и мое время – организаторы подали знак, что пора подводить упряжку на старт. Собаки дрожали от возбуждения, а вожак Канн уж осип от лая.

Раздался стартовый выстрел, сани рванули, но тут же остановились. Забыли отстегнуть страховочный карабин, которым сани были пристегнуты к бамперу судейского грузовика. Я выхватил из кармана острый нож и одним ударом перерезал веревку.

Застоявшиеся собаки бежали быстро. В эту гонку со мной побежали Канн и Элен, Токобел и Сквирел, Датц и Крисс, Дар и Наташа, Орви и Рэнжер, Майк и Мэрилин, Флаффи и Хоммер, Кортез и Эш.

Я издалека увидел, что впереди случилось что-то неладное, но затормозить не успел. На повороте столкнулись две упряжки, и в эту куча-мала из тридцати двух рычащих псов едва не врезались и мои сани. Выручил Канн: опытный вожак рванул в сторону, нарты, врезавшись в дерево, остановились. От удара полозья сильно погнулись. «Как хорошо, что на этот этап я взял тренировочные нарты, а основные ждут меня в Уасилле».

«Айдитарод» – день первый

5 марта 2000 года. Этап Уасилла (Wasilla) – Йетна-Стэйшн (Yetna Station) – Скветна (Skwetna)

Вчера состоялся торжественный старт гонки «Айдитарод» из Анкориджа, а сегодня – официальный старт из Уасиллы.

Покинув Уасиллу, какое-то время мы еще находились в пределах цивилизации, вплоть до поселка Куник и чуть далее за прохождением дистанции наблюдали многочисленные зрители. В местечке Куник-Лейк – последний контрольный пункт, до которого можно добраться на автомобиле, а далее дорога проходит по местности, куда редко ступает нога человека.

В Скветне представитель гоночного комитета и ветеринар отметили мое время прихода. Ветеринар даже не стал осматривать собак, лишь взглянул на них и махнул рукой: «У меня нет вопросов».

«Айдитарод» – день второй

6 марта 2000 года. Этап Скветна (Skwetna) – Фингер-Лейк (Finger Lake)

После четырехчасового отдыха в Скветне собаки бежали хорошо, но мне отдохнуть не удалось. Я испытывал недомогание: спина и поясница сильно ныли, но еще больше беспокоила правая нога.

Покинув контрольный пункт, мы с собачками бежали по реке Скветне примерно 40 миль, а затем путь пошел через невысокие холмы, поросшие елью и ольхой. Обильный и рыхлый снег, толщина которого здесь местами может превосходить 16 футов, участники гонки называют дорогой без дна. Собаки, увязая в белом месиве, двигались чрезвычайно медленно, и когда наконец добрались до контрольного пункта Фингер-Лейк, то от усталости валились с ног.

Проложенная по берегу реки трасса закончилась и перешла в целинный путь по замерзшему руслу. Перед тем как выйти на лед, я остановил «команду» и покормил собак мороженой селедкой. Потом достал термос и отпил глоток кофе, чтобы не заснуть. Это меня немного взбодрило.

Наступила ночь, и река преподнесла неприятность: собаки неожиданно попали в воду. Останавливаться на льду было нельзя, и пришлось 30 минут бежать до леса. А когда я наконец остановил упряжку и осмотрел лапы собак, то о собственных недугах забыл: подушечки собачьих лап были растерты и кровоточили. Часовую остановку посвятил осторожному втиранию мази в шестьдесят четыре лапы и замене тканевых ботиночек.

Ночные сумерки освещались лишь маленьким фонариком, укрепленным на лбу. Руки от переохлаждения давно онемели и переставали слушаться, но пот градом катился со лба и по спине. Если вовремя не вытереть виски, на них тут же

вырастали сосульки. Как нарочно, снова начала отниматься спина.

Наконец снова в путь. Упряжка шла ровно, в заданном вожаком ритме, и это гипнотизировало – невыносимо хотелось спать. Но вот трасса постепенно превратилась в узкую тропу. Густые деревья низко опустили мерзлые острые сучья, готовые, словно вилы, вонзиться в погонщика или в собак. На повороте острый сук распорол лежавшую на нартах вещевую сумку. Я знал, что если не зашить дыру сейчас же, то есть риск потерять часть снаряжения. Остановил нарты, достал иголку и толстые шелковые нитки.

После нескольких минут работы без рукавиц пальцы онемели – я перестал их чувствовать. Решив согреться, я засунул руки под парку, на несколько секунд закрыл глаза и… провалился в сон. Очнувшись через несколько минут, я приказал себе: «Пора в путь!»

Упряжка набрала ход, и тут едва не случилось несчастье. Бежавшая рядом с Канном Элен задела боком стоявшее близко к тропе дерево, да так сильно, что ее пальтишко разорвалось – клочья ткани торчали во все стороны. Но собака продолжала бежать. «Значит, слава Богу, бок не травмирован».

В темноте, со смыкающимися глазами, не видя очередное дерево, я наклонил сани в сторону для поворота, не подозревая, какая опасность меня ожидает. От сильного удара о дерево сани затрещали, и, потеряв равновесие, я стал падать. При потере баланса нарты перевернулись. Собаки протащили мое тело полмили. В последний момент я чудом зацепил крючок за ствол дерева, благодаря чему собаки остановились. В этот же момент я неожиданно ударился обо что-то твердое и потерял сознание.

«Айдитарод» – день третий

7 марта 2000 года. Фингер-Лейк (Finger Lake) – 150 миль от Анкориджа

Пять собачьих упряжек отдыхали на соломе, рассыпанной по снегу вокруг небольшого домика. При подходе моей упряжки лишь несколько собак подняли головы и только две-три вскочили и залаяли. «Не только моя, но и другие “команды” начинают уставать, а ведь только начало гонки. Как-то собачки выдержат дальнейший путь?» Мне было жалко всех четвероногих, которым предстояло еще долго бежать по просторам Аляски.

Как только остановил упряжку, ко мне подошли контролер гонки и ветеринар.

– Поздравляем, вами пройдены первые 150 миль. Все ли у вас

в порядке?

– Да, спасибо.

Ветеринар внимательно осмотрел лапы собак.

– Почти у всех лапы натружены. Вотрите мазь и сделайте массаж.

– Где мне разместить упряжку и где взять солому?

– Солома у дома, а место занимайте любое свободное. А сами можете поспать в доме.

– Нет, я постелю себе на открытом воздухе, рядом с моими собаками.

Мне нужно было поспать. Покормив собак, я прилег на солому и на целый час погрузился в небытие. Никаких сновидений, только изнурительная головная боль. Она была настолько острой, что забывались неприятности с поясницей и правой ногой.

На контрольном пункте я встретил Линду и Триш. Линда осмотрела собак и нашла их состояние нормальным.

– Я оставляю здесь двух своих собак, – сказала она. – А сам-то ты никого не хочешь здесь оставить?

– Нет, не хочу.

Машеры практикуют отправку собак, даже когда те еще пригодны для гонки, ведь по правилам соревнований достаточно финишировать с упряжкой из пяти собак. Однако эта практика мне не нравилась: «Они, как и я, хотят пройти весь маршрут, и я не должен лишать их этого права. Как я могу кого-то выкинуть только из-за того, что мне будет легче бежать?»

Этап Фингер-Лейк (Finger Lake) – Рэйни-Пасс (Rainy Pass)

Покинув Фингер-Лейк, я оказался среди гор и двигался по лесной тропе, которая постепенно поднималась вверх. Проложенная совсем недавно колея успела покрыться снегом. Снег слепил, без очков все сливалось в единую белую пелену. Но, в отличие от меня, Канн двигался уверенно, он легко находил путь под снегом.

От волнения и усталости я стал совершать промахи. Во время остановки, когда нес собакам ведро с водой, я поскользнулся и при падении потянул мышцу на правом плече. Теперь каждый толчок саней отдавался болью. Усилились боли в правом бедре и в пояснице.

«Нет, надо взять себя в руки! Мне грех жаловаться. Канн сам находит путь. Собаки бегут хорошо, даже чуть быстрее, чем я бы хотел».

По дороге к перевалу Рэйни-Пасс участники гонки должны пересечь каньон, совершая отвесный спуск, а затем поднимаясь

на другую сторону по столь же крутому склону. Этот переход – один из самых опасных участков гонки. Узкая тропка ведет в низину каньона. Погонщик чрезвычайно быстро, кренясь, съезжает вниз, и если он не падает и не разбивается при этом, то это большая удача.

Я изо всех сил нажимал на тормоза, однако спускаться медленнее не получалось. Впереди вырос настоящий трамплин – высокий взлет и резкое падение. Сани перевернулись, и упряжка еще долго волочила их и меня самого, прежде чем удалось зацепиться якорем за дерево и остановиться.

Наступила звонкая тишина. Я пошевелил руками и ногами, пощупал ребра – кажется, цел, только все тело ныло от ушибов. Сани были сломаны: лопнул левый полоз. Ехать было невозможно – их приходилось тянуть, помогая собакам. А между тем опускались сумерки. И тут – о счастье! – я заметил вдалеке охотничью избушку. Остановив собак и перевернув нарты, чтобы нельзя было их сдвинуть, надел короткие лыжи-снегоступы и направился к домику. На двери висел замок, но был открыт стоящий рядом сарай, и я среди железного хлама нашел проволоку, которой можно было скрепить обломки полоза.

В путь отправился уже в полной темноте, шел всю ночь и до чекпойнта Рэйни-Пасс добрался лишь на следующий день.

«Айдитарод» – день четвертый

8 марта 2000 года. Рэйни-Пасс (Rainy Pass) – 224 мили от Анкориджа

Утреннее солнце уже пригрело, когда я подошел к охотничьему домику, где располагался контрольный пункт. Лежавшие во дворе несколько собачьих упряжек никак не отреагировали на вновь прибывших. Половина моих собак тут же повалились на землю. «Пройдена только четверть пути, а собаки, кажется, уже вымотались до предела», – подумал я.

Около домика валялись чьи-то погнутые алюминиевые нарты. Они пострадали меньше, чем мои сани, и, похоже, отремонтировать их было бы легче.

– Все ли у вас в порядке? – спросил меня представитель гоночного комитета.

– Да, если не считать того, что я сломал нарты.

– Не вы один – многие разбивают здесь нарты. Вот и те двое, что сидят за столом, канадка и американец, ждут свои запасные сани. А у вас есть запасные?

– Линда Плетнер, хозяйка фермы, где я арендовал собак и снаряжение, забросила двое запасных саней в Николай.

– Тогда нет проблем. Наш радист свяжется с чекпойнтом в Николае, и сани вам сюда доставят самолетом. Однако самолет маленький, в него можно погрузить только одни сани. Так что сначала обслужат этих двоих, а вас – лишь ближе к вечеру.

«Ладно, значит, так Богу угодно, – подумал я. – Пусть тем временем собачки отдохнут».

Во дворе ветеринар осматривал собак.

– Федор, тебе здесь лучше постоять подольше. У пятерых твоих собак слабость. Может начаться обезвоживание у Наташи и Кортеза.

– Я все время ругался на Кортеза, чтобы он не тянул с такой силой. Он и Эш может загнать. Они у меня идут последними. Я, наверное, на время поставлю в конец упряжки вместо них Флаффи и Хоммера.

Покормив собак горячей пищей и сделав им массаж лап, я вернулся в дом. Но от предложенной кровати отказался: «Подремлю здесь, в гостиной, хочу побыстрее узнать новости из Николая».

А новости оказались неутешительные: «Саней для русского гонщика не будет, потому что запасные, что были приготовлены в Николае, забрали сама хозяйка фермы Линда Плетнер и ее муж Дэн Гавони, которые тоже разбили свои сани при переходе Рэйни-Пасс».

– А чьи это погнутые сани во дворе? – спросил я.

– Одного американца, он уже наверняка в Николае.

– Могу ли я ими воспользоваться для продолжения гонки?

– Да, если владелец не возражает. Мы сейчас же пошлем запрос в Николай, там разыщут владельца брошенных саней и попросят у него разрешения.

Ответ пришел скоро: «Если этот русский считает сани пригодными для гонки, то пусть берет».

Мне удалось кое-как отремонтировать сани, чтобы на них можно было ехать.

Этап Рэйни-Пасс (Rainy Pass) – Рон (Rohn)

Этот этап маршрута – один из самых сложных, так как погонщик пересекает Аляскинский хребет[83]. Мои мучения с санями не прекратились. Чужие сани плохо поддавались балансировке, тормоза были расшатаны до предела, я очень быстро перестал считать, сколько раз падал и переворачивался.

Рон (Rohn) – 272 мили от Анкориджа

Рон расположен в каньоне рядом с реками Татина

и Кускоквим[84]. Многие погонщики останавливаются здесь на двадцать четыре часа, чтобы дать отдых собакам перед самым длинным этапом до Николая.

– Не хотите ли отправить собак домой? – задала традиционный вопрос женщина-ветеринар. – У некоторых лапы сильно натружены.

– Да нет, все могут бежать дальше.

– Ну что ж, вам видней. Вы восемнадцатый из семидесяти девяти участников, кто бежит с шестнадцатью собаками. У остальных осталось по тринадцать-пятнадцать.

На просьбу выдать пакеты с едой для собак представитель гоночного комитета удивленно вскинул брови:

– Разве вас не предупредили, что сюда еду собакам не забрасывают?

– Нет. Вернее, может быть, и говорили, но у меня неважно с английским…

Я планировал дать собакам в Роне как минимум шестичасовой отдых – видел, что собаки порядком подустали. Но в вещевом мешке оставалось еды лишь на две кормежки, так что пришлось как можно скорее отправляться в путь – туда, где есть корм, то есть в Николай, до которого 93 мили.

«Айдитарод» – день пятый

9 марта 2000 года. Этап Рон (Rohn) – Николай (Nikolai)

Новый день я встречал в лесу. Этот участок гонки проходил сначала через лес. Ночь по-прежнему была ясной. В мерцающей снегом и северными огнями тишине мы бежали навстречу неизвестности. Сани по-прежнему плохо балансировали, но я перестал обращать внимание на их капризы. Больше беспокоило, выдержит ли моя упряжка голодный и длинный маршрут.

Когда уже на утренней заре собаки выбежали на лед у развилки реки Кускоквим, я остановил сани. Меня предупредили, что тут надо быть предельно осторожным: вода подмывает лед снизу, он истончается и может провалиться не только под весом человека, но даже собаки.

Привязав сани с упряжкой к дереву, я по одной осторожно перевел собак на другую сторону реки, а в последнюю ходку перевез сани. Хотя переправа заняла много времени, но все обошлось благополучно.

Собаки жадно глотали снег во время передышки. «Это хорошо, им ведь придется долго обходиться без горячей пищи. Главное – чтобы не наступило обезвоживание».

Дорога шла вдоль реки Поуст вверх по холму, который носит

название Водопад, так как весной всегда покрыт талой водой. Это последний подъем перед Николаем, а далее будет спуск, после которого начнется равнинная часть Аляски. Но до выхода на равнину предстояло пересечь территорию, где в 1977 году произошел сильнейший в истории Аляски пожар, уничтоживший более 360 тысяч акров[85] леса. Для гонщиков это крайне трудная часть пути: припорошенные снегом обугленные стволы деревьев, торфяные кочки и глубокие ямы, образовавшиеся в местах, где торф выгорел.

Далее – так называемый туннель бизонов, усеянная валунами извилистая тропа по дну каньона. Тут на спусках сани скользили быстро, и мне стоило огромных усилий сдержать собак. Я постоянно падал и волокся за санями. Все лицо было исцарапано, а тело сплошь покрылось синяками. Хорошо, что не снимал очков, иначе давно выколол бы глаза острыми ветвями торчащих повсюду кустов.

Когда силы бороться с лабиринтом почти иссякли, а от напряжения из носа пошла кровавая пена, туннель вдруг кончился – сани вынесло на равнину. И, о чудо, в каких-то тридцати метрах от тропы я увидел стадо бизонов – огромные быки мирно паслись, не обращая никакого внимания на упряжку. И еще увидел невдалеке охотничий домик. «Сделаем-ка тут остановку, чтобы собаки передохнули», – решил он.

Внутри домика – никого. Судя по обстановке, здесь жили охотники-индейцы. Я давно уже скормил собакам последние куски мороженой рыбы и собственный запас шоколада и сухарей, стал искать съестное в домике, но его там не было. Зато обнаружил нечто куда более ценное – крепкие деревянные сани!

Достал из кармана деньги, которых заведомо хватало, чтобы заплатить за сани, вырвал листок из своей записной книжки и написал записку хозяевам дома: «Дорогие друзья, я нахожусь в безвыходной ситуации: у меня сломались сани, и я не могу двигаться дальше. Если вы не согласны с ценой, которую я заплатил за ваши сани, то можете найти меня по нижеуказанному адресу на ферме Линды Плетнер. С уважением, Федор Конюхов». И приписал адрес Линды.

Не без труда я вытащил новые сани из дома и занес туда свои – а вдруг охотники их починят и будут использовать? Затем запряг упряжку в новые сани и попробовал тормоза. Широкие полозья, удобные ручки – на таких санях будет приятно ехать!

Увенчанная православными крестами церковь на въезде в Николай была видна издалека. «Слава Богу – мы выжили!».

«Айдитарод» – день шестой

10 марта 2000 года. Этап Николай (Nikolai) – Макграт (McGrath)

В Николае я использовал для отдыха разрешенные регламентом полные сутки. Это было необходимо: «команда» выбилась из сил. Ветеринар осмотрел собак и нашел их пригодными для продолжения гонки, хотя и отметил их сильное истощение. Особое беспокойство внушал Канн.

Температура воздуха ощутимо повышалась, и я боялся, что Канн начнет перегреваться. И действительно, на ровном месте вожак вдруг споткнулся и упал. Упряжка замерла в ожидании, что будет дальше. Я отвел Канна к саням и заставил улечься в дорожную торбу. Вместо Канна и Элен я поставил Рэнжера и Орви.

Рэнжер растерялся, но робко продолжил путь, все время оглядываясь на хозяина, правильно ли он движется. Я заметил растерянность Рэнжера, как и волнение Канна, который оказался недоволен лидерством другого. Неожиданно Канн спрыгнул с низких нарт и заковылял на свое обычное место. «Нет, – я остановил его, – я не поставлю тебя впереди, ты слишком устал. Если не хочешь лежать в санях, то становись в третьем ряду». Позже я понял, что поступил неправильно: нужно было оставить Канна лидером, особенно там, где дорога плохая и много развилок.

Наступила ночь, зажег налобный фонарь. Развилок было много, и на одной из них Канн, не согласившись с решением временного лидера, метнулся по тропе влево. От этого рывка крепление его постромок лопнуло, вожак оказался на свободе и умчался в темноту.

Остановил сани и долго звал Канна, но тот не вернулся. «Такую собаку потерял, – казнил я себя. – Любую можно потерять, только не его. Без Канна остаться – это не гонка».

Направил упряжку в ту сторону, куда убежал вожак, и два часа шел по этой тропе. Вдруг впереди заметил два светящихся глаза. «Волк! – подумал я. – Волки могли и Канна загрызть, если напали на него стаей». Упряжка медленно приблизилась к неизвестному зверю, и тут я увидел, что это не волк, а поджидавший упряжку Канн.

Я чуть ли не плакал и крепко обнял собаку. Канн возвратился в упряжку лидером. Я снова поставил его с Элен впереди.

Этап Макграт (McGrath) – Такотна (Takotna)

Несмотря на краткий отдых, собаки бежали хорошо и прошли уже больше половины этапа, как вдруг, почуяв опасность, остановились и яростно залаяли. И точно: из-за деревьев

выскочил лось – матерый самец двухметрового роста и весом под 800 килограммов. Остановившись в двадцати шагах от упряжки, он фыркал, бил копытами по снегу и тряс головой, вонзая рога в воображаемого противника. В одно мгновение он мог покалечить сбившихся в кучу собак.

В начале весны лоси-самцы опасны – были случаи, когда они атаковали собачьи упряжки. Пытаясь все-таки отпугнуть зверя, я выхватил из саней топорик для разделки мороженой рыбы и принялся колотить им по кастрюле, в которой кипятил для собак воду. Но, вопреки ожиданиям, лось не испугался, а, наоборот, бросился вперед. Он остановился всего в трех метрах от собак, которые продолжали его облаивать. Потом, стукнув копытами, все же убежал.

«Айдитарод» – день седьмой

11 марта 2000 года. Этап Такотна (Takotna) – Офир (Ophir)

В **20:00** я покинул Такотну. Все собаки чувствовали себя хорошо, у меня снова восстановилось бодрое настроение. Удалось отдохнуть.

«Айдитарод» – день восьмой

12 марта 2000 года. Этап Офир (Ophir) – Криппл (Kripple)

Путь из Офира в Криппл шел по подножьям холмов, а затем по замерзшей реке. Где-то на середине пути надо было найти маленький домик, куда были заброшены продукты для собак. Тридцать миль позади, а вот и домик, обозначенный на карте. Но дверь заколочена, и никаких продуктов. Опять какое-то недоразумение?

Сделал у домика остановку и покормил собак последними запасами мороженой рыбы, смешанной с мясом и жиром. Я спешил добраться до Криппла до темноты, и тут случилось несчастье: сани налетели на валун, перевернулись, и Роджер вывихнул лапу. «Бедная собака! У него снова неудача!»

«Айдитарод» – день девятый

13 марта 2000 года. Криппл (Kripple) – 534 мили от Анкориджа

Криппл считается серединой северного маршрута гонки. Этап до него оказался слишком тяжелым для уставшей и голодной упряжки. Мне пришлось отправить домой двух собак – Рэнжера, вывихнувшего лапу, и Хоммера, у которого распухли суставы лап.

«Айдитарод» – день десятый

14 марта 2000 года. Этап Криппл (Cripple) – Руби (Ruby)

Все та же тайга, холмы и снег. Это не самый сложный, но зато самый протяженный этап, который приводит к верховьям великой реки Юкон. Гонщики проходят его в среднем за двенадцать часов, а я затратил четырнадцать.

Руби (Ruby) – 646 миль от Анкориджа

Мы добрались до деревни Руби. Здесь погонщик должен стоять обязательные восемь часов.

Гонку «Айдитарода-2000» выиграл Даг Свингли, финишировавший в Номе с 11 собаками. Дистанцию он преодолел за рекордное время – 9 дней и 56 минут. Он заработал 60 тысяч долларов да в придачу внедорожник Dodge стоимостью 38 тысяч.

А для меня гонка не способ зарабатывания денег. В ней я преодолеваю себя, испытываю свой дух и дух питомцев, которые, как и я, стремятся пройти этот путь, оставляющий о себе неизгладимую память.

«Вожак моей упряжки»

«Айдитарод» – день одиннадцатый

15 марта 2000 года. Галена (Galena) – 698 миль от Анкориджа

Оставив позади Галену, упряжка отправилась до деревушки Нулато (Nulato). Здесь я простоял больше, чем предполагал: впервые за дни гонки почувствовал, что недостаток сна начинает сказываться на психике. Я провалился в сон на целых два часа, хотя накопившаяся усталость требовала куда более продолжительного отдыха.

Некоторые машеры считают, что вторая половина гонки протекает быстрее, чем первая, потому что идет преимущественно по равнине. Тут нет трудных горных переходов и каньонов, а есть лишь гряды холмов в мягких изгибах реки Юкон.

Этап Нулато (Nulato) – Калтаг (Kaltag)

«При подходе к Калтагу будь осторожен, – предупредила меня Линда. – Местные аборигены – индейцы – могут наехать на тебя на своих мотонартах. Они часто катаются пьяными». Линда как в воду смотрела: когда я подъезжал к деревне, двое пьяных – не то индейцев, не то эскимосов – чуть не врезались в моих собак на мотонартах. «Поистине Аляска – страна спившихся индейцев и эскимосов. Их здесь разбаловали снегоходами, как игрушками. Забавляются, вместо того чтобы работать».

Этап Калтаг (Kaltag) – Уналаклит (Unalakleet)

Большинство участников гонки старались подольше задержаться в Калтаге, чтобы дать отдых и себе, и собакам перед утомительным 90-мильным этапом до Уналаклита. Так же поступил и я – позволил себе четырехчасовой отдых.

Дальнейший путь пролегал через хвойные леса, затем по руслу рек Калтаг и Уналаклит до одноименного города, лежащего на побережье Берингова моря.

«Айдитарод» – день двенадцатый

16 марта 2000 года. Уналаклит (Unalakleet) – 882 мили от Анкориджа

Уналаклит – поселок на берегу Нортон-Саунд, большой бухты в Беринговом море. Добравшись до побережья, большинство погонщиков оставляет нескоростных собак, даже если те могут бежать дальше. Процедуру сдачи собак представителям гоночного

комитета и ветеринарам прагматичные американцы назвали словом drop, что означает «бросить».

Я посмотрел в сторону саней. Там из сумки торчала голова Мэрилина. Старый бывалый участник «Айдитарода» лежал в нартах, его время гонки закончилось. У него отказали лапы. Они распухли в суставах и подозрительно густо покраснели в подушечках.

Этап Уналаклит (Unalakleet) – Шактулик (Shaktoolik)

Я давно потерял ориентир во времени и пространстве. С воспаленными глазами, измученными нервами и непроходящим чувством вины перед собаками сам себе казался тенью на белом пространстве, где сетчатка разнообразных следов и дорог была понятна только Канну. Порой и он ошибался, и тогда через некоторое время мне приходилось возвращать собак к пройденной развилке.

Большую опасность представляли дрейфующие льдины. Они прибивались к берегу, и их трудно было отличить от суши. Попав на такую льдину, погонщик рисковал оторваться с нею от берега.

После Уналаклита трасса была покрыта голым льдом, а потом пошла по замерзшему болоту, и я все не мог найти защищенного от ветра места, где можно было бы дать отдых собакам и покормить их. Так продолжалось до самой окраины Шактулика, и там, за 3–4 мили до контрольного пункта, две молодые собаки – сестрички Токобел и Сквирел, увидев дома и решив, что это и есть место отдыха, легли на снег и отказались бежать дальше. По очереди я перенес их в нарты: «Пусть полежат – намаялись бедняжки…»

«Айдитарод» – день тринадцатый

17 марта 2000 года. Шактулик (Shaktoolik) – 922 мили от Анкориджа

Эту деревню, где живут чуть больше полутора сотен человек, в шутку называют прибежищем штормов. «Не надейтесь, что ветер утихнет – шквалы здесь затяжные. Так что советуем продолжить путь,» – сказали мне на контрольном пункте.

Этап Шактулик (Shaktoolik) – Коюк (Koyuk)

Я пустился в путь ночью при сильнейшем встречном ветре и температуре минус 27 градусов по Цельсию. Первые 10–15 миль дорога шла по болотистой местности, а затем по льду залива Нортон. Если лед будет недостаточно крепок, маршрут пройдет

к востоку от бухты Нортон по береговой линии, из-за чего путь будет на 15 миль длиннее. Обычно участники гонки переходят с побережья на лед бухты Нортон на оставшемся участке в 30 миль до Коюка.

Собаки бежали с трудом: лапы скользили по гладкому льду, и это быстро выматывало. Вдруг упряжка залетела в воду – я попал в ловушку, которой так боялся.

– Вперед, мои хорошие! Go-go! – скомандовал я, понуждая собак бежать почти по грудь в ледяной каше.

Упряжка замерла на месте, не реагируя на команды, а потом собаки и вовсе попятились. И тут Канн резко рванул вперед, следом за ним натянули постромки остальные самцы, а самки беспрекословно подчинились им. Я тянул сани вместе с собаками и молил Всевышнего помочь питомцам.

Когда Канн упал, я не удивился – знал, что старый вожак может не выдержать испытания ледяной купелью. Я отнес бесчувственного пса в сани и под бок ему положил в сумку его напарницу Элен. А во главе упряжки поставил Дара с Наташей.

Только через полчаса упряжка выбралась на твердый лед, и тогда я быстро снял с собак ботиночки – пока они не заледенели и не поранили лапы. Однако твердый лед был всего полмили, а затем вновь последовало погружение в ледяную воду…

«Айдитарод» – день четырнадцатый

18 марта 2000 года. Этап Коюк (Koyuk) – Элим (Elim)

На контрольный пункт в поселке Коюк я пришел в **06:00**. Собаки были на пределе. Когда я рассказывал о ночном форсировании ледяной ловушки, на контрольный пункт поступило сообщение: американка, шедшая вслед за ним, сошла с дистанции – ее упряжка отказалась форсировать водную преграду.

«Айдитарод» – день пятнадцатый

19 марта 2000 года. Этап Элим (Elim) – Головин (Golovin)

Добрались до Элима, это маленькая эскимосская деревня. Отсюда до Нома 123 мили, и гонщики обычно тут не останавливаются. Однако я намеревался задержаться, чтобы дать отдых собакам: за время гонки они устали невероятно, исхудали, падали и отказывались идти.

– Нет, двигайся дальше! – показали мне жестами местные жители, а потом один из них объяснил:

– Тебе следует поторопиться, а то не уложишься по времени. Через два дня официальное закрытие гонки.

Головин (Golovin) – 1056 миль от Анкориджа

В Головине встретил Линду. Удивился, что она не торопится и идет почти рядом со мной.

– У меня молодняк, я его тренирую в этой гонке, – как бы прочитала она мои мысли.

Линда находилась в удрученном состоянии. В Головине она встретила своего мужа Дэна и была поражена его изнуренным видом. Линда специально задержалась в Головине, чтобы дать Дэну уйти вперед. Было бы смешно, если бы в Номе они финишировали рядом: Дэн – с отборными собаками фермы, а Линда – с молодняком.

Я шел шестьдесят восьмым. Значит, все трое: Дэн, Триш и Линда – тоже в шестом десятке машеров. Этот десяток был последним. Тринадцать погонщиков уже выбыли из гонки.

Головин (Golovin) – Белая Гора (White Mountain)

Маршрут Головин – Белая Гора пролегал в северо-западном направлении, поворачивал к реке Нудюток и скоро подходил к деревне Белая Гора, примостившейся рядом с холмом.

В этом местечке не только происходила регистрация погонщиков. Это последний перед финишем пункт, где машеры должны простоять обязательные восемь часов.

Разговорился с одним из участников гонки, американцем Эдвардом Трясиной.

– Скажи, Федор, сколько собак ты намерен оставить для финиша?

– Всех, а их у меня сейчас тринадцать.

– А не тяжело ли тащить для них корм? Я беру с собой только необходимый минимум – пять собак, а остальных отправляю.

– Слушай, Эдвард, хочу тебя попросить: уступи мне последнее место.

– Нет, Федор. Я сам хочу прийти последним.

– Тебе нужен всего лишь приз – Красный фонарь, а мне нужно другое. Я, Эдвард, живу по принципу: либо быть первым, либо последним. Я не могу позволить себе быть между…

Я плохо говорил на английском, и растолковать американцу свою жизненную философию было нелегко. Впрочем, даже если бы я хорошо объяснялся на английском, мой собеседник все равно мог бы не понять. И поэтому я поступил проще – сделал деловое предложение:

– Послушай, Эдвард! Если ты уступишь мне последнее место,

то я подарю тебе одну из моих картин. Мои картины есть в коллекциях президентов России и Тайваня, премьер-министра Австралии… Будет и у тебя.

Немного подумав, Эдвард Трясина кивнул в знак согласия.

«Айдитарод» – день шестнадцатый, последний

20 марта 2000 года. Этап Белая Гора (White Mountain) – Сейфти (Safety)

Участники гонки не останавливались надолго в Сейфти, а только регистрировались, брали обязательные для финиша нагрудные значки и оставляли лишний багаж. Но я намеренно задержался – ждал, когда Эдвард Трясина, пришедший в Сейфти после меня, выйдет на финишный этап.

Сидя в доме, где обосновался гоночный комитет, я пил чай и смотрел в окно на своих отдыхающих собак. Снег обильно сыпался на их шерсть. Казалось, что я научился за эти шестнадцать дней читать мысли каждой собаки.

«Они, несомненно, чувствуют завершение длинного и трудного пути. О чем они думают сейчас? Изменились ли они за это время? Изменился ли я сам?»

Да, конечно, и я сам, и мои собаки изменились. Выдержав изнурительный путь, мы победили самих себя, свои физические и моральные недуги. И это самое главное.

«Одиночество»

Финишный этап Сейфти (Safety) – Ном (Nome)

…За несколько миль до Нома гонщиков встречали зрители на снегоходах, а также репортеры и телеоператоры. Почти всегда в воздухе висел вертолет одной из телекомпаний.

Опытные гонщики рассказывали, что последние несколько сот ярдов – это чистый хаос. «У меня было такое чувство, будто я ехала через ураган», – сказала об этом пути одна из участниц гонки Либби Риддлз. Но пришел конец и этому урагану. Наступил момент, когда наконец триумфальная упряжка собак доставила своего благодарного хозяина под арку, где каждый, кто приходит к финишу, одерживает личную победу.

Я бежал со своей упряжкой по улицам Нома и видел, что Канн нервничает. Дорога была усыпана людьми. Впереди ехала полицейская машина с мигалкой. Периодически она издавала звуки сирены, которые беспокоили четвероногих. Следом за упряжкой на мотонартах с видеокамерой ехал оператор Майка Алешина. Он ждал меня на финишной линии.

– Go-go, Fedor! Go-go!

Я пересек финишную черту 20 марта в **15:44**. Путь в 1150 миль одолел за 15 дней 5 часов 44 минуты, придя шестьдесят восьмым из восьмидесяти одного стартовавшего.

Организаторы гонки вручили мне приз – «Красный фонарь». Это традиционная награда последнему гонщику, финишировавшему в отведенное для состязания время.

И еще я установил своеобразный рекорд – стал единственным финишировавшим участником «Айдитарода», который затратил на тренировки всего 3,5 месяца. Американцы делали ставки один против десяти, что я не осилю и половины пути, но я доказал, что могу не только управлять океанской яхтой, подниматься на самые высокие вершины мира и ходить в одиночку на полюсы планеты, но и пройти труднейшую дистанцию на собачьей упряжке.

Глава 4
Одиночная кругосветная гонка Vendée Globe

Перед выходом в океан надо дать себе отчет, где страх и крепко ли мужество. В наши дни люди не отправляются в одиночку на поиски истины, а я отправился. Желающий пахать должен иметь свой плуг.

Федор Конюхов

В ожидании старта

9 ноября 2000 года. Ле-Сабль-д'Олон, портовый город на западе Франции

> **Регата Vendée Globe** считается самой престижной в мире. Начинается и заканчивается она во французском городе Ле-Сабль-д'Олон (Les Sables d'Olonne), столице региона Вандея. После старта участники направляются из Бискайского залива через Атлантический океан на юг, огибают три великих мыса: мыс Доброй Надежды[86], мыс Лувин и мыс Горн, обходя, таким образом, Антарктиду по часовой стрелке. Затем возвращаются водами Атлантики во Францию. Итого ~25 000 морских миль.

07:00. На яхте у меня часы механические – каждый день их завожу. Это ритуал. Не люблю электронные часы. Мне больше нравятся хорошие, большие – механические. А что такое хорошие? Это те, что показывают точное время. Сейчас они показывают семь утра.

11:00. Двадцать четыре яхты, участвующие в одиночной кругосветной гонке Vendée Globe, ожидают старта. Среди них и моя яхта – «Современный гуманитарный университет». Яхты начнут уходить с **12:30.** Я по жребию пойду последним, в **14:30.**

Для меня суть кругосветной гонки под парусами состоит не в том, чтобы обогнать кого-то, ибо яхты заведомо обладают разной скоростью. Моя задача заключается в том, чтобы финишировать. После каждой экспедиции я меняюсь. Каждая экспедиция – на Северный или Южный полюс, восхождение на Эверест или плавание в одиночку вокруг света – обновляет мой дух, но изнашивает тело. С самого детства я иду своей собственной тропой, не зная и не спрашивая никого, была ли это лучшая дорога. Я знаю только одно: это моя дорога. Моя яхта лишь ненадолго оставляет след за кормой, и никто не в силах точно повторить мой путь, потому что он растворился в линии горизонта.

Неужели еще раз увижу себя у мыса Горн?

Неужели моя яхта еще раз замкнет кольцо вокруг земного шара?

Дай Бог дожить до этого времени!

Счастливого пути, мой любимый!

9 ноября 2000 года, Ле-Сабль-д'Олон.

Из записей Ирины Конюховой

11:00. Утро. Порт д'Олон. Двадцать четыре яхты ожидают старта. Среди них яхта моего мужа Федора – «Современный гуманитарный университет». Погода с утра ясная, но небо напряженное. Океан утром был спокойнее обычного, но не настолько спокоен, чтобы надолго затихнуть. И облака на горизонте, и прохладный ветер, и пена волн – все это не позволяет расслабиться.

Я думаю о дороге Федора. Сижу внутри яхты и смотрю на нее. Хочу запомнить каждую деталь, представить, как Федя будет здесь жить почти полгода.

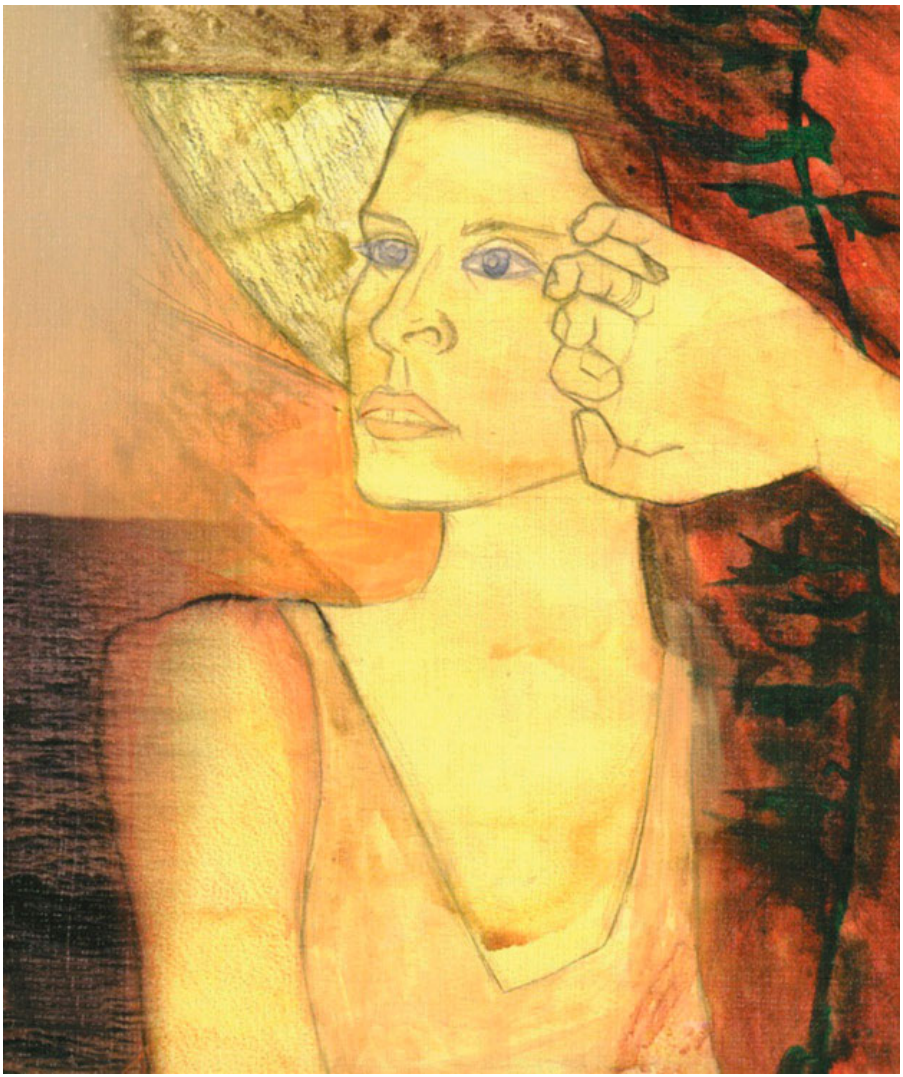
Федор сейчас вешает иконку Николая Чудотворца на руль. Эта металлическая иконка, покрытая соленым налетом, давно путешествует с ним. Она ему все время напоминает о Николае Угоднике, который хранит его.

Счастливого пути, мой любимый!

Первая ночь

10 ноября 2000 года. Бискайский залив
45°27’ с. ш., 03°16’ з. д.

10:45. Прошла первая ночь в море. Было холодно, часто шли шквалы из-под туч. Еще не спал со вчерашнего дня. Ветер не дает расслабиться: заходит то на юг, то на север, и все через запад. Меня прижимает к испанскому берегу – я знал, что Бискайский залив так просто не выпустит.



«Ожидание»

10:55. Впереди по курсу вижу в бинокль две яхты. Но кто это из гонщиков, не различил. Утром звонил в Ле-Сабль-д'Олон, сын Оскар сообщил, что три яхты вернулись в порт с поломками. Регата Vendée Globe – стопроцентная «одиночка», поскольку любая помощь извне означает автоматическую дисквалификацию. В течение гонки яхтсменам запрещено принимать вертолетные передачи, любые информационные радиосообщения (кроме специальных метеосводок), швартоваться в море к другому судну, становиться в док или к причальной стенке (исключение – первые десять дней после старта: только в этот период яхта может быть отремонтирована в порту и снова продолжить гонку). Список же того, что можно, очень лаконичен: можно становиться на якорь, получать по радио консультации медика, вызывать спасателей в случае какого-либо ЧП…

12:30. Я всегда был противником всяческого насилия – и в политической жизни, и в человеческих отношениях. Хочешь или не хочешь того, а в мысли о самом важном вплетаются мысли о суетном, властно-державном, о политике – царстве лжи.

Вся моя жизнь проходит в тоске по иной жизни. Не знаю, где мне лучше – в океане или на берегу. Несовместимость двух стихий! Это мука и трагедия всей моей жизни. Так она и проходит, и осталось ее так мало.

Перечитываю «Северные рассказы» Джека Лондона. Это отвлекает от подсчета, сколько миль надо пройти, чтобы обогнуть земной шар. От этой цифры можно сойти с ума, так что лучше и не считать.

Для мудрости нет предела

12 ноября 2000 года. Бискайский залив
45°30’ с. ш., 08°32’ з. д.

08:30. Ночь была очень сложная, ветер встречный, дождь холодный. Идут пароходы.

11:00. Встает солнце, а над мачтой яхты тучи и идет дождь. Воздух стал теплее, волна подлиннее, а впереди простор. Сегодня я уже третий день в море.

Если путешественник станет оправдываться какими-нибудь обстоятельствами, то значит, он им никогда и не был.

Тот, кто уже имеет ум и разум, может получить мудрость не иначе, как молясь о ней день и ночь, прося ее у Бога. Для ума есть предел, для мудрости нет его.

По профессии я путешественник

13 ноября 2000 года. Северная Атлантика
42°58’ с. ш., 10°19’ з. д.

Слава Богу, выхожу из Бискайского залива. Он меня достал. Знаю, что в океане будет не проще. Но он более благородный, он не бьет исподтишка в спину. Всегда лучше иметь дело с большим, чем с малым. Так же и с людьми.

Встает солнце, а над мачтой яхты тучи и идет дождик. Воздух уже потеплее. Волна подлиннее, впереди простор. Мы с яхтой сейчас проходим мыс Кабо-Вильяно.

Ночь была сложная. Много идет пароходов. Они, как гуси, летят косяком. Суда все идут на Гибралтар[87] из Ла-Манша и наоборот, всем надо пройти три мыса: Кабо-Вильяно,Ториньяна и Финистерре.

11:30. Погода чуть улучшилась. Я смог откачать воду из кормового отсека. Она откуда-то набирается. Пока не нашел течь, но вода прибавляется. Сменил электрический автопилот на гидравлический.

По вере я христианин, а по профессии путешественник. С детства ношу в душе вечное беспокойство, которое гонит на поиски приключений. Я тяготею к тихой, спокойной жизни, но у меня так не получалось. Еще в юности я в дневнике наметил план своей жизни: сколько лет учиться, сколько лет путешествовать, затем заняться искусством, а к семидесяти годам стать деревенским священником. Но это был план теоретический. Я всем, а особенно близким, говорю, что вот это – последняя экспедиция, а затем начну новую жизнь. И так все эти пять лет.

15:20. Из России стоит уезжать навсегда лишь в одном-единственном случае – если у тебя загорелась земля под ногами. В зарубежном коловращении тебе всегда будет отведена второсортная роль: там все сидячие места заняты и ложки расхватаны. Люди столбили и обихаживали свои участки лет двести, а то и подольше. Да, тебе продадут особняк с садом даже по соседству с дворцом короля Испании, но, как ты ни бейся, никто тебя не пустит в совет директоров крупной компании.

18:30. Эти строки пишу после тяжелой дневной работы. Теперь паруса стоят, настроены на попутный ветер. Суп приготовлен, и я наслаждаюсь тем чудным мгновением, который наступает для яхтсмена только раз в сутки, – сидеть и наблюдать закат солнца.

ВЕСТИ: «Первые новости с маршрута кругосветной безостановочной гонки Vendée Globe. 23 из 24 яхт вышли

из Бискайского залива в Атлантику. Англичанин Майк Голдинг сломал мачту. Случилось это в ночь с четверга на пятницу, вращающаяся мачта упала вместе с надеждами главного английского яхтсмена выиграть Vendée Globe.

В первую ночь старта в порт также вернулись еще две яхты: лодка бельгийца Патрика де Радригеса и француза Ролана Жордана.

Российский участник Федор Конюхов также сообщил о первых потерях на яхте “Современный гуманитарный университет”. На мачте сорваны ходовые огни, с кормы сорвало спасательный круг и самое главное – впопыхах забыли положить ложку.

Из технических проблем Федора больше всего беспокоит отсутствие передних парусов. Яхта Федора, построенная 10 лет назад, не прошла новый тест на остойчивость. Первое российское участие в гонке Vendée Globe было на грани срыва: Федор стоял перед дилеммой, идти вне зачета или возвращаться в Москву. Однако в самый последний момент удалось найти выход из ситуации. На киль дополнительно положили 270 кг свинца и облегчили мачту – сняли оба передних паруса: геную (110 м2) – для слабых ветров, салинг (90м2) – для умеренных ветров и закручивающие устройства к ним. На сегодняшний день из передних парусов на закрутке остался только штормовой стаксель, все остальные паруса на карабинах.

Все яхты, участвующие в гонке, оборудованы хотя бы одной закруткой, которая позволяет шкиперу уменьшать парус, не покидая безопасного кокпита. Федору же придется на протяжении всего кругосветного маршрута в 25 000 морских миль при каждом шквале бежать на нос яхты убирать паруса. Российский шкипер считает это ошибкой. Да, судьи добились того, что яхта стала более остойчивая, но увеличился риск для шкипера».

Из телефонного разговора в понедельник, 13 ноября. 01:00 ночи по Москве. «Сейчас в Атлантике идут частые дожди и шквалы, перестегнул-поменял паруса, вымок до нитки, чувствую, что простудился. Как буду работать с парусами в Южном океане? Там на холоде парус превращается в огромный лист фанеры, руки в кровь сотрешь, пока его успокоишь, а если он еще и вывалится за борт, то его уже никогда не вытащишь. Но это еще не страшно, опасно то, что это очень длинная гонка и за пять месяцев работы на баке, особенно в Южном океане, где волны 15 метров и ветер стоит 50–60 узлов, я могу допустить ошибку. За борт смоет все. Или автопилот не справится, яхту положит парусами на воду, надо немедленно травить шкоты,

а я на носу. Пока доберусь до руля, яхту перевернет. Хотел постараться пройти гонку менее чем за 128 дней (рекорд предыдущего шкипера яхты СГУ венгра Нандора Фа в Vendée Globe 1992–1993 годов), но чувствую, что буду идти все шесть месяцев. В целом яхта подготовлена хорошо, после гонки на собачьих упряжках на Аляске чувствую себя в хорошей физической форме. Морально тоже готов – в четвертый раз иду вокруг света».

Нужно жить ради счастья

15 ноября 2000 года. Северная Атлантика
37°56’ с. ш., 13°07’ з. д.

10:30. Только утро, а я уже наработался. До Канарских островов осталось 600 миль. Выхожу на траверз пролива Гибралтар. Сейчас мне помогает Португальское течение[88].

Я сижу в штурманской рубке в глубокой задумчивости. Из-за туч медленно вышла полная луна. Небо сделалось бледно-желтым. Тишина. Слышу только стук своего сердца: в этой тишине оно стучит очень громко. Я понял, что человек должен жить не ради денег, а ради счастья, которое никто не может ни дать, ни купить, ни продать, которого не оплатишь ничем.

В океане нужно сохранять спокойствие

16 ноября 2000 года. Северная Атлантика
35°43’ с. ш., 13°55’ з. д.

Вышел на траверз пролива Гибралтар. Увеличил парусность, поставил полный грот, и стоят два стакселя. Ветер позволяет нести больше парусов, а у меня их нет. Нет из-за того, что гоночный комитет запретил мне брать геную и салинг, а это основные паруса.

09:30. Тесное общение с природой становится для меня потребностью. Если бы меня спросили, когда я начал путешествовать, то я вполне серьезно ответил бы, что это произошло еще там, на берегу Азовского моря, в приазовских степях. Я убегал из дома в лесопосадки, где впервые пытался постичь тайны природы. Книги про путешествия читал запоем, как романы.

Перед восходом солнца здесь, в океане, часто вставало марево. Световые лучи преломлялись в восходящих потоках воздуха, и тогда видимым становился далекий горизонт. А океан и колышущиеся волны, казалось, плясали перед глазами. Да, в наше время люди не отправляются в одиночку на поиски истины, а я отправился. При выходе в океан надо отдавать себе отчет, где страх и крепко ли мужество. Нужно перебороть робость и почуять шторм в океане, а в центре шторма иметь мужество сохранять спокойствие.

Наслаждаюсь безмолвием и покоем

19 ноября 2000 года. Северная Атлантика
28°38’ с. ш., 15°19’ з. д.

04:00. Иду вдоль острова Гран-Канария[89].

07:00. Уже рассвело, но солнце еще пряталось где-то далеко за горизонтом и вода казалось чисто-голубой, без теней. Океан лежал вокруг неуютный и молчаливый, точно в каком-то тяжком раздумье.

Я наслаждался безмолвием и покоем. Это одни из лучших утренних минут на яхте. Чем выше поднимается солнце, тем свежее становится ветер, а океан словно занялся красным пламенем. Что может быть лучше теплой каюты и кружки кофе?!

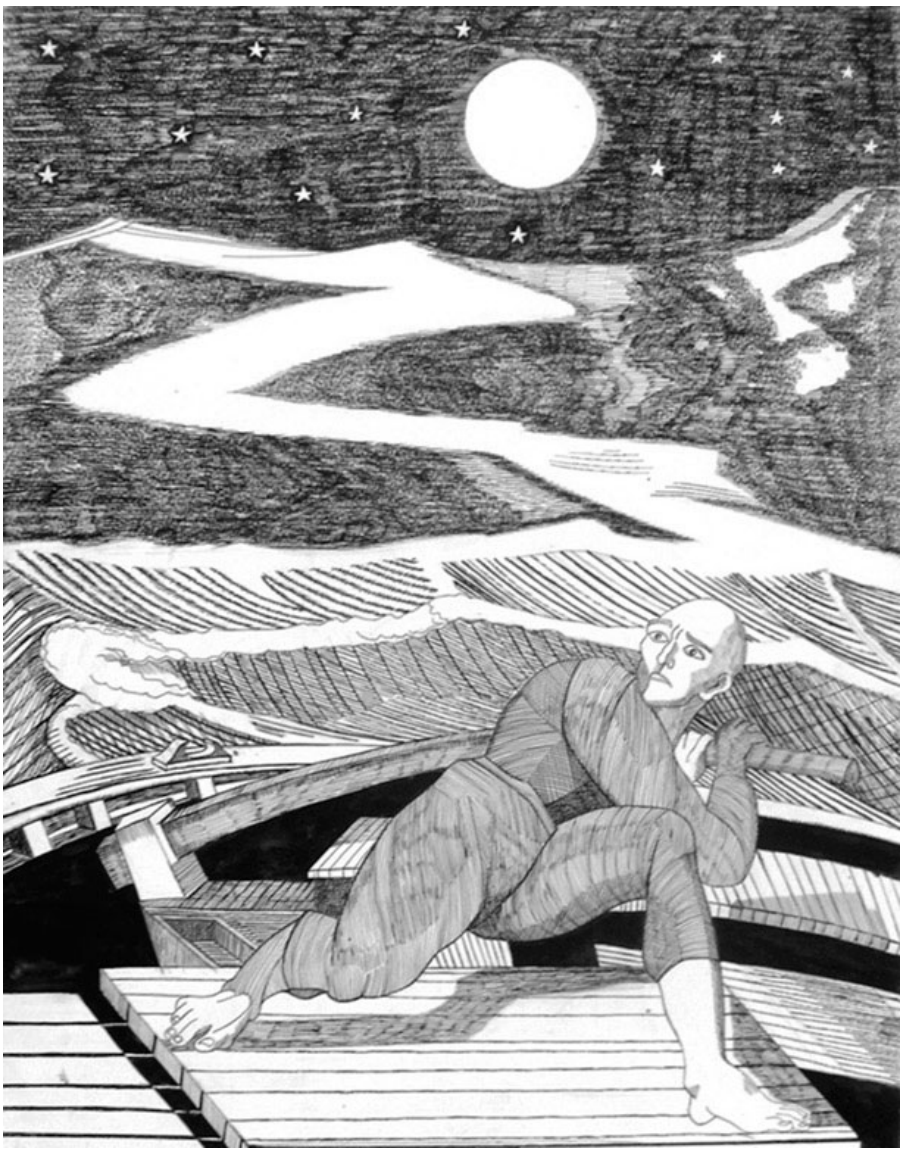
Закончил работу с парусами, поменял галс. Я спустился в каюту и поставил чайник на плиту. На часах семь, на календаре 19 ноября 2000 года. Воскресенье. Можно отдохнуть. Я вытащил из книжного ящика книгу Макса Фриша «Назову себя Гантенбайн»[90]. Завернутая страница напомнила, что следует дочитать до конца.

Открыл люк над головой. В каюту хлынул свежий соленый воздух. Солнечный свет упал на небольшое зеркальце, устроенное справа от камбуза. «Доброе утро», – сказал я своему отражению в зеркале и испугался собственного голоса. Здесь, в океане, нет голосов, есть только звуки. В тишине слышен стук сердца, ход мыслей. Тишина заставляет чаще думать о прошлом, настоящем, будущем. Я терпеть не могу городского шума.

Вдруг стало страшно от мысли, что я один

21 ноября 2000 года. Центральная Атлантика
20°06’ с. ш., 21°00’ з. д.

09:00. Моя яхта пересекла линию Северного тропика. Незаметно рассвело, и тотчас, словно приветствуя солнце, появилась стая дельфинов. Восход солнца отражается на их темных блестящих спинах.



«Лунная дорожка»

Одиночество! Ты начало тревожить не на шутку! Я прекрасно понимаю разницу между одиночеством и изолированностью. В нормальных условиях я всегда могу покончить с изолированностью – достаточно просто выйти на улицу. Изолированность существует только до тех пор, пока ты этого хочешь. Но одиночество, полное одиночество, – оно невыносимо. Горе тому, кто одинок. Мне кажется, что одиночество наваливается на меня со всех сторон. Мое сердце вдруг стало центром притяжения для этого ничто, которое тогда казалось мне всем.

Мне вдруг стало страшно от мысли, что я один. Надел штормовую куртку, вышел в кокпит. Увидел голубоватое небо, немного успокоился. Но оглянулся назад и вновь увидел за кормой пустоту и одиночество. Может, надо увеличить парусность? Яхта ускорит бег, и тогда они отстанут? Я больше двадцати узлов выжимаю из моей старушки яхты, а какую скорость могут выжать пустота и одиночество? Нигде об этом не слышал и не читал.

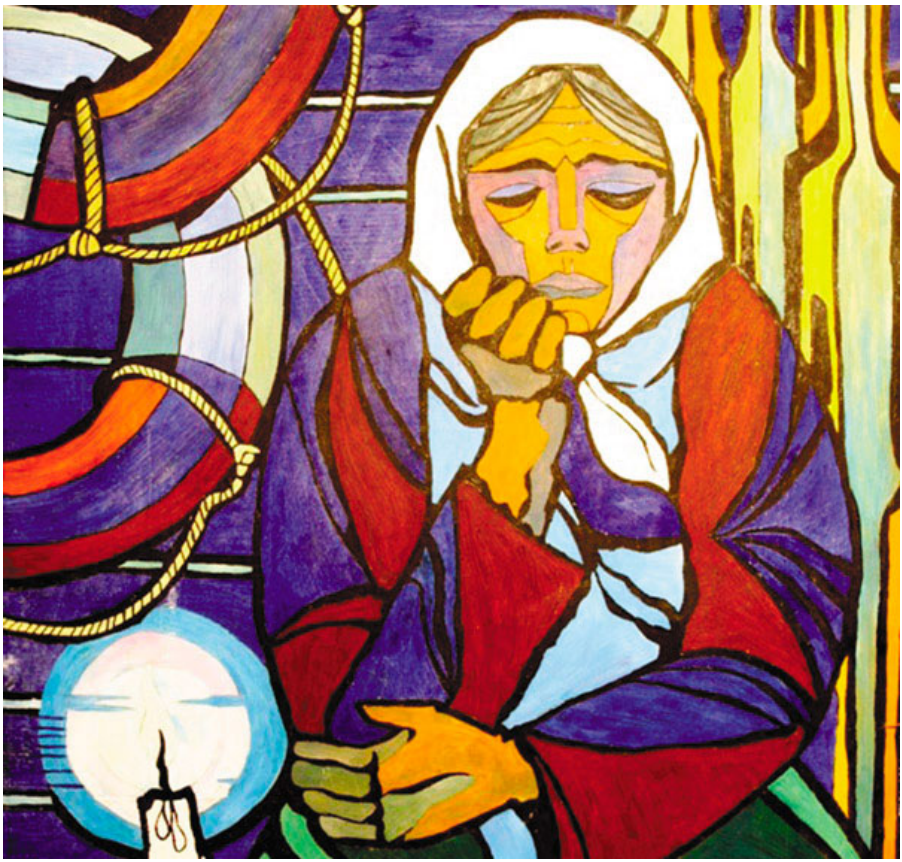
17:30. Поменял галс, иду курсом 250–260 градусов на запад. Надо обойти острова Зеленого Мыса[91]. Никто из гонщиков не пошел западней этих островов, только я рискнул. Мне передали, что лидеры стоят в зоне штилей и только яхта «Кинг Фишер» идет вперед. Она была западней всех. Вот почему я и решил уходить на запад. Не знаю, правильно ли сделал. Время покажет.

Скучаю по земле. Как хочется походить босиком по земле-матушке. Этим летом я наконец-то смог выбраться домой, к себе на родину. На вокзале в Мелитополе нас никто не встречал. Мы дали телеграмму, что приедем в Чкалово на такси. Нам не хотелось беспокоить родителей, ведь поезд Москва – Евпатория проходит через Мелитополь рано утром, в **05:30.**

Вышли из поезда, и я сразу вспомнил, что так было и тридцать лет назад, когда я приезжал на каникулы из Ленинграда, где учился в Арктическом училище. Тот же воздух, пропитанный фруктовыми ароматами, та же суета, хотя день только начинался.

На вокзале в Мелитополе к нам подскочили сразу несколько человек, предлагая купить черешню. В ту пору в наших краях как раз была пора черешни. Еще не пересыпали ягоды из ведра в сумку, как нам предложили свои услуги несколько таксистов-частников. Я назвал село Чкалово и сразу предупредил, что до него 54 километра. «Знаю, знаю, – сказал один таксист. – Это та деревня, откуда наш путешественник Федор Конюхов».

Мы с женой переглянулись и поехали с ним. Он слышал про Конюхова, но в лицо никогда не видел, так что меня не узнал.



«Мама»

Мои мама и папа вышли встречать нас за ворота. Мама – в чистом фартучке, на голове такая же белая косыночка, а папа – в сером костюме, с тремя медалями на груди. Две – «За боевые заслуги» и одна – «За Победу, за Сталина». И первое, что я увидел в глазах отца: он до сих пор солдат, сержант пехоты Советской армии. Несмотря на свои восемьдесят четыре года, отец был еще крепок, в узловатых руках его чувствовалась сила, да и крутые плечи и загорелая, отнюдь не морщинистая шея говорили о крепком здоровье.

За время моего отсутствия произошло много событий. Но хата, в которой я вырос, стояла без изменений и при виде меня как будто заулыбалась.

Из всех книг читаю только Библию

25 ноября 2000 года. Центральная Атлантика
13˚32’ с. ш., 26˚26’ з. д.

Далеко за кормой остались острова Зеленого Мыса. Утро пасмурное. Небо затянуто тонкой пеленой, волны хаотичные. Глубина под килем яхты 4894 метра.

Сколько всего тащит на себе моя яхта! Только книг одних сотни полторы. Они везде, набиты даже в ящиках с продуктами: книги по естественной истории, биологические трактаты, сочинения по архитектуре и множество тетрадей с заметками. Из всех книг читаю только Библию, потому что это книга книг. Она многому может научить. А еще на яхте есть самое дорогое – горшочек с живым цветочком, его мне подарила Иринушка. В этом цветке есть все: и доброта, и нежность моей жены.

Отшельническая жизнь научила меня довольствоваться малым. Здесь, в океане, жизнь сурова – ни вина, ни прикрас, но зато ее озаряет свет вечности. Ночи Москвы, огни больших городов, сияние бриллиантов в витринах ювелирных магазинов – все меркнет перед этим извечным вселенским светом.

Я счастлив быть свободным

27 ноября 2000 года. Центральная Атлантика
07°18’ с. ш., 26°41’ з. д.

Дождь идет, то усиливается, то стихает. Но здесь, возле экватора, это обычная погода. Меня разбудили хлопающие паруса, когда мне наконец удалось задремать.

Вид океана вполне соответствовал моему настроению. Низкие тучи утюжили горизонт, над водой стелилась невесомая серая мгла. Вот уже четвертый раз я плыву вокруг света, сорок девять лет я странствую по Земле, ища приют. Я безмерно счастлив, что Господь Бог мне это позволяет – быть свободным. Вот уже тысячи лет человек живет в рабстве всех сортов. Он забыл вкус свободы. Он забыл красоту ответственности.

Птичка поет

30 ноября 2000 года. Центральная Атлантика
00°44’ с. ш., 28°34’ з. д.

«Великое движется без конца, бесконечное не достигнет предела»[92].

Если Богу будет угодно, то через 48 миль (то есть при такой скорости, как сейчас, 6–7 узлов, часов через семь) корпус моей яхты пересечет линию экватора и мы очутимся в Южной Атлантике.

Прошло еще только двадцать пять дней гонки, а уже сошли с дистанции четыре яхты. И какие яхты, какие моряки! Я следил по компьютеру и думал: зачем так спешить?!

10:30. Сегодня был восхитительный восход солнца. Прекратив работу с парусами, я стоял в кокпите, любуясь, как солнце всходило из огненно-пурпурных облаков.

Прилетела птичка и села на перила, которые идут через крышу рубки. Маленькая, коричневая, похожая на певчего воробья, может, он это и есть. Умостилась поудобней и тихо запела. Мне показалось, что я уже слышал такое пение. В детстве, наверное. Снова и снова пела она свою нежную песенку. Не знаю почему, но вдруг по щекам у меня потекли слезы. Я был взволнован этой песней до глубины души. Лег в кокпит, вытянувшись на спине, и смотрел вверх. Огромные облака, словно высеченные из белого камня, плавно бежали над мачтой яхты, время от времени заслоняя лазурь неба. Порой они сталкивались бесшумно, потом расходились в стороны, и тогда открывалась бездонная синева.

Когда птичка улетела, оставив меня снова в одиночестве, я загоревал, словно потерял близкого друга.

Безбилетный пассажир

1 декабря 2000 года. Центральная Атлантика
02˚00’ ю. ш., 29˚17’ з. д.

Первый день встречал рассвет в Южной Атлантике. Всю ночь на яхте был пассажир. С вечера села на левую кормовую стойку птичка, морская птичка – небольшая, с голубя величиной, серая. Носик тоненький и длинный. И так всю ночь ехала бесплатно. А на рассвете я уснул, а когда проснулся, ее уже не было.

14:00. Под килем яхты Бразильская котловина, глубина 5038 метров. Солнце зажгло золотистые пятна на облаках, украсило багрянцем края туч над западным горизонтом.

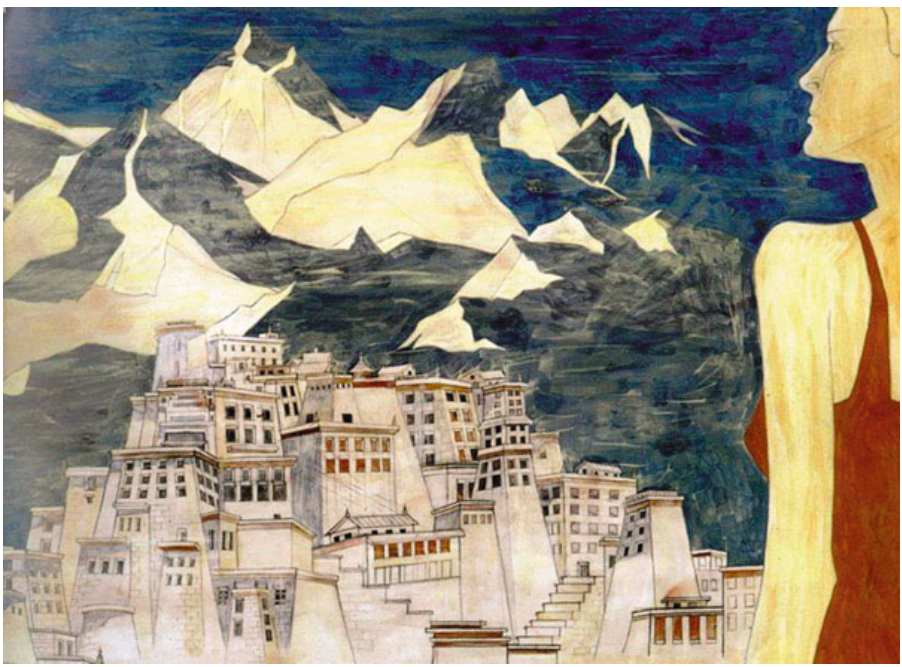
Жизнь путешественника чревата опасностями. Путешествие – это колодец глубины несказанной. Не вернее ли будет назвать его просто бездонным? Да, именно «снова и снова» я ухожу в экспедиции с надеждой, что после этого путешествия обрету истину. Как порой не можешь остановиться, шагая по берегу моря, потому что за каждой песчаной косой, к которой ты держишь путь, тебя влекут к себе новые далекие мысы.

Колокольный звон

5 декабря 2000 года. Южная Атлантика
16°43’ ю. ш., 28°19’ з. д.

18:30. Налетел холодный ливень. Океан стал неуютный.

Я часто вспоминаю счастливые дни в Швейцарии. Вот мы с женой сидим у обрыва Соборной горы и смотрим на лежащий внизу город Фрибур. Каждый час на колокольне звонит колокол, и с последним ударом грустный и нежный стон долго реет в тихом воздухе, то угасая, то наплывая мягкими волнами. Этот звук навевает чувство необыкновенной радости, смешанное и с неопределенной грустью, и с нежностью. «Господи, как хорошо!» – негромко говорит жена.



«Мой мир»

Я ухожу в плавание ради познания мира

8 декабря 2000 года. Южная Атлантика
23°50’ ю. ш., 23°31’ з. д.

Второй день ветра нет. Яхта идет всего 3 узла. На палубе утренняя роса, это значит, что день будет жаркий и безветренный. Плавание в одиночку не оставляет много свободного времени. На яхте всегда находится неотложная работа. Страдаю я только от недосыпания, но это удел всех яхтсменов-одиночек.

Мне доставляет удовольствие так близко наблюдать за жизнью океана. Моя жизнь за этот месяц вошла в привычную колею. Через год мне будет пятьдесят лет. Первый раз в море я ушел в пятнадцать лет, да так и остался верен морю на всю жизнь. И вот я в четвертый раз иду вокруг света. Я всегда уходил в плавание не ради того, чтоб добиться какого-то рекордного результата, а ради познания неведомого мира.

Время течет, завтра, 9 декабря, будет месяц, как я в пути. За эти тридцать дней моя яхточка прошла 6615 миль. Для нас с яхтой этих миль достаточно. Неожиданно рядом с яхтой выпрыгнул огромный кит, который вскоре степенно удалился. Как только мы преодолеем эту зону штилей, мы выйдем в «ревущие сороковые», опоясывающие Южное полушарие в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах. Это районы постоянных штормов, туманов и довольно плохой погоды. Вот уже два дня яхта в плену у штиля, сколько же протянется этот штиль?

Я ни с кем не соревнуюсь

9 декабря 2000 года. Южная Атлантика
25˚20’ ю. ш., 22˚28’ з. д.

09:00. Небо затянуто тонкими тучами. Это говорит о том, что ветра сегодня тоже не будет. Значит, Богу угодно, чтобы я больше был в океане. А и правда, куда мне спешить? Мы все время спешим.

09:20. Получил письмо от Оскара, узнал, что я иду самый последний и намного отстаю от предпоследней группы гонщиков. Я сожалею, но это не важно. Я ни с кем не соревнуюсь. Это плавание я готовил для себя, а не для других. Потому что так уж я устроен, я – эгоист. Рак-отшельник любит раковину именно под свой рост, потому что хорошо знает, кто он таков. Так и у меня: моя яхта подходит только мне. Она не любит скорость, не терпит суеты. И мы с ней сдружились.

Я имею смутное представление о правилах гонки: я их не читал. Моя цель – плыть на яхте, а мое желание – странствовать по океану в одиночку. Какое счастье чувствовать себя вольной птицей!

Дедушка научил меня вести дневник

11 декабря 2000 года. Южная Атлантика
28°40’ ю. ш., 19°14’ з. д.

09:00. Я не писатель, никогда им не был и не буду. В экспедициях я просто веду дневник. Меня научил этому еще мой дедушка Михаил, когда я только научился писать в восемь лет. Он всегда просил, чтобы я вечером в тетрадке написал все, что видел, с кем и с чем встречался днем. Дедушка был парализован, не мог ходить и даже сидеть – все время лежал на лавке возле окна. Ему было интересно читать мои записи. Через мой детский мир, через мои глаза он, наверное, сам бывал в том мире, где я бегал босиком.

Я писал у керосиновой лампы – в нашей деревне не было электрического света. Писал, сколько крольчиха принесла крольчат, какие голуби летают выше других, когда поспел виноград и так далее. А если увиденное не мог выразить словом, то делал зарисовки – мои детские дневники были с иллюстрациями. Дедушка любил их рассматривать.

Восемь лет дедушка лежал без движения. За ним ухаживали все по очереди – и мама, и папа, и бабушка Марфа. Приходили его дочки – тетя Соня, тетя Хима и тетя Варя. Как-то я услышал, что взрослые обсуждают, как тяжело ухаживать за больным. Я по наивности пошел к дедушке, сел у него на краешке лавки и все ему пересказал. Дедушка не удивился, он знал, что для всех он в тягость и его смерть всем развязала бы руки. Но он сказал: «Внучок, я молю Бога, чтобы он дал мне прожить больше лет. Сколько я проживу, столько же и ты будешь жить». И дрожащими руками снял со своей шеи маленький серебряный крестик. Я его никогда не видел, потому что длинная борода закрывала грудь дедушки, а крестик был под бородой. И этот крестик дедушка повесил на мою тонкую загорелую шею. Он до сих пор у меня на шее.

Везде нужен труд

12 декабря 2000 года. Южная Атлантика
29°51’ ю. ш., 18°37’ з. д.

Господи, спасибо, что Ты дал мне прожить вот уже сорок девять лет. Как-то один мой давний знакомый с усмешкой сказал, что не верит ни в какого Бога – и вот живой и здоровый и даже на два года старше меня.

Я промолчал, но подумал: «Да, ты прожил больше на два года, а что ты сделал? Один раз прошел на яхте вокруг света – и все. Да, это хорошо. Да, это немало для человека – один раз обойти вокруг света. Когда ты совершишь столько экспедиций, сколько я, то ты будешь еще больше, чем я, верующим. Но только жаль, что тебе уже не хватит времени жизненного, чтобы это сделать».

«Капитан корабля»

08:00. Океан залит солнцем, и жара, как в пекле. Работать на палубе очень тяжело, я на пределе сил. Прохлада только ночью. Но я всегда жду с нетерпением рассвет. Мне нужен свет, чтобы рисовать: я сейчас работаю над портретом, а вернее, над образом Тосканелли Паоло даль Поццо (1397–1482). Это флорентийский математик и астроном, выдвинувший гипотезу о сферообразной форме Земли и изложивший ее в письме к Колумбу 25 июня 1477 года.

16:30. 30°41’ ю. ш., 18°27’ з. д. Получил по компьютеру

от Оскара сообщение, что впереди по моему курсу англичанин Джош Холл увидел большой айсберг. Длина примерно в полмили и высота 250 метров. Мысли об айсбергах не дают покоя, от них голова идет кругом и прошибает холодный пот.

Мозоли на душе

14 декабря 2000 года. Южная Атлантика

08:15. Это безветрие порождает во мне самые мрачные мысли. Несмотря ни на что работаю. С увлечением делаю иллюстрации к Лао-цзы. Однако порой чувствую, что мрачный настрой отражается на моих картинах. Как ни горько сознавать, но я вконец одичал от своих экспедиций и такой жизни. А когда возвращаюсь в Россию, в общество друзей, живущих в Москве, меня в последнее время все раздражает. Не могу ходить даже на выставки художников, а тем более в музеи.

Кто я такой? Человек, который навеки соединил свою судьбу со скитанием по миру и одиночеством. Эта судьба наложила отпечаток на мое бренное тело. Но мозоли от шкотов, лыжных палок или ледоруба появились не только на руках, но и на душе. Но я себе противоречу. Мне же это нравится. Я живу достойной жизнью путешественника и художника. Я не хочу никому дать повод меня разделить, взять в рамки. Одна рамка – художник, другая – путешественник. Мне надо доказать всем, что я – неразрывный. А то ведь часто приходится слышать: «Ты же путешественник, что лезешь в искусство?» Или наоборот: «Если бы ты не путешествовал, то был бы хорошим художником».

19:30. Ветра нет, а вот всего остального полно. Прошел через стадо китов. Вернее, яхта проползла, так как скорость – 2–3 узла. Киты были везде: и справа, и слева, и по корме, и прямо по курсу. Все одной породы – голубой кит. Один прошел совсем близко от яхты. Я рассмотрел, что у него на спине несколько буев и обрывок толстой сети. Затем за кормой часа два шла акула – небольшая, метра полтора. Проплыли две черепахи, очень старые – на панцире растут ракушки и водоросли.

В этом районе много медуз, особенно португальских корабликов. Это очень ядовитая медуза. Она небольшая, ее плавник поднят над водой, как парус, и за счет этого паруса она и плывет. У нее очень длинные щупальца – до 20 метров. Если притронуться к щупальцам, то тебя как током ударит и на теле останется ожог.

Туман

18 декабря 2000 года. Южная Атлантика

09:20. Ветер NW[93] до 30 узлов. Туман. Ничего не видно. Его не сравнить с туманом на берегу. Здесь он очень густой и сырой – все от него мокрое, а сырость липкая, скользкая. У меня не хватит эпитетов выразить, что же это такое – туман в Южном океане.

А время бежит, и моя яхта выходит на прямую, чтобы идти все время на восток. И если Богу будет угодно, то мы на скорости влетим в XXI век. Я еще в детстве подумывал, как буду встречать XXI век. Мне тогда казалось, что я буду слишком старый и встречать буду в кругу друзей и семьи. А выходит наоборот.

Только сейчас, находясь в четвертый раз в кругосветном плавании, я начинаю осмысливать пространство. Человеку нужно время, нельзя торопиться и не следует уповать на совершенство техники. Куда плыть, моя яхта знает, и если я ей не помешаю, то она меня доставит к финишу. И тогда я с гордостью скажу, что участвовал в гонке в компании восхитительных сумасшедших, таких как Колумб, Магеллан. Ведь они тоже были сумасшедшие.

10:45. Туман в мгновение ока растаял, как кусочек сахара, брошенный в горячий чай.

Здесь – космос, здесь – жизнь

21 декабря 2000 года. Южная Атлантика

09:30. Ветер западный, 28 узлов. Яхта идет 10 узлов. Туман и мелкий дождь. Ночью по компьютеру получил от Оскара прогноз погоды: идет шторм широким фронтом – от 40° до 58° южной широты. Я думаю, что он нас зацепит только крылом. Также получил сообщение, что Ив Парле[94] сломал мачту в центре Индийского океана. Да, Иву не везет: в прошлой Vendée Globe срезал перо руля, в гонке через Атлантику этим летом сломал мачту, и вот сейчас опять. Меня это не удивляет, здесь такое может произойти очень легко: чуть прозевал – получил аварию.

Уже ночь. Получил от Оскара письмо, что испанец Жавье Сансо во что-то врезался и срезал перо руля. Идет в Австралию. Я думаю, что он наехал на кита или на осколок айсберга. Еще Оскар передал, что там, в России, меня признали человеком года за мужество, проявленное в экспедициях. Здесь я так далек от наград и орденов. Отсюда все это кажется такой мелочью. Здесь – космос, здесь – жизнь. В полную силу и живешь только мгновением. Как сейчас, когда яхта несется на большой скорости.

Талант?

26 декабря 2000 года. Южная Атлантика

09:00. Ветер чуть-чуть упал, но большая волна осталась, яхту бросает с борта на борт. Три дня ничего не готовил горячего, только открываю консервы. В желудке уже все горит от концентратов. Но спасибо Богу, что жив да вот сейчас умудряюсь согреть себе кофе. Без кофе плохо, голова болит. А что сделаешь? Здесь, в океане, за здоровьем некогда следить.

Ночь прошла, а я еще ни разу не уснул и не знаю, смогу ли днем поспать. Погода вряд ли позволит.

Там, на суше, а особенно в Приморском крае, где я раньше жил, ко мне часто приходили, приезжали молодые люди, и все хотели путешествовать. Кто-то просился со мной в экспедицию, а кто-то спрашивал, как стать путешественником. Я же тогда обычно задаю вопрос: «А почему вы не хотите стать поэтом, настоящим поэтом?» Обычно на это мне отвечают, что не умеют писать стихи. Тогда я спрашиваю: «А художником или композитором?» И снова ответ, что нет таланта. Тогда я спрашиваю: «А есть ли у тебя талант путешественника?»

Тот, кому я задаю вопрос, обычно сначала молчит, а потом говорит: «Ну ты же стал путешественником, и я хочу».

И так происходит со всеми, кто приходит ко мне. Никто даже в мыслях не держит, что путешественником можно стать, только если у тебя есть на это талант и предназначение.

Последний день уходящего века

31 декабря 2000 года. Индийский океан

Господи, благослови на сегодняшний день! На последний день уходящего XX столетия.

В первом кругосветном плавании на яхте «Караана» 31 декабря 1990 года я проходил мыс Горн, а 1 января 1991 года вышел в Атлантический океан. На яхте «Формоза» 1994 год встретил на подходе к острову Сент-Люсия в Карибском море. А в 1998 году 31 декабря я проходил остров Кергелен[95] на этой же яхте. И вот сейчас, дай Бог, если все будет хорошо, то к вечеру буду проходить острова Принс-Эдуард[96].

Получил по компьютеру поздравление от жены. Она пишет, что в 2000 году мы были вместе всего три месяца, и надеется, что в 2001 году мы будем больше вдвоем.

От сына Оскара тоже получил поздравление. Он также сообщил, что француз Тьерри Дюбуа зашел в Новую Зеландию на ремонт: у него полетели автопилоты и дизель-генератор. Также в Новую Зеландию идет на ремонт, за мачтой, француз Ив Парле. Испанец Жавье Сансо, срезавший перья руля при столкновении с китом, идет в Австралию, в порт Перт. В гонке осталось шестнадцать яхт, а восемь выбыли.

Яхтсменами становятся у мыса Горн

1 января 2001 года. Индийский океан

05:40. Уже рассвело. Ветер зашел ровно на юг и слабо, до 6 узлов, дует из Антарктиды. Очень холодно, даже морозно.

10:00. Идет мелкий дождь, над океаном висит туман.

Помню, как в 1990 году вошел на яхте «Караана» в «ревущие сороковые». Признаюсь, я тогда растерялся, не понял ничего. Мне стало страшно. Хотя до этого я участвовал пять раз в Кубке Балтики, прошел через Онежское и Ладожское озера. Ходил два раза из Архангельска в Мурманск и обратно. На Дальнем Востоке семь лет подряд ходил каждое лето на яхте путем Витуса Беринга[97] и Невельского[98]. В начале лета выходили с друзьями из Владивостока и шли на Чукотку, Командорские острова[99], Петропавловск-Камчатский… И только в сентябре я возвращался во Владивосток. В среднем по три тысячи миль под парусами каждый парусный сезон. Мне казалось, что я знаю океан, море, яхту.

Но нет, настоящий океан – это Южный[100]. Яхтсменами становятся у мыса Горн.

СВ. АНГЕЛ ХРАНИТЕЛЬ
МЫС ГОРН

Сегодня Рождество

7 января 2001 года. Индийский океан

Сегодня Рождество Христово. Я благодарен Господу Богу, что он дал мне сорок девять лет встречать этот святой праздник, а скольких моих друзей уже нет на этом свете.

Ветер за ночь стих до 20 узлов, дует ровно с запада. Я иду курсом 69°, немного на север. По прямой на 90° нельзя, так как грот перебрасывает, а идти на юг тоже нельзя – там остров Кергелен, и я в него упрусь. Пройду на север немного, а там поменяю галс с таким расчетом, чтобы остров Кергелен оставить справа по борту.

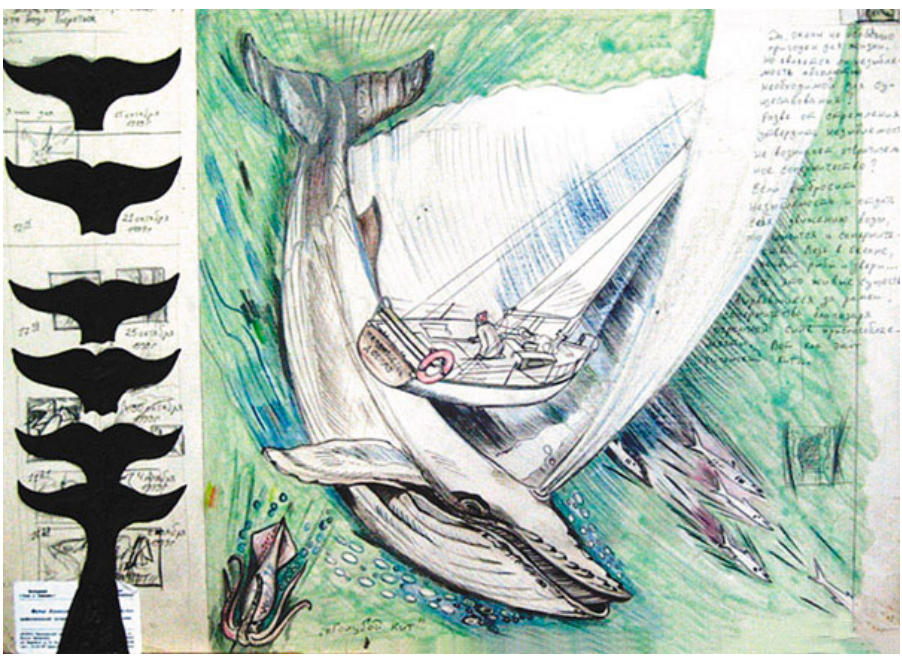
03:45. Сейчас в России звонят колокола. Даже сюда долетает их звон.

Орка

12 января 2001 года. Индийский океан

17:00. День идет к вечеру, солнца не видно из-за сплошных туч. Рядом с яхтой уже несколько часов идет косатка-самец. У него великолепный спинной плавник высотой 150 сантиметров, а за плавником – серое седло (у самок спинной плавник значительно короче и закругленный). Массивное тело то показывается из воды, то стремительно исчезает. Порой косатка почти полностью выскакивает из воды, а когда, ныряя, выставляет из воды хвост, то можно увидеть мощные мышцы массивного ствола-хвоста. Да, это животное производит впечатление. Косатку еще называют «орка», она относится к зубатым китам.

Идет проливной холодный дождь. В такую погоду хорошо сидеть в каюте, пить горячий чай и приобретать опыт молчания. Когда человек говорит, ему требуется действие. Я стараюсь молчать – это спасает меня от одиночества.



«Голубой кит»

На душе серо

13 января 2001 года. Индийский океан
47°50’ ю. ш., 89°50’ в. д.

14:00. Поменял галс. Иду курсом 90°. Очень хорошо. Туман и мелкий дождь. Все серое, на душе тоже серо. Почему – не знаю.

Может, надоело есть консервы, от них изжога. Может, надоело пить кофе, от него во рту горечь, но без него спать хочется, а нужно спать урывками. В среднем по три-четыре часа за сутки, а с месяцами все накопилось. Да, я в жизни мало спал. В детстве коров пас, в четыре утра уже надо было вставать.

Чай бы попить. Но у меня нет настоящего чая, только в пакетиках. Глаза бы мои не смотрели на эти пакетики.

А может, мне надоело смотреть на серый океан? Сейчас даже нет моих друзей альбатросов. Когда они рядом, можно с ними поболтать, посмеяться, посмотреть на живое существо. А их нет, и это плохо, очень плохо. Ну когда же они прилетят? Неужели и они покинули меня? Мне не хочется в это верить, но наяву так все пусто, просто пустота.

Спаси и сохрани!

15 января 2001 года. Индийский океан
50°42’ ю. ш., 98°54’ в. д.

10:00. Господи, благослови и сохрани! Меня сильно прихватило, и есть поломки на яхте.

На палубе мороз

16 января 2001 года. Индийский океан
50°30’ ю. ш., 102°23’ в. д.

05:00. Я уже наработался, сейчас отдыхаю и греюсь. На палубе мороз. Бутылка с пресной водой лежала в кокпите. Замерзла, сделалась шуга[101].

09:30. Навел порядок на палубе. Сейчас буду пить чай и немного отдохну. Если смогу, то усну. Сегодня целый день идут шквалы, а вместе со шквалами идет снег. Холодно.

17:00. Получил от Оскара прогноз погоды. В моих широтах шторм. Я спокоен. У меня стоят штормовые паруса, а я занят рисованием. У меня свои проблемы. Я задумал композицию из Библии о пророке Захарии.

Мной овладела меланхолия

17 января 2001 года. Индийский океан
49°43’ ю. ш., 107°20’ в. д.

07:00. Утро. Светит солнце. Ветер – 30–35 узлов. Обычная погода для Южного океана.

В последнее время мной овладела странная форма меланхолии. Живя в полном отрыве от мира, все окружающее я воспринимаю в иной, видоизмененной форме. Ничего меня более не занимает, не печалит и не радует. Я перестал даже рисовать. Подолгу смотрю на океан, но не испытываю при этом никаких чувств. Я перестал понимать суть даже собственных мыслей. Я бываю счастливым только во сне, когда мне снится Иринушка.

Здесь, в океане, я преждевременно состарился. Каждую минуту я одерживаю очередную победу над смертью. Она так и норовит перевернуть, разбить, разломать мою яхту. Но яхта пока никогда не уступала смерти.

Восход солнца застал мою яхту, когда она пересекала долготу мыса Лувин.

Моя любимая Иринушка, я слишком долго нахожусь вдали от тебя. Но эта «далекость» как очки для меня. Хотя ты и не видишь меня, я могу видеть тебя. В звездах над моей яхтой я угадываю твои глаза. В тучах, догоняющих меня, я узнаю твои волосы. Цвет океана напоминает мне о твоей глубине и доброте твоего сердца. У меня сильное ощущение, что, хотя ты и не присутствуешь здесь на яхте физически, я чувствую тебя в воздухе. Я чувствую тебя еще ближе, чем ты там, на земле. Ты присутствуешь в моих мыслях, в моих медитациях. Запомни, ты присутствуешь больше, чем позволяет физическое присутствие.

Ну вот хорошо, еще один мыс прошли. Может, с Божьей помощью и до мыса Горн дойдем.

Большая сильная попутная волна подгоняла мою яхту на восток.

Ветер усиливается

18 января 2001 года. Индийский океан
50°17’ ю. ш., 113°14’ в. д.

08:00. Выходить из каюты не хочется. Очень уж холодно на палубе. Ветер усиливается, даже дышать трудно.

23:00. Ветер идет по кругу, заходит с юга через восток на север, проходит через мой курс. Руки замерзли, плохо писать.

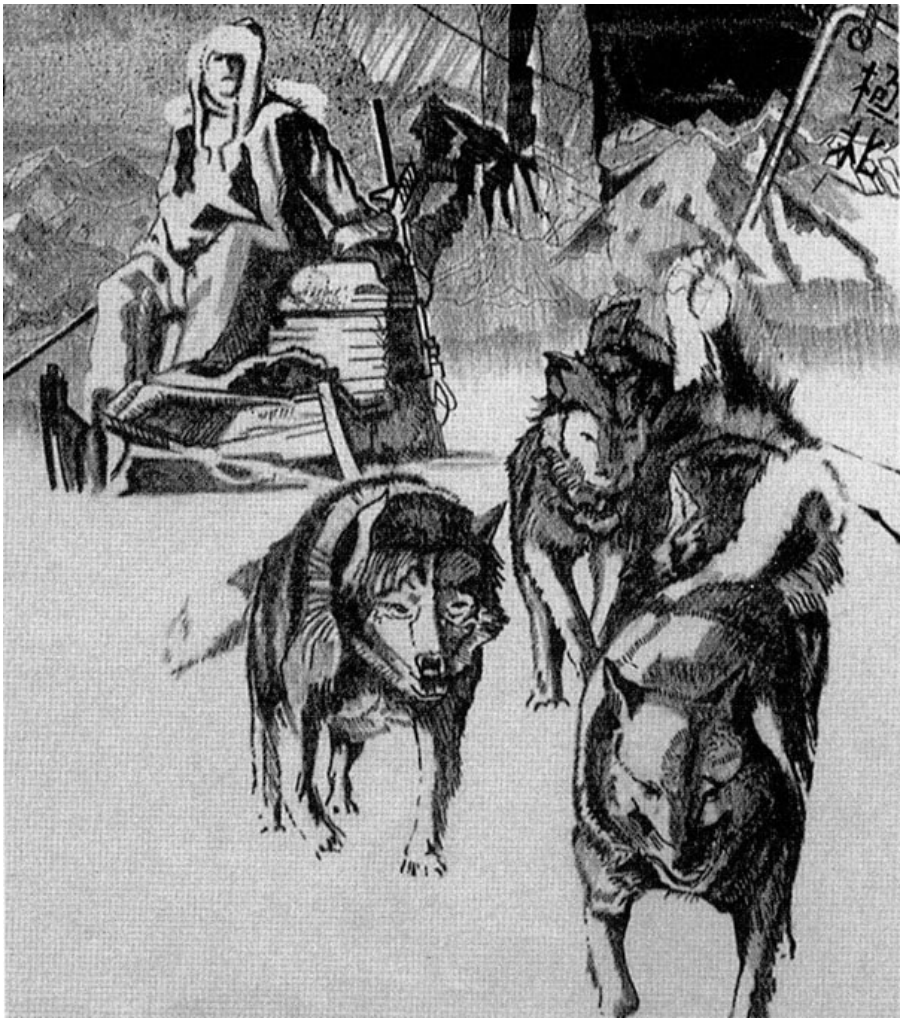
По стопам Криса Бонингтона [102]

19 января 2001 года. Индийский океан
50°54’ ю. ш., 116°39’ в. д.

Господи, благослови на сегодняшний день! А он будет тяжелый. Я вижу по поведению океана. Стоит болтанка. За ночь ветер зашел и сейчас дует с юго-запада, а волны – большая зыбь. Осталось идти с северо-востока.

Ветер толкает яхту вперед, а волны отбрасывают ее назад. Стоит толчея, ломает яхту. Ни в каюте, ни на палубе не устоять и не усидеть. Океан затянут мокрым липким туманом. Холодно. До металлических предметов голой рукой нельзя дотрагиваться. Обжигает.

Я читаю книгу Криса Бонингтона «В поисках приключений»[103]. Она у меня с 1987 года. Вожу ее везде с собой. Тогда у меня был из больших экспедиций только полюс относительной недоступности. Мы дошли до него на лыжах в полярную ночь 1986 года.



«Последний путь»

Я вспоминаю, как в этой книге читал об одиночном походе на собачьей упряжке Наоми Уэмуры. Я ему завидовал. И хотел также дойти до полюса в одиночку. И моя мечта сбылась. 9 мая 1990 года я один стоял на географическом Северном полюсе. Я все чаще и чаще перечитывал в этой книге раздел про мореплавателей.

Кругосветным плавание считается тогда, когда ты замкнул круг в 360° и в одном месте пересек экватор. Я это сделал и вернулся в порт Джексон города Сидней 8 июня 1991 года. И этот раздел в книге Бонингтона я одолел.

Затем начал читать и собирать материал о восходителях в горы. И уже в марте 1992 года мы с моим другом Женей Виноградским, альпинистом из Екатеринбурга, вылетели в Непал

для восхождения на Эверест.

И нам повезло. 14 мая 1992 года мы стояли на Эвересте – высочайшей вершине мира. Это было восхождение на пределе моих, да и вообще человеческих возможностей. Только благодаря Господу Богу мы остались живы. После Эвереста я отложил эту книгу. Все, что в ней описывал Крис Бонингтон, я прошел.

Хотя нет, неправда. Был еще один полюс – Южный. Я к нему долго шел в смысле подготовки. В Антарктиду попасть слишком сложно, а вернее, дорого. И я только в 1995 году, вернувшись из второго кругосветного плавания на яхте «Формоза», сумел найти деньги, чтобы вылететь в Антарктиду для похода на лыжах в одиночку без промежуточных лагерей от бухты Геркулес[104] до Южного полюса. Я прошел этот путь за 59 дней.

09:00. Шторм. Ветер – 50 узлов. Очень холодный и с порывами. Стоят два штормовых стакселя и маленький кусочек грота чуть приподнят. Плохо, что у грота всего три рифа. Было бы четыре, и тогда яхта устойчивей была бы.

Я жив только благодаря чуду

20 января 2001 года. Индийский океан
50°51’ ю. ш., 121°59’ в. д.

Я живой только благодаря чуду. Только Бог помог, и я остался жив. Все шло к тому, чтобы яхта перевернулась.

05:00. Что за напасть! Барометр снова падает к шторму. Ветер северо-западный не дает идти в Австралию, уносит в Антарктиду.

Идут шторма

21 января 2001 года. Индийский океан
49°54’ ю. ш., 126°42’ в. д.

09:00. Один за одним идут шторма. Снова шторм в 50 узлов, а это значит – с порывами все 60 узлов.

На западе снова тучи

22 января 2001 года. Индийский океан
49°15’ ю. ш., 128°14’ в. д.

07:00. Утро. Вышло солнышко. Океан после шторма успокаивается. Но на западе темные тучи. Если сегодня будет без дождя, надо заштопать грот, хотя бы верхнюю полку. Без грота тяжело идти. После Тасмании к Сиднею на север надо идти против ветра. Сейчас здесь лето, и ветер дует с экватора на север.

09:00. Погода меняется. С запада ползут свинцовые тучи. Небо стало грязно-серым. Надо ожидать нового шторма.

Я выхожу из гонки

23 января 2001 года. Индийский океан
47°10’ ю. ш., 131°20’ в. д.

07:30. Сегодня день солнечный. По небу идут свинцовые тучи, но солнышко светит хорошо. Всю чашу ужаса океана я испил ночью.

ВЕСТИ: «Согласно письменному заявлению, полученному с борта яхты “Современный гуманитарный университет” по каналам системы Inmarsat-C, “по состоянию здоровья и из-за технических проблем” единственный российский участник кругосветной парусной гонки Vendée Globe 2000–2001 Федор Конюхов принял решение сделать заход в порт Сидней. По условиям регаты это означает выход из состава участников. Таким образом, завершилась первая попытка российских яхтсменов пройти “Великую классику” – безостановочную гонку Vendée Globe.

Сейчас яхта “Современный гуманитарный университет” находится в 1000 миль от Сиднея. После 10 000 миль, пройденных без особых трудностей, на Федора обрушился буквально поток проблем в самом центре Индийского океана. Все произошло достаточно быстро по меркам кругосветных регат. В воскресенье, 14 января, яхта “Современный гуманитарный университет” попала в шторм со средней скоростью ветра в 60 узлов. Для яхт, участвующих в Vendée Globe, это не опасные условия, но сгорел правый автопилот и несколько секунд, пока Федор пытался добраться до кормового отсека и подключить запасной пилот, яхта оставалась неуправляемой. Произошел непроизвольный переброс парусов с одного борта на другой. Сила удара была такой, что Федор до сих пор удивляется, как выдержала мачта. Вся эта коллизия случилась в 2 часа ночи, шкипер выскочил на обледеневшую палубу налегке. После того как ему удалось стабилизировать яхту, от переохлаждения у него начались резкие боли в почках. Температура поднялась до 41 градуса, и доктор регаты Шув констатировал, что у Федора начались воспалительные процессы в почке. Стоял вопрос об эвакуации российского шкипера.

Всю следующую неделю, заглушая боль в почке аспирином и парацетамолом, Федор провел на палубе, ремонтируя паруса и такелаж. Яхта еще раз попала в локальный циклон с ветром до 50 узлов, который Федор успешно пережил, готовясь к решающему испытанию. В воскресенье, 21 января, на яхту обрушился шторм ураганной силы. Федор сообщал о силе ветра

до 80 узлов (144 км/ч), однако после того как яхту бросило с волны и положило на 90 градусов на воду, с топа мачты смыло ветроуказатель. Именно поэтому Федор не знает, какая сила ветра была последующие двое суток. На корме залило водой буй, который передает координаты Федора. Гоночный комитет в Париже, зная, что Конюхов находится в эпицентре шторма, не имел возможности определить координаты яхты “Современный гуманитарный университет”.

В понедельник вечером Конюхов сообщил: этот шторм добил меня и мою яхту. Сейчас шторм стих, и Федор смог оценить повреждения на яхте. Надо отремонтировать дизель-генератор, заменить такелаж и, самое главное, пошить новые паруса – весь ремонт может затянуться на несколько недель, к тому времени половина флота финиширует во Франции, по крайней мере все яхты выйдут в Атлантический океан.

Сидней находится на 150-м градусе восточной долготы, это ровно половина кругосветного маршрута. “Повторно стартовать с отставанием в полмира я не буду. К тому же по условиям гонки заход в порт означает дисквалификацию. Я принял решение находиться в Австралии до тех пор, пока не решу судьбу яхты. В планах – перегонять яхту в Европу”».

Эти шторма меня довели

25 января 2001 года. Индийский океан
45°15’ ю. ш., 135°47’ в. д.

09:30. За сутки прошли 120 миль. При таком ветре это хорошо. Я все подсчитываю, когда приду в Сидней. Если идти по 120 миль каждый день, то таким курсом, как сейчас, можно прийти 3–4 февраля.

Нестерпимая тоска сковала мое воображение. Я сыт по горло всем: океаном с его штормами и холодом, дующим с Антарктиды. Мне нужно вновь как можно скорее увидеть Иринушку. Только рядом с ней я возьмусь за главное в моей жизни – писать и писать картины, и ничего больше.

18:00. Как океан издевается надо мной и моей яхтой! Ветер зашел встречный с востока. Поднял большую волну. А у меня нет грота, он порван. А под стакселем против волны не выгрести.

23:00. С детства я любил океан, а он меня как мучает! И особенно в этом плавании, просто наступил мне на горло. Эти шторма меня довели.

На самом деле я выиграл

28 января 2001 года. Индийский океан

13:00. Ветер пока дует попутный, из-под туч светит солнце. Если такой ветер продержится, то ночью буду проходить мыс Юго-Восточный Австралии, а там начнется Тасманово море. Что меня там ждет? Что ждет меня в России после моего проигрыша? Конечно, это со стороны кажется, что я проиграл. А на самом деле я выиграл. Это плавание дало окончательный толчок начать новую жизнь. Я еще не написал ни одной стоящей работы. Рано умирать!

Начался новый век, и я начну новую жизнь, совсем противоположную той, старой, в прошлом веке.

22:20. Господь мне помог! Я чуть не врезался в рыбацкое судно, которое тащило трал. Я уснул. Я отвык от судов, а тут оно – прямо по носу. Я успел выбежать в кокпит, отключить автопилот, и хорошо, что ветер позволил увалиться вправо, прошел по корме метрах в пятнадцати…

Это чудо: за какие-то несколько секунд я проснулся и увидел!

«Индийский океан»

До Сиднея 500 миль

29 января 2001 года. Индийский океан
44°01’ ю. ш., 148°02’ в. д.

06:30. Ну вот и слава Богу. Прошла ночь. Тревожная ночь. Сейчас светло. Яхточка потихоньку идет в Тасмановое море. Уже прошел 148-й градус восточной долготы, а Сидней на 151-м градусе восточной долготы и 34-м – северной широты.

До Сиднея 500 миль. Я иду 120–130 миль в сутки.

Картина «12 апостолов»

30 января 2001 года. Индийский океан
42°03’ ю. ш., 149°30’ в. д.

06:30. За те годы, что я провел в путешествии, что я вынес, что я сделал? Я никогда не был первым, нигде не выигрывал. Да, все эти годы ушли на то, чтобы познать только для себя, что Бог есть.

Есть у меня давняя задумка написать картину, на которой будут изображены двенадцать апостолов. Когда я читаю Святое Писание про апостолов, в душе я вижу, какие они. Их рост, их лица, их осанку, даже одежду, цвет волос, кто с бородой, а кто нет.

Я снова в Тасмановом море

1 февраля 2001 года. Тасманово море
37°15’ ю. ш., 150°49’ в. д.

08:30. Ну вот и прошла ночь. Тяжелая, неспокойная была эта ночь. Да когда они были спокойными?

Смотрю на карту, а она у меня еще с яхты «Караана». 1 февраля я с трудом проходил мыс Рейнга – северный кончик Новой Зеландии. Ох, как меня там бил встречный ветер! Ровно два года прошло, и я снова в Тасмановом море, и меня снова бьет встречный ветер.

Скоро мы встретимся в Австралии

2 февраля 2001 года. Тасманово море
34°34’ ю. ш. 151°17’ в. д.

Утро. Если даст Бог, и все будет хорошо, мои самые близкие приземлятся в Австралии в 06:00. Что и о чем сейчас думает моя Иринушка?

08:40. Прохожу то место, где в 1991 году на яхте «Караана» не мог продвинуться вперед. Сейчас то же самое: встречный ветер, большая зыбь, течение. Чувствуется, а вернее, я вижу, как над берегом идет дождь с ветром. Там тайфун. При такой скорости войду в бухту Джексон[105] в 10:00.

ВЕСТИ: «Рекорд гонок Vendée Globe, установленный в 1996–1997 годах Кристофом Огеном, побит: Мишель Дежуайе финишировал 10 февраля 2001 года, затратив на кругосветку 93 дня 3 часа и 57 минут, на 12 дней 16 часов и 26 минут меньше!

Российский участник гонки Федор Конюхов, к большому сожалению, не смог завершить свое четвертое кругосветное плавание из-за серьезных проблем со здоровьем и неустранимых повреждений такелажа, возникших в начале января».

Глава 5
По следам Великого шелкового пути

Из записей Ирины Конюховой

Если ты привязался в дороге к тем, кто был рядом с тобой, значит, ты выбрал верных попутчиков. Не сожалей о предстоящей разлуке, ибо дорога ваша состоялась.

Ирина Конюхова

Первый этап Международной научной экспедиции «По следам Великого шелкового пути». Старт – 16 апреля 2002 года.

Маршрут прошел по территориям Астраханской области, Республики Дагестан, Ставропольского края, Ростовской области и Волгоградской области.

Протяженность маршрута – 1486 километров.

Продолжительность экспедиции – 58 дней.

Финиш – 12 июня 2002 года.

Планы

– Посмотри, как красиво! – воскликнул Федор однажды вечером и показал мне толстый журнал о путешествиях, на одном из разворотов которого ослепляла красно-песочным цветом самая большая пустыня в мире – Сахара. По ее гребню двигался караван. Так у Федора появилась идея совершить экспедицию на верблюдах.

Через несколько дней после этого эпизода на своем рабочем столе я нашла приглашение в Калмыкию на международную конференцию. В конце сентября 1997 года я впервые оказалась в Республике Калмыкия.

После конференции коллеги из Верховного суда показали мне красоты половецких земель. Я была очарована калмыцкой степью, наполненной ароматом полыни и осеннего разнотравья, прелестным видом овец, пасущихся небольшими отарами, но больше всего хотелось увидеть верблюдов, живущих на воле.

– Вы их сможете увидеть только в одном месте – в совхозе «Полынный», но это сто с лишним километров от Элисты[106], – сказали мне.

– Но почему только там?

– Это было в конце девяностых. Голод, охвативший страну в период перестройки, заставил зарезать на мясо целые стада овец, коров и лошадей. Добрались и до верблюдов. Тысячами их вели под нож. Оставшихся восемьдесят калмыцких верблюдов по указу президента Калмыкии Кирсана Илюмжинова[107] собрали в совхоз «Полынный» и стали заниматься их разведением.

Родина калмыцкого двугорбого верблюда – бактриана – Центральная Азия. Никто точно не знает, когда и откуда пришли первые караваны в половецкие степи Калмыкии. Одни говорят, что потомки калмыков привели верблюдов в Россию из Монголии во времена походов Чингисхана и его сыновей. Другие считают, что азиатский верблюд мог появиться в половецких степях значительно раньше. Известно только, что ранее II тысячелетия до н. э. здесь существовали торговые пути.

Сами калмыки – потомки ойратов (племени, идущего от Чингисхана) – с того времени, как обосновались на степной территории, расположенной на стыке Европы и Азии, интенсивно вели торговлю с соседями. Во владении только одного хана, кочующего по степям со своим родом, можно было насчитать свыше тридцати тысяч верблюдов.

Но индустриальная эпоха безжалостно вытеснила это величественное животное, называемое арабами кораблем

пустыни, а калмыками – самым большим другом, главным символом песков.

Слушая историю о судьбе калмыцких верблюдов, я решила поведать новым друзьям из Калмыкии о желании Федора пересечь на верблюдах самую большую пустыню в мире – Сахару.

– А почему бы вам не отправиться в путешествие по нашей степи на калмыцких верблюдах?

Слова председателя Верховного суда Калмыкии Евгения Дакинова оказались пророческими. У каждого человека случается подобное. Стоит ему по-настоящему заболеть идеей – события начинают складываться в пользу ее воплощения. Важно только заметить это и не упустить шанс судьбы, не торопить события, а идти к ним с терпеливым достоинством.

Счастливое число тринадцать

13 апреля 2002 года

Наступил день, когда экспедиция отправлялась в намеченный путь.

Первый переход длиною в 75 километров должен был занять, по предварительным подсчетам, двое суток.

Караван направлялся к поселку Цаган-Аман, что в переводе с калмыцкого означает «белые ворота». Для экспедиции это символично. Белый особо почитается у калмыков как цвет счастья и удачи.

В Цаган-Амане намечался официальный старт экспедиции.

Сокровище калмыцких степей

В год нашего приезда поголовье верблюдов на ферме «Полынного» возросло только до ста двадцати. Размножение верблюдов – процесс очень медленный. Цикл рождения верблюжонка – один раз в три года.

Верблюд – могучее, но очень хрупкое создание, подверженное многим болезням. Он уязвим перед теми же недугами, что и человек, – перед чумой, туберкулезом (которыми не болеют ни коровы, ни овцы, ни свиньи, ни лошади), простудой. Если один верблюд заболеет, то мгновенно возникает эпидемия.

Одна из задач нашего каравана – призыв к людям, живущим на тех территориях, через которые мы пойдем: разводите верблюдов! Это сокровище должно умножаться и радовать нашу землю.

Верблюды завораживают

Оказалось, что можно бесконечно смотреть на этих огромных лохматых животных – темно-бурых, светло-песочных и совсем белых. Сначала на то, как они пасутся в степи и гуляют по песчаным барханам, потом – как пьют воду у колодца и шлепают при этом от удовольствия мягкими губами, и наконец – как они с любопытством поглядывают на нас из своего загона,

куда стройными рядами заходят на закате солнца.

Мы и не заметили, как провели весь день с верблюдами.

К вечеру, полные впечатлений, мы ужинали в доме Бернияза. Он и двое его сыновей пасли верблюдов на ферме совхоза «Полынный».

– Бернияз, ты сможешь воспитать к весне тринадцать верблюдов, чтобы они способны были идти в караване? – спросил Федор у хозяина.

– Нет, не смогу. На это нужно особое умение. А вот Сарсынбай и его помощник Алят с соседней фермы смогут.

Для караванщиков пошили специальную экспедиционную одежду – темно-зеленые куртки, комбинезоны и кепки с желтой трафаретной эмблемой, изображающей верблюдов. В качестве обуви все получили кожаные ботинки. Вместо куртки Федор предпочел надеть широкий черный плащ, подаренный ему фирмой «Трак» в Москве. Я остановила свой выбор на пальто из тонкого кашемира с капюшоном.

– У меня для вас сюрприз, – хитро улыбаясь, сообщил караванщикам директор совхоза «Полынный» Феликс Николаевич, выгружая из своего уазика коробки с экспедиционной одеждой.

– Надеюсь, приятный, – предположил Федор, раздавая спецодежду караванщикам.

– На старте каравана в Цаган-Амане вам предлагается надеть калмыцкие национальные костюмы. Это подарок от Театра национального искусства Элисты.

Феликс Николаевич достал коробку, в которой лежали девять мужских и один женский наряд.

Я с интересом рассматривала длинное бордовое платье из шелка – бишмек, лиловый хитон, обрамленный по краю белой тесьмой, и калмыцкую шапочку – халванг, сияющую узорами и бисером на черном бархате. Верхушка цилиндрической шапочки была украшена красными нитями, развевающимися на ветру, как огонь.

Верблюдам тоже передали нарядную одежду – попоны, белоснежные накидки с синим орнаментом по краям, имитирующим цветы лотосов.

Заранее было решено, что первое время все люди в караване поедут на лошадях. Верблюды должны привыкнуть к караванщикам и новому для них пути, а нам это давало возможность лучше познакомиться с животными.

Верблюды шли медленным шагом. Они иногда спотыкались о камни и кочки, опускались на колени, отдыхая после дневного пути. Их сопение слышал каждый сквозь сон на привалах или укрывшись в палатке разбитого на ночь лагеря.

Ночами люди скрывались в палатках от ночного холода, змей и пауков. Дежурный сидел у костра и старался не смотреть в темноту ночи. Даже лошади вздрагивали от холода во сне. Только верблюды ничего не страшились. Их шерсть не покрывалась инеем, тела были горячими. Они всю ночь видели звездное небо.

Первые впечатления

14 апреля 2002 года

Второй день пути. На подходе к Цаган-Аману мы попали в широкую долину, наполненную тюльпанами – красными, желтыми, желто-красными и белыми. По этой долине при лучах полуденного солнца верблюды двигались плавно, а белые попоны с цветками лотоса и синим орнаментом по краям подчеркивали красоту этих величественных животных.

Старт экспедиции

16 апреля 2002 года. Торжественный старт экспедиции. Цаган-Аман (Калмыкия, Юстинский район) – Михайловка (Астраханская область)

Ровно в полдень стартовала экспедиция «По следам Великого шелкового пути». Старт каравана стал настоящим праздником для жителей и гостей Калмыкии. Президент страны приехал из Элисты проводить караван в далекий путь.

Караван, состоящий из тринадцати верблюдов, десяти лошадей и десяти караванщиков, должен пройти 1600 километров по степям и пескам Калмыкии с заходом в Астраханскую область, Республику Дагестан, Ставропольский край, Ростовскую и Волгоградскую области. Место финиша – столица Калмыкии Элиста.

Тринадцать – счастливое число по буддистской вере. Удивительным совпадением оказалось и то, что Калмыкия разделена на тринадцать районов.

Путь каравана, нарисованный на карте, напоминал цветок лотоса, а направление совпадало с ходом движения солнца.

На площади поселка, как цветы в степи, выстроились нарядные кибитки. Тоже тринадцать – от каждого района Калмыкии. Около кибиток танцевали взрослые и дети, звучала национальная калмыцкая музыка, пели свои лихие песни донские казаки.

На центральном стадионе состоялись скачки на лошадях и на верблюдах. Лошадиные скачки – привычное зрелище для калмыков. А вот гонки на верблюдах проводились здесь лишь в сороковые годы.

В тот момент, когда президент Калмыкии поздравлял победителей, ко мне подошла одна женщина.

– Скажите, Ирина, а вам-то, женщине, зачем все это надо?

– Это нужно каждому человеку. Если он разрывает связь с природой, то постепенно сходит с ума. Человек этого может даже не замечать.

Первые километры и первые испытания

17 апреля 2002 года. Михайловка (Астраханская область) – Енотаевка (Астраханская область) – 22 км

Раннее утро. Вчера было пройдено 25 километров из Цаган-Амана в Михайловку. Это был день испытаний.

По традиции люди бросали в сторону путников живые цветы и выкрикивали приветственные слова. Как только первые цветы попали на лошадей и верблюдов, те от испуга сбились в кучу, а некоторые, наоборот, устремились прочь из каравана. Возник хаос.

– Не кричите, не кидайте цветы, прекратите шуметь! – обратился Федор к людям.

На площади установилась тишина. Постепенно животные успокоились. Верблюды снова выстроились в цепочку, путники на лошадях распределились вдоль каравана, и экспедиция тронулась в путь.

Пройдя метров триста от линии старта, караван оказался на свалке. Это было новое испытание. Главная мысль – как бы не навредить животным. От этого все были предельно напряжены. Сарсынбай и Борис шли впереди и внимательно смотрели на землю. Найдя проволоку или битое стекло, они останавливались и убирали опасные предметы. Впрочем, не только они, а все неотрывно глядели на землю и расчищали путь.

Самое страшное – поранить животных стеклом. Наиболее уязвимы верблюды. У них особое строение ступней. Лошадь ступает по земле относительно крепкими копытами, а верблюд соприкасается с поверхностью земли мягкими, похожими на подушечки конечностями. На них натянута кожа, а внутри жидкость. При ранении ноги у этого животного мгновенно начинается заражение крови – сепсис. В редких случаях благодаря антибиотикам удается спасти животное. Обычно же оно погибает.

Схватка в степи

18 апреля 2002 года. Енотаевка (Астраханская область) – конеферма (Калмыкия, Юстинский район) – 30 км

19:00. Жизнь в караване приучает к самостоятельности. Лишь в первый раз, когда караван тронулся, Федор оглянулся. Я не успевала на своем неторопливом Каштане (я назвала его так за ярко-рыжий окрас) за покладистым и трудолюбивым Булеваром и на старте сразу же отстала.

Было очевидно, что мне достался самый ленивый конь в караване. Старый мерин чувствовал мою неопытность и шел слишком медленно. Опытные погонщики в любой момент могли наказать его, но я не просила их об этом.

Помучившись, я уже на второй день начала подстегивать ленивца. Каштан перестал отставать от лошади Федора. Но сегодня на водопое была допущена ошибка. Я плохо пристегнула карабином хлыст к седлу. Когда караван снова тронулся в путь, обнаружилось, что хлыста нет. Пришлось искать. Когда наконец пропажа была обнаружена, караван успел скрыться за холмом.

– Скачите вперед, не ждите меня. Сообщите Федору, что я догоню караван, – сказала я погонщикам, которые помогали мне.

Когда Сарсынбай и Алят скрылись, Каштан вдруг резко повернулся и быстрым шагом пошел обратно. Недалеко от водопоя была деревня, он почувствовал запах пищи и сена и жаждал отдыха.

Я со всей силы хлестнула его за вредность. Каштан повернул голову, недобро посмотрел на меня и ускорил ход. Я снова ударила его в надежде добиться послушания. Каштан в ответ встал на дыбы. Между нами началась схватка. Неопытная наездница и упрямый мерин боролись за власть. Меня охватили ужас и страх.

Я вцепилась в седло, закрыла глаза и ждала лишь одного – когда он успокоится.

– Все, Каштан, я устала с тобой бороться. Делай что хочешь.

Старый мерин изучающе посмотрел на меня, развернулся и не спеша пошел в нужном направлении. Нам предстояло пройти до места стоянки 10 километров.

Навстречу нам приближались силуэты трех всадников. Впереди два погонщика – Сарсынбай и Алят, а за ними угадывалась фигура моего мужа.

Сарсынбай подъехал первым, взял за поводья Каштана и потянул его за собой. Каштан повиновался и рысью помчался

следом за молодым Арапом. Подоспевший на Булеваре Федор молча забрал у Сарсынбая поводья, и мы поскакали в сторону лагеря.

На стоянке Федор сказал:

– Не распрягай Каштана. Его нужно проучить. Он почувствовал твою слабость и теперь все время будет управлять тобой.

Запрыгнув на Каштана, Федор стал хлестать старого мерина, но тот упорно не слушался. В этой расправе ни Федор, ни я не чувствовали себя правыми. Оттого-то Каштан и упорствовал. Схватка между ними, казалось, не закончится никогда.

Усталые, мы направились в сторону лежащих верблюдов. Прилегли на широкий плащ Федора рядом со спокойным верблюдом Борисом и одновременно стали гладить большую теплую голову животного. Долго молчали.

Верблюды жевали непрерывно, не размыкая губ. От этого хруст фуража и сена был еле слышен.

– О чем ты думаешь? – спросил Федор.

– Пытаюсь насладиться покоем, но думаю о наших отношениях с животными.

– Я тоже.

Верблюд Яшка

20 апреля 2002 года. Бергин (Калмыкия, Юстинский район) – Смушковое (Калмыкия, Юстинский район) – 35 км

«Я не сойду с седла во время всего пути. Что бы ни случилось, как бы я ни уставала», – это был мой обет самой себе. Прошла неделя, и я наконец-то смогла ощутить прелесть движения на верблюде.

Сегодня в первый раз я шла на верблюде Яшке, автономно управляя им. Если все пройдет благополучно, то мне позволят все время передвигаться на нем в караване. Седло здесь уже и жестче, чем лошадиное, но как восхитительно движение! Лишь с высоты верблюда можно увидеть безграничность степи и птиц, пролетающих на уровне глаз. Это животное идет мягкой, еле слышной поступью, ровно и не спеша. В этот момент еще острее осознаешь, как бесконечен мир.

Верблюды для каравана

Сарсынбай волновался, ему предстояло показать тринадцать верблюдов, которых он подготовил в дорогу. У загона, куда нас повел главный погонщик, стоял огромный лохматый верблюд песочно-бурого цвета.

– Какой красавец! Не верблюд, а гора какая-то!

– Это Яшка. Он самый спокойный и самый опытный.

Яша рос отдельно от стада, среди людей, поэтому одомашнился и многое может. На нем возят воду, запрягают в телегу. Он самый безопасный для прогулок.

– Это будет твой верблюд, – сказал мне Сарсынбай.

Мы пошли внутрь загона. У самого входа лежал еще один большой лохматый верблюд. Громадное животное выглядело неухоженным.

– Это и есть Атаман, вожак каравана, – представил его Сарсынбай.

Атаман, услышав свое имя, издал недовольный хриплый звук, напоминающий рев медведя.

– Грозен!

– На то он и Атаман!

Внутри загона соседствовали верблюды, лошади, коровы, овцы и собаки. Верблюдов кормили лучше всех, им предстоял длинный путь.

Сарсынбая беспокоило, что у верблюдов нет попон.

– Их густая шерсть сойдет весной, а под ней обнажится оголенная тонкая кожа, новая шерсть не сразу нарастет. Если во время похода пойдет дождь, верблюды могут остыть и заболеть.

– Во время майских дождей не все верблюды выживают, – заметил стоящий рядом Алят, молодой помощник Сарсынбая.

– Мы уже заказали попоны, – успокоил Федор.

Сарсынбай приподнял шерсть верблюда на сгибе передней ноги и предложил потрогать кожу. Она была нежной и горячей, как у младенца.

Болезненная операция

Будущие участники каравана слишком худы. У всех у них, кроме Атамана, лежали горбы. Все из-за того, что верблюды, свободно пасущиеся в стаде и попадающие в неволю, испытывают такой тяжелый стресс, что теряют порой до половины своего веса. При этом верблюды, попадающие в караван, должны перенести болезненную операцию: им делают прокол в области между носом и губами.

В отличие от лошади, которой можно управлять при помощи уздечки, верблюд, долго проживший на воле, не подчинится такому способу управления. Своей могучей шеей, достающей до горбов, он способен не только сбросить, но и покалечить наездника. Поэтому нужны поводья, проходящие через отверстие между носом и губами. Только испытав от действий человека боль и страх, верблюд способен подчиняться человеческой воле. Так принято у всех погонщиков, и им нужно доверять.

Отверстие делается острым ножом. Операция тяжела не только для верблюда, но и для людей, которые ее осуществляют. Им тяжело слушать, как ревет связанный верблюд, как он громко стонет. Проколотое отверстие долго кровоточит и заживает очень медленно – почти год.

Атаману, которого очень жалели, прокол сделали позже, чем всем верблюдам нашего каравана. Его привезли к Сарсынбаю с другой фермы, где он жил

среди людей и имел ласковую кличку Малыш. Этот грозный Малыш сотрясал ревом воздух всего «Полынного».

Я еще только узнавала своего верблюда. Яшка демонстрировал свои повадки. Он иногда подходил слишком близко к каравану и начинал прижиматься к другим верблюдам. Больше всего он любил так общаться с третьим в караване спокойным и покладистым Борисом.

Иногда Яшка увлекался и забегал вперед Атамана. Вожак недовольно косился на него. Но чаще всего Яшка убегал в конец каравана. Он оказался очень пугливым – боялся целлофана, белой бумаги, костей животных, незнакомых ему пышных растений, больших камней и кусков железа. Видя незнакомые предметы в степи, он останавливался, ожидал последнего верблюда в караване и пристраивался сзади него.

– Ну как тебе на верблюде? – спросил Сарсынбай.

– Очень нравится. Только почему Яша такой пугливый?

– Это он с детства такой. С ним беда случилась, когда он еще совсем маленьким был.

Верблюдица, когда рожает, обычно уходит от стада и людей километров за семь в барханы[108]. Потом пастухи находят ее с верблюжонком и помогают добраться до стада.

Так было и с матерью Яшки. Она ушла в барханы, но стая волков почуяла добычу и окружила ослабевшую верблюдицу. На глазах у новорожденного верблюжонка восемь волков растерзали его мать. Прискакавшие погонщики, отогнав волков, увидели в кустах испуганного верблюжонка. Тот громко кричал и долго не мог успокоиться. Люди забрали его к себе и назвали Яшкой. Они кормили его из соски молоком и воспитывали. Яшка многому научился у людей, а вот пугливость свою так и не смог преодолеть.

Впереди на холме показалась деревушка. Несколько домов на песчаной почве стояли в окружении саксаулов. Запах сухого кизяка смешивался с ароматом полыни.

Картина вечно движущегося песка завораживала. Ветер уносил верхний слой, обнажая ослепительно белые, не тронутые временем ракушки. Гирлянды белых ракушек рассыпались по песку и сверкали на солнце свежестью утренних лилий.

Несведущие люди почти уверены, что песок непригоден для жизни. На самом деле здесь протекает жизнь целого народа.

Верблюды не оставляли следов на траве в степи, и здесь, в песках, путники увидели новую картину, поражавшую своей целесообразностью. Следы от мягких ступней верблюда лишь

на мгновение запечатлялись на зыбучей поверхности песка. Верблюды не шли, а скользили, как настоящие корабли пустыни. А вот лошадь не чувствовала себя уютно на песке. Пронзая его своими острыми копытами, она спотыкалась. Но лошадь покорна хозяину и бредет туда, куда он указывает.

Пустыня – стихия для верблюда и дорога для лошади.

Танец судьбы

23 апреля 2002 года. Хулхута (Калмыкия, Яшкульский район) – Ацан-Худук (Калмыкия, Яшкульский район, кордон заповедника) – 32 км

Раннее утро. Уже выглянуло солнце, но еще прохладно. Без плаща утром не обойтись. Здесь весной как никогда чувствуется резко континентальный климат. Ночью иней, днем жара. И всегда дует ветер: полгода в одном направлении, полгода – в другом. Даже Беркут – собака Сарсынбая, бегущая с нашим караваном, – заметно мерзнет по утрам, а днем ищет водоем, чтобы освежиться.

Я люблю кормить Яшку с рук верблюжьей травой – дикой сурепкой. Эта высокая трава с желтыми соцветиями – после верблюжьей колючки самое любимое лакомство верблюдов.

Верблюд устроен совершенно для того, чтобы переносить зной, жажду и долгое отсутствие еды. Горб верблюда содержит жир и служит источником питания на случай наступления худших времен. Если бы жир у верблюда был распределен более или менее равномерно по всему туловищу, как у других животных, это бы затруднило охлаждение тела при сильной жаре.

Встречали нас в Хулхуте, как и в других селениях, очень приветливо. Калмыки на каждой стоянке устраивали для нас поистине праздничный прием. Ставили большую нарядную кибитку, накрывали щедрый стол с национальными блюдами, устраивали концерт.

Люди, живущие в Калмыкии, говорят, что через караван они для себя по-новому открывают степь.

Законы построения каравана

Перед тем как отправиться на верблюдах от фермы до места старта, нужно было проверить, как двигается караван.

Ранним утром Сарсынбай, его сын Эльдар, а также два других погонщика – Алят и Борис – стали выстраивать караван. Мы с Федором, запрягая своих лошадей, старались не упустить необычное для нас зрелище.

Построение в караван имеет свои законы. Выбирается широкая ровная поверхность. Туда

по очереди приводят верблюдов. Животное держат за веревку, протянутую через отверстие между носом и губами. Сначала приводят вожака. Верблюда усаживают со словами «Чок-чок!». Тут же связывают его левую переднюю ногу, чтобы он не встал раньше времени. Затем подводят следующего верблюда. Его также усаживают и связывают, а потом привязывают веревку, протянутую между носом и губами, к карабину, укрепленному сзади на хомуте у впереди сидящего верблюда. Если нужно по какой-то причине поднять верблюда, то кричат: «Чу-чу!»

Не все верблюды охотно покидали свой загон. Некоторые упирались молча, другие сопротивлялись, издавая громкие крики, напоминающие страусиные.

Около часа понадобилось, чтобы собрать верблюдов в единую цепочку. Погонщики выстроили караван так: первый – Атаман, за ним Яшка, потом бурые верблюды – Алмаз, Борис, Баир, Аю, Черныш, и затем белые – Снежок, Алтын, Бельчик, Бэтман и Малыш. Такая композиция объяснялась тем, что бурые верблюды покладистее белых. Видимо, их отец более спокойного и прилежного нрава.

Между Бэтманом и Малышом определили одноглазого бурого Нельсона. Этого верблюда выписали из Казахстана. Он был меньше по росту и длине ног по сравнению с местными бурыми верблюдами, хотя по характеру – один из самых послушных и умных. Во время тренировки Нельсону[109] случайно выбили левый глаз, поэтому он получил такое имя.

Большинству верблюдов в караване было по шесть-семь лет. Самые старшие – десятилетний Атаман и девятилетний Яшка. Самый маленький – Малыш, которому только что исполнилось три года. Верблюды доживают до 35–40 лет, поэтому все наши участники каравана были еще очень молоды.

«Алтын – любимый верблюд моей Иринушки!»

Когда все верблюды были усажены в цепочку, предстояло написать фломастером их имена на широких брезентовых хомутах, опоясавших туловище каждого. Мне захотелось поучаствовать в этом рискованном деле, и я взяла в руки фломастер. Верблюды еще только знакомились с нами. Если бы я не понравилась кому-то из них, ему ничего бы не стоило ударить ногой или придавить меня своим мощным корпусом в тот момент, когда я буду тщательно выписывать на хомуте его имя. Вот почему от верблюда к верблюду за мной неотступно следовали Федор и Эльдар.

На попытку человека написать их имена верблюды реагировали по-разному. Атаман недовольно ворчал, Яшка фыркал, Алтын покрикивал, Снежок и Бельчик мотали головами, но никто не ударил, никто не дернулся резко. Похоже, верблюды хорошо чувствуют намерения человека.

Словно всегда ходили караваном

После того как имя каждого верблюда было обозначено, наш караван и мы на лошадях тронулись в путь.

Верблюды во время движения напоминали страусов.

Они мягко ступали, вытянув шею. У них такие же, как у страусов, большие темно-карие глаза с длинными ресницами. Только, в отличие от птиц, они плюются зеленой жвачкой, когда думают, что им угрожает опасность.

Вожак Атаман вел караван уверенно. Корпус верблюда покачивался, а шея оставалась неподвижно нацеленной вперед. Он знал, что делает.

– Верблюды идут так, словно всегда ходили караваном! – мне трудно было скрыть восхищение.

– В них говорит зов предков, – улыбаясь, заметил погонщик Борис.

Каштан шел медленно и все время отставал от каравана. Федор, сидевший на послушном и скором на ход Булеваре, посоветовал мне:

– Плеткой его подгони. Лошадь нужно воспитывать кнутом и пряником. Если она почувствует слабость наездника, то сядет ему на шею.

Недолгий обеденный отдых в Хулхуте, и снова в дорогу. Наш путь пролегал по дну древнего моря. Когда-то, тысячелетия назад, в кайнозойскую эру[110], здесь было море. Песок и целые ракушки – тому свидетельство. Даже не верится, что столько времени прошло, а ракушки сохранили свою новизну и нетленность. Словно вчера их достали и разбросали по песчаным языкам. А на самом деле это ветер обнажил ракушки, выдувая верхний слой песка.

Всю дорогу жеребец Ураган, на котором шел проводник Виктор, громко чихал, а Булевар Федора часто спотыкался и хрипел. У Атамана сильно кровоточила рана в месте прокола, и назойливые мошки не давали ему покоя. Вожак тихо стонал и вздыхал, и всем было очень жалко верблюда.

– Нужно проверить животных, как только достигнем стоянки, – заметил Сарсынбай.

Лишь на закате солнца мы принялись лечить верблюдов и лошадей. Положить верблюда очень трудно. Еще труднее слышать его плач. Долго звучал у меня в ушах рев Атамана, которому кровоточащее отверстие промывали раствором марганцовки и присыпали белым порошком – тальком. А жеребцу Урагану и мерину Булевару сделали укол пенициллина.

Нам повезло, что в караване есть врач – Валерий Ханинов. Он присоединился к нам на старте и намерен все время идти с караваном. Валерий – хирург по профессии, но очень любит путешествовать.

Странный заповедник

24 апреля 2002 года. Ацан-Худук (Калмыкия, Яшкульский район) – Тройник (Калмыкия, Яшкульский район) – 31 км

Караван на территории заповедника «Черные земли». Он охватывает три региона России – Республику Калмыкию, Астраханскую область и Республику Дагестан. Речь идет о самом засушливом районе в европейской части России. По степени засушливости он уступает лишь пустыням Средней Азии.

Даже не верится, что это заповедник. Рваная распаханная земля чередуется с песчаными языками. Постепенно караван вошел в зону, где земли почти нет. Одни пески. Ветер несет в глаза песок, и они от этого слезятся. Мужчины обмотались шарфами и платками, а я закрыла глаза своей белой шелковой косынкой, пытаясь оставить маленькую щелочку хотя бы для одного глаза, чтобы видеть дорогу.

Скудность земли этой – плод недальновидности человека. В двадцатых годах прошлого столетия началось освоение «Черных земель» как крупных сельскохозяйственных угодий. Распашка производилась стихийно. В результате многие земли стали бесплодными. С 1930-х годов сюда стали завозить тонкорунных овец, а в послевоенные годы по указанию сверху в Калмыкии почти полностью перешли на тонкорунное овцеводство. Многочисленные отары тонкорунных овец безмятежно паслись в степях и не подозревали, что своими изящными, но острыми, словно лезвие, копытцами убивают степь, которая их кормит. Земли не выдержали, они обеспложились и стали превращаться в голые пески. Наступил момент, когда экологи и географы зафиксировали на юге Калмыкии первую и единственную в Европе антропогенную пустыню.

Сколько еще терпеть природе неразумного человека?

Опасно ссориться с верблюдом

25 апреля 2002 года. Тройник (Калмыкия, Яшкульский район) – пески Маштак (Калмыкия, Черноземельский район) – 35 км.

Мы продолжили переход по территории заповедника «Черные земли». Утро. Взошло солнце. Степь вся в инее. Вышли в направлении фермы «Озерная». Сегодня предстоит преодолеть 30 километров пути.

Каждый день в караване происходили разные события. Федор забрал Яшку и пробует вести караван на нем вместо Булевара. Мне взамен дали спокойного и доброго верблюда Бориса. Второй день, как я осваиваюсь на нем.

Федор вел караван и держал Атамана за веревку, а мы пристраивались к ним либо сбоку, либо сзади. Борису больше нравилось идти сзади Яшки, а мне сбоку, рядом с Федором.

Яша непредсказуем. Пугаясь очередного куста или камня, он все время останавливался. Федор недовольно подстегивал его плеткой и кричал:

– Чу-чу! Вперед!

Но Яшка не всегда повиновался. Тогда Сарсынбай забегал вперед с конем Арапом и забирал веревку у Федора. Караван трогался, и Яшка плелся за Арапом, слушая ворчание о глупой натуре верблюда.

– С верблюдами нужно уметь вести себя правильно, – считает Сарсынбай.

Это означает не баловать, но и не переусердствовать с насилием. Поиск золотой середины – непрерывный процесс, как воспитание ребенка. Здесь невольно можно наделать массу ошибок.

Самое опасное – поссориться с верблюдом. Это животное может нанести удар неожиданно. Передние ноги он выбрасывает вперед, задние – в стороны и назад. Ударом ноги верблюд перебивает кости человеку.

Разъяренный верблюд страшен. Он убивает человека своим телом так же, как слон. Верблюд ложится на человека и давит его до тех пор, пока тот не испустит дух.

Мы по-прежнему шли по дну древнего моря, и здесь часто встречались высохшие соленые озера – саги. Песчаное дно высохших саг покрыто густой соленой коркой. На дне одного из таких озер погонщики остановили караван и распустили верблюдов. Они тут же стали бродить по сухому дну озера и лакомиться солью высохшего озера.

– Они очень любят эту соль. Для них соль – это как сахар

для лошадей. Без соли они не могут, – сказал главный погонщик.

– Когда соли нет, верблюды могут уйти очень далеко в ее поисках, – добавил погонщик Борис.

Когда до конца дневного пути осталось всего несколько километров, караван вдруг попал в долину красных маков. Красота и свежесть маковых полей поразила всех нас. Мы тут же сделали привал.

Позже мы узнали от местных жителей, что в этих местах маки так обильно цветут лишь раз в пять лет.

– Это теперь уже останется в нашей жизни навсегда, никто у нас не заберет эти минуты, – сказала я Федору.

– Да, это уже часть нашей жизни, – согласился он. – Еще час назад знали ли мы об этом?

Вот и Сарсынбай пятьдесят лет прожил в Калмыкии, но даже не догадывался, что есть такая красота.

Десятый день пути

26 апреля 2002 года. Пески Маштак (Калмыкия, Черноземельский район) – Комсомольский (Калмыкия, Черноземельский район) – 25 км

Теперь уже не только засохшие озера – солончаки, но и водоемы, наполненные соленой водой, попадались на нашем пути. Караван все ближе подходил к Прикаспийской низменности. За ней простиралось Каспийское море – остаток древнего моря, территория которого впечатляла своими размерами.

В одном месте все невольно ахнули. Пред нами предстала долина, окруженная с двух сторон солеными озерами. Бледно-голубое небо сливалось с полями полыни и светлой гладью воды. Зеленая и желтая трава, розовые венчики мятлика и пение птиц – все выглядело как земля необетованная, по которой еще не ступала нога человека и потому не успела нарушить гармонию. Казалось, мы первые, кто ступает на эту землю.

Жители поселка Комсомольский встретили нас гостеприимно и с радостью. Они устроили концерт прямо в степи, около белой кибитки.

Дождь в степи – хорошая примета

28 апреля 2002 года. Улан-Туг (Калмыкия, Яшкульский район) – разъезд Белое Озеро (Калмыкия, Черноземельский район) – 35 км

Утро в окрестностях селения Нарын-Худук совхоза «Улан-Туг» встретило нас дождем. «Нарын-Худук» в переводе с калмыцкого означает «солнечный колодец». В нем пятьсот пятьдесят три жителя.

Люди здесь, как и везде, гостеприимны.

– Начавшийся дождь – тоже хорошая примета. Небеса вам покровительствуют, – сказали местные жители.

Нехватка воды – беда не только этой земли. Для всей Калмыкии вода – ценнейший дар природы.

В этой экспедиции параллельно с нами всегда шла машина. Нехватка воды вынуждала возить на ней канистру для питья. Людям и лошадям вода и еда необходимы каждый день, только верблюды способны долго обходиться без воды, хотя и их нужно кормить фуражом.

Каждый раз, когда мы приходили на место стоянки, караван уже ждали люди, которые приспособили ее для ночевки, поставили летнюю кухню, готовили караванщикам ужин и с улыбкой встречали путников. Это не группа поддержки, а второй эшелон каравана, те участники экспедиции, которые, пожалуй, даже больше нас любили эту дорогу, землю, верблюдов и лошадей.

Под руководством начальника второго эшелона Сергея Григорьевича двое студентов и один младший научный сотрудник хлопотали на кухне, готовили, мыли посуду, ставили и убирали летнюю кухню.

Студенты – это Роман Балдашинов и Владимир Каташов. Они выиграли конкурс, чтобы участвовать в экспедиции. Пятьдесят заявлений поступило от студентов Калмыцкого филиала СГУ, и лишь двое получили такую возможность.

Красота временна

29 апреля 2002 года. Белое Озеро (Калмыкия, Черноземельский район) – Джилькита (Калмыкия, Лаганский район) – 55 км

Утро. Караван покинул разъезд Белое Озеро и направился в сторону Джилькиты. Теперь мы шли по земле Лаганского района, который прилегает к Каспийскому морю[111].

Лаганский район включает все каспийское побережье. Общая протяженность береговой линии – 170 километров.

На пути к Джильките природа дарила небывалую красоту. Сколько в степи оттенков? Я пыталась подсчитать и не смогла.

Красота временна. В конце мая исчезнет живописность, останутся сухие стручки и совсем мало травы для пастбищ. Эта картина привычна для тех, кто живет здесь. В ней будет своя красота, наполненная очарованием суровых испытаний.

Караван плутал до самого вечера. Устали все: и люди, и животные. Когда наконец нашли правильный путь, оказалось, что нужно идти еще не менее семи километров.

Чем ближе караван подходил к Джильките, тем сильнее ощущался запах Каспийского моря. На одном из бугров пред нами предстало большое озеро, наполненное соленой водой. Это был кусочек Каспийского моря. Дорога все сильнее увлажнялась, и кое-где заблестели большие лужи. Мы заволновались за верблюдов. Они пошли по мокрой поверхности. Только бы не поскользнулись!

Скоро путь стал еще сложнее. Когда оставалось совсем немного до места стоянки, дорогу, выложенную крупным булыжником, перерезал бурлящий водный поток. Молодые верблюды закричали от испуга.

Яшка, на котором Федор вел караван, сильно заволновался. Он заметался и сразу же пошел в конец каравана. Верблюд не хотел идти вперед, хотя Федор громко и властно приказывал ему: «Чу-чу!» – и усердно погонял его плеткой. Яшка упорно шел назад.

– Федор! Ирина! Идите в конец каравана, я к вам присоединюсь, – крикнул нам Сарсынбай. Он в этот день объезжал верблюда Баира, и тот был неспокоен.

Главный погонщик подъехал к Аляту и поручил ему вести караван. Алят на своем жеребце Исполине взял Атамана за веревку и стал переводить караван через бурный поток. Федор, я и Сарсынбай на наших верблюдах пристроились в конец верблюжьей цепочки. Остальные на лошадях распределились впереди и сзади каравана.

Молодые верблюды растопырили ноги и отчаянно сопротивлялись движению вперед. Особенно громко кричал Алтын. Переволновавшийся Нельсон поскользнулся и упал в воду. Другие верблюды тут же потянулись от испуга назад. Неожиданно возник хаос. Волнение в караване было сильнее водного потока. Кто выиграет эту схватку?

Не в такой ли момент начинаешь особо ценить вожака? Атаман принял вызов водной стихии. Спокойно и бесстрашно вошел он в воду и потянул за собой весь караван.

Каравану пришлось трижды пересечь водный поток. Вместо намеченных 55 километров мы прошли более 80.

Добравшись до стоянки, верблюды и лошади тут же опустились на землю.

Малыш лег рядом с Атаманом и прижался к нему. Вожак сидел с высоко вытянутой шеей, прикрыв глаза. Стоящий рядом таз был полон фуража. Он к нему так и не притронулся.

Федор и я подошли к Нельсону. Бедняжка от усталости низко опустил шею и закрыл свой единственный глаз. Другой глаз, когда-то сильно поврежденный погонщиками во время тренировки, неожиданно закровоточил. Я аккуратно сняла с головы верблюда остатки шевелюры и положила шерсть в свою дорожную сумку. С лысой головой Нельсон напоминал большую мышку. Другие верблюды тоже изрядно истрепались в этом пути. Длинный переход ускорил процесс весенней линьки.

– Пройдет усталость, и они снова захотят в путь.

День отдыха

30 апреля 2002 года. Джилькита (Калмыкия, Лаганский район). День отдыха

После вчерашнего изнуряющего перехода мы решили дать отдых животным и себе.

В Джильките удалось испробовать на себе действие артезианской серной воды, той самой, которая горит, если ее поджечь. В день отдыха все от души наплескались в водном потоке, непрерывно бьющем из скважины.

День выдался тяжелым

1 мая 2002 года. Джилькита (Калмыкия, Лаганский район) – Артезиан (Калмыкия, Черноземельский район) – 45 км

Наступил новый день. Вся страна празднует 1 Мая, а мы, как обычно, отправляемся в путь. Вчера был день отдыха, но скорее для верблюдов, чем для нас.

Жара всех утомила, хочется отдохнуть от нее.

Я потеряла белый шарф, прикрывающий мое лицо от сильных лучей солнца. Погонщик Борис на своей лошади Мечте подобрал этот шарф в степи и вернул мне. В благодарность Федор подарил ему точно такой же для его жены Тани.

Этот день выдался тяжелым, путь завершили к закату солнца. Поменялся остановочный пункт маршрута. Вернее, одну стоянку караванщики решили миновать. В итоге вместо 25 километров прошли 45, восемь часов пути.

Верблюды скидывают шерсть

2 мая 2002 года. Артезиан (Калмыкия, Черноземельский район) – Кочубей (Республика Дагестан, Тарумовский район) – 24 км

08:30. Через несколько минут караван отправится в путь, чтобы пересечь границу между Калмыкией и Дагестаном. Вчера прошли около 45 километров, а сегодня нам идти чуть больше 20. Это займет всего около трех часов.

Рядом с нашей палаткой лежат Яшка и Борис. Верблюды хорошо отдохнули. Они паслись на сочных травах, и настроение у них доброжелательное. На наших глазах они скидывают густую шерсть, которая грела их зимой, и под ней виден мягкий пушок. В ближайшие дни погонщики приступят к стрижке животных.

Все просят на память кусочек верблюжьей шерсти. Люди берут его, делают веревочки, вешают их на запястье детям от сглаза, прячут клочок шерсти перед входом в дом.

В **09:35** караван подошел к границе с Дагестаном. Речка Кума – это граница между Европой и Азией. Много людей собралось нас встречать, некоторые пришли семьями, по двенадцать-пятнадцать человек.

Когда-то по этой земле через Дербент[112] ходили караванные торговые пути до самого Китая, а теперь многие, особенно дети, дивятся каравану. Кто-то спрашивает:

– Куда идет ваш табун?

Слово «караван» непривычно.

Местным жителям не верится, что и здесь водились верблюды.

Тут же слышны вопросы: «Для чего вы идете? Зачем?» Всегда находятся те, кто задает такие вопросы.

– А вы зачем живете на этой земле? – спрашивает в свою очередь Федор.

Зачем люди пашут землю, пасут овец? Разве можно дать этому объяснение?

В Дагестане живут люди тридцати трех национальностей, разные по культуре и вере, но все они мирно сосуществуют.

Движение в караване – работа мышц и отдых души. Это и есть гармония.

Жизнь верблюда в диких условиях

3 мая 2002 года. Кочубей (Республика Дагестан, Тарумовский район). День отдыха

Мы остановились недалеко от Кочубея. Численность жителей этого поселка – чуть больше четырех тысяч человек. Кочубей – Дагестан в миниатюре.

Возвращаемся в калмыцкие степи

4 мая 2002 года. Кочубей (Республика Дагестан, Тарумовский район) – Артезиан (Калмыкия, Черноземельский район) – 15 км

11:30. Караван покидает Дагестан. Из Азии в Европу, через реку Кума мы вновь переходим в калмыцкие степи.

Федор на Яшке ведет караван. Путь каравана сегодня недлинный. Пройти 15 километров – это как пропеть песню, легкую и стремительную.

Мы стремимся из города в степь. Природа человека противоречива. Он не может просто так слиться с природой, ему нужно действовать, создавать свой искусственный мир и быть в нем победителем.

Люди воюют не из-за веры

5 мая 2002 года. Артезиан (Калмыкия, Черноземельский район) – Андратинский (Калмыкия, Черноземельский район) – 25 км

Утро. По православному календарю сегодня Пасха, по гражданскому – День радио.

Путь проходит вдоль канала, и на одном из участков встретились рыбаки. Они сетями ловили сазанов, и мы купили у них несколько больших рыбин на уху.

В полдень караван сделал остановку на ферме у даргинцев[113].

– Верблюд – любимое животное пророка Мухаммеда, – говорит хозяин фермы Ахмед. – И почему люди воюют из-за веры? – удивляется он.

Ахмед – мусульманин, он ходил в Мекку, но уважает все веры.

Это не люди воюют, а их правители. И не из-за веры, а из-за стремления к богатству и власти.

Дождь лил всю ночь. Мы с Федором отказались спать в доме, предпочли палатку. Перед сном долго слушали, как стучат капли по тенту. Этот стук был то тихим и медленным, то ускорялся и звучал, как поток струй. Мы думали о наших верблюдах. Им, должно быть, неуютно и мокро, попоны намокли и не греют.

Утром показалось, что все промокло насквозь, но дождь и воздух были теплыми, и это нас спасало. Никто не замерз: ни животные, ни люди.

Земля – единая для всех

6 мая 2002 года. Андратинский (Калмыкия, Черноземельский район) – Яковлево (Калмыкия, Черноземельский район) – 34 км

Дождь прекратился необычайно быстро, а казалось, он зарядит надолго.

Караван остановился, чтобы поздороваться с чабаном и его детьми. Мы всегда это делали, приветствовали каждого чабана – подлинного хозяина степи.

При остановке Борис сразу же прижался к Алмазу. Я погладила мягкие и нежные носы этих верблюдов. Продолговатые и чуть морщинистые носы такие же бархатные на ощупь, как кожа младенца или шерстка молодого котенка.

В нашем караване верблюды держатся отдельно, лошади пасутся своим табуном.

Караван прошел уже больше трети пути

7 мая 2002 года. Яковлево (Калмыкия, Черноземельский район) – озеро Можарское (Калмыкия, Черноземельский район) – 39 км

Можно бесконечно наблюдать за тем, как верблюды аккуратно срывают своими мягкими губами траву и листья, перемешивая ароматную полынь с сочной люцерной и эфирными маслами джузгуна. Они берут с куста несколько листиков, с пучка зелени немного травинок и идут дальше. После них растение остается таким же пышным и свежим. Верблюды никогда не вырывают растение с корнем, едят лишь верхушки. Они настолько мягко ступают по земле, что трава, попадающая под их широкие ступни, тут же выпрямляется.

Обычно караван приходил на стоянку после полудня. В два-три часа дня он достигал намеченной цели, если путь не превышал 30–40 километров. Нас кормили обедом, ужином и завтраком. Нас встречали и провожали. Караван уже прошел больше трети пути, пятьсот с лишним километров, но каждый раз мы по-новому открывали для себя жителей степи.

Заходя в очередное селение, мы всегда спрашиваем:

– Как вы здесь живете?

– Хорошо живем.

Один пас, другой огородничал, третий рыл колодцы и развозил воду. Были и такие, кто умел разделывать туши баранов. Учителя и врачи находили здесь себе занятие. Каждый трудился для себя и для всех одновременно. Больницы и школы – для всех.

Найденыш

8 мая 2002 года. Озеро Можарское (Калмыкия, Черноземельский район) – Новый (Калмыкия, Черноземельский район) – 33 км

Сарсынбай нашел в степи малыша козленка. Черный, как ночь, и нежный, как котенок, тот безмятежно спал.

– Возьми, это тебе, – сказал он.

Очутившись на моих руках, малыш сразу же прижался к груди, спрятав свою маленькую кудрявую головку.

– Положи его на седло впереди себя, – посоветовал Федор. – Ты устанешь его все время держать на руках. Мы прошли только половину пути.

Я положила козленочка впереди себя на седло. От испуга он жалобно закричал, но когда я стала гладить его за ушками, чуть успокоился. Прошло совсем немного времени, и он с любопытством стал поглядывать на верблюдов, движущихся в караване.

Радость дороги

9 мая 2002 года. Новый (Калмыкия, Черноземельский район) – Светлый (Калмыкия, Ики-Бурульский район) – 25 км

Зажглись звезды.

Подошел Федор, сел рядом и, обняв за плечи, спросил:

– Как ты себя ощущаешь здесь? Не устала?

– Счастливой ощущаю.

– А физически не тяжело?

Радость дороги побеждает физическую усталость.

«Верблюдов нужно постригать»

10 мая 2002 года. Светлый (Калмыкия, Ики-Бурульский район) – Шерет (Калмыкия, Ики-Бурульский район) – 45 км

Караван шел на юго-запад.

Сегодня мы перешли из зоны песчаных почв, долин и саг – обиталища древнего моря – в зону холмов и глинистой почвы. Это берега бывшего моря. Впереди голубеют холмы. Сколько бы ни шли, всегда новый ландшафт, всегда живописно и красиво.

Я до сих пор под впечатлением вчерашней стрижки Атамана. Во время этой процедуры вожак испытал настоящий стресс.

В тот момент, когда его резко перевернули с одного бока на другой, у меня защемило сердце. А если сломаются горбы? Связанный Атаман громко и непрерывно ревел. Когда стрижка закончилась и его отпустили, он вскочил, отбежал метров на сто от людей и встал, высоко вскинув свою могучую голову. Оголенный, с тонкой беззащитной шеей и обнаженными боками, еще более похожий на нелепое существо, нечто среднее между страусом и динозавром, он все равно выглядел гордым и величественным.

Что-то по-детски беззащитное и потешное появилось в нем. Многие не выдержали и засмеялись, увидев новый образ вожака.

Глядя на Атамана, подумалось, что верблюды появились еще при динозаврах.

– Верблюдов нужно постригать обязательно, – объяснил Сарсынбай. – Иначе у них сгорит кожа под шерстью в жаркие дни.

Мы с Федором вчера сделали две подушки из шерсти Атамана. Спалось на них хорошо. Подушки были мягкие и упругие.

Булька и Сонька

12 мая 2002 года. Шерет (Калмыкия, Ики-Бурульский район) – гора Шаред – Чографское водохранилище (Калмыкия, Ики-Бурульский район) – 44 км

Третий день идем по плато Кумо-Манычской низменности[114] в сторону возвышенностей. С левой стороны простирается горная гряда с самой большой горой в Калмыкии – Шаред.

Вчера утром местные жители принесли нам в подарок полуторамесячного ягненочка. Он беленький, чуть больше козленочка Сони и будет теперь его другом. В честь хозяина, подарившего ягненка, мы назвали нашего нового малыша Булатом, или ласково – Булькой.

Булька рос без матери, воспитывался людьми и поэтому сразу же вписался в наш коллектив.

29-й день пути

13 мая 2002 года. База отдыха на Чографском водохранилище (Калмыкия, Ики-Бурульский район). День отдыха

Вчера в полдень караван прибыл на Чографское водохранилище – самый крупный искусственный водоем в Калмыкии.

В день отдыха погонщики постригли еще семь верблюдов.

Во время стрижки животных усмиряли по-разному. Алмаз, Яшка и Борис сидели спокойно. Неплохо повели себя Аю и Баир, но для подстраховки этих молодых верблюдов держали за переднюю веревку. Малыша и Снежка перевязали, положили на бок, а переднюю веревку привязали к машине. Иначе их невозможно было усмирить. У Малыша из места прокола капала кровь, а из глаз текли слезы.

Половина пути пройдена

14 мая 2002 года. Чограйское водохранилище (Калмыкия, Ики-Бурульский район) – река Калаус (Калмыкия, Ики-Бурульский район) – 32 км

Караван отправился в путь только после обеда.

С сегодняшнего дня Федор сел на Атамана, а я снова на Яшке. Бориса запрягли в караван.

Караван отмечает половину пройденного пути. Позади 800 километров. Возможно, что у субургана[115] все участники загадали одно и то же желание: путь каравана не должен прерваться.

На наших глазах постепенно разрушается миф о том, что верблюды боятся воды. Вот и сейчас они все очень даже спокойно перешли болотную лужу – аппендикс реки Калаус.

Вожак отстаивает право на лидерство

15 мая 2002 года. Река Калаус (Калмыкия, Ики-Бурульский район) – Воздвиженское (Ставропольский край) – 36 км

Мы идем в сторону Воздвиженского. Солнечно.

Второй день Федор вел караван на Атамане. Иногда Атаман брал инициативу на себя и выбирал дорогу. Федор пытался усмирить его строптивость не слишком сильным ударом хлыста и настаивал на своем выборе. Он, как и три наших погонщика, был уверен, что в караване именно человек должен править верблюдом, властвовать над ним. Но иногда Атаман побеждал. С ревом он добивался своего.

Когда вожак сопротивлялся, он разворачивался внутрь каравана. Цепочка верблюдов начинала скручиваться по спирали, как змея. Так всегда группируются верблюды в караване, когда чувствуют опасность или когда им что-то не нравится.

Караван продолжил путь.

Впереди виднелись поля, засеянные ячменем и люцерной. Мы ступили на территорию Ставропольского края.

Маленький город солнца

16 мая 2002 года Воздвиженское (Ставропольский край). День отдыха

Со вчерашнего вечера караван расположился лагерем на окраине села Воздвиженское, которое вытянуто на семь километров.

Сегодня исполнился ровно месяц, как экспедиция стартовала из Цаган-Амана. Прошли уже больше половины пути. Сколько всего было пережито, испытано и совершено за эти дни! И как жаль, что время летит так быстро.

В каждом человеке живет страсть к путешествиям. Но особую тягу к ним испытывают люди-творцы.

Население села – четыре с половиной тысячи человек. Дома из белого кирпича добротные. Почти в каждом дворе стоит машина.

Жители, люди разных национальностей, приносили в лагерь плоды своего труда – молоко, хлеб, масло, сметану.

Караван пять раз перешел евразийский Рубикон

17 мая 2002 года. Воздвиженское (Ставропольский край) – Приютное (Калмыкия, Приютненский район) – 58 км

Сегодня у каравана была долгая, но очень живописная дорога. Больше половины пути двигались вдоль длинной и широкой реки Маныч. С правой стороны реки высокие песчаные кручи.

В центре на острове живут старообрядцы. В их особую жизнь мало кто стремится проникнуть.

Лишь к вечеру караван пришел в Приютное, преодолев 59 километров. Снова перешли границу Азии и Европы, из Ставропольского края вернулись в Калмыкию.

За время экспедиции караван пять раз переходил из Европы в Азию и обратно.

Первая православная церковь

18 мая 2002 года. Приютное (Калмыкия, Приютненский район). День отдыха

В Приютном живут около четырех тысяч человек, в основном это русские. Этим и уникально калмыцкое село, граничащее со Ставропольским краем.

Невозможно не заметить, что русские в этих краях отличаются от тех, которые живут в средней полосе России, в Нечерноземье. Здесь у них более развито чувство хозяина. Люди стремятся в чистоте содержать свой дом, выращивать сады, виноград и овощи. Они больше трудятся и меньше пьют спиртного. Пьянство мало развито.

Сегодня утром мы посетили первую православную церковь. Число прихожан все время растет. Труд на земле обостряет в человеке потребность в духовном.

Атаман чувствует, что везет главу республики

19 мая 2002 года. Приютное (Калмыкия, Приютненский район) – Оджур (Калмыкия, Приютненский район) – 35 км

Ждали прибытия президента Калмыкии. Он выразил желание пройти с нами в караване.

Выход назначили на 10 часов утра, а обычно мы трогаемся в восемь. Караван уже выстроен. Верблюды мирно лежали и дожидались команды. Ровно в восемь Атаман вскочил, чтобы отправиться в путь. У него уже выработался рефлекс.

В назначенное время Илюмжинов приехал в сопровождении охраны и сотрудников аппарата. Он одет по-спортивному и готов отправиться вместе с караваном в путь.

– Я бы хотел, чтобы вы как президент Калмыкии ехали на вожаке Атамане впереди каравана, – говорит Федор.

– Хорошо, – соглашается Кирсан Николаевич.

Атаман воспринял президента и его охрану спокойно. Он не сопротивлялся, когда президент Калмыкии сел на него.

Погонщик Борис на своей лошади Мечте взял за веревку Атамана, вожак встал и караван тронулся.

Атаман шел спокойно и ровно. Он чувствовал, что везет главу республики.

На половине пути, ближе к полудню, мы остановились, чтобы попить чаю у даргинца Магомеда-Али. Здесь Илюмжинов попрощался с караваном и вместе со свитой покинул нас.

Большое Ремонтное

20 мая 2002 года. Оджур (Калмыкия, Приютненский район) – Большое Ремонтное (Ростовская область) – 21 км

Раннее утро. Место ночной стоянки – у источника ключевой воды.

В этот день караван переходит в Ростовскую область, в поселок Большое Ремонтное. Светит солнце и дует прохладный ветерок.

В **11:30** экспедицию встретил глава администрации района Ремонтный. Хлеб-соль в руках красивой дородной девушки, рюмочка водки, песни и пляски нарядных женщин – все это рядом с курганом, который одновременно пересекает Калмыкию и Ростовскую область.

Село Большое Ремонтное[116] возникло в период развития торгового пути – Екатерининского тракта. Во времена Екатерины II купцы двигались в сторону Астраханской области и останавливались в этих местах. Здесь, на перекрестке трактов, они чинили повозки, меняли лошадей и т. д. Так и появилось Большое Ремонтное, в котором живут представители более тридцати национальностей.

Подарок

21 мая 2002 года. Большое Ремонтное (Ростовская область) – Чагорта (Калмыкия, Целинный район) – 40 км

– Жди прибавления в своем хозяйстве, – весело заметил Владимир Зайцев, оператор и режиссер, сопровождающий в этот день караван на машине СГУ. Он загадочно улыбался, выглядывая из полураскрытых окон «соболя»[117], когда машина поравнялась с нами. Владимир Зайцев и оператор СГУ Дмитрий ехали в Большое Ремонтное, чтобы, как обычно, заснять приход каравана и его встречу с местными жителями.

– Нам кого-то подарят, – предположили мы с Федором.

Так оно и вышло. В Большом Ремонтном на центральной площади каравану подарили полуторамесячного щенка кавказской овчарки по имени Алмаз. Подслеповатый комочек безмятежно спал у меня на коленях, пока мы ужинали в кибитке, накрытой жителями Чагорты – соседнего села.

Он совсем кроха, а проявляет характер, немного тявкает, когда замерзает, но больше пищит. Спать Алмаз будет с нами в палатке, так как по ночам еще холодно. Соня и Буля подросли и теперь укладываются на ночь в большую коробку возле палатки.

На подходе к Чагорте мы увидели табун ахалтекинцев[118]. В первых рядах стояла белая беременная лошадь. Она встречала караван. Говорят, увидеть такое – к счастью. Другая хорошая примета – в день прихода каравана в Чагорте родился жеребенок.

В Чагорте проживает всего восемьсот жителей, она знаменита своими ахалтекинцами, которые завезены сюда из Туркмении.

Директор конефермы, председатель совхоза и глава местной администрации, встретив караван, задумались о закупке верблюдов. Туристы из разных мест приезжают сюда и очень любят кататься на лошадях.

«Почему бы нам не открыть туристический маршрут для прогулок и на верблюдах?» – принялись размышлять они.

Нужны ли лошади каравану?

23 мая 2002 года. Переход по территории Целинного и Кетченеровского районов, Калмыкия. Стоянка в 5 км западнее поселка Годжур – 53 км

В знойный день караван вышел из Чагорты в сторону Годжура, что в переводе с калмыцкого означает «голубой родник».

В переходе длиной 53 километра испытываешь все тяготы изнуряющей жары.

А в Москве ноль градусов, выпал снег.

Караван шел по ровному полю, усыпанному желтыми цветами, и казалось, что это земля раскалилась от солнца.

Выдержать бы эту дорогу.

В караване способен идти только человек, обладающий страстью к этому виду передвижения. Пройти 20–30 километров в день может каждый, а вот 40–50 – утомительно.

Передвижение на верблюде особенно трудно. Скачущие на лошади могут оторваться, отдохнуть в степи, пока движется караван. На верблюде от каравана не оторвешься.

Когда до места стоянки оставалось не более километра, все увидели, что по степи навстречу идет седой человек. Это был Горя Гакович, ветеран войны. Он работал гуртоправом, пас коров. В день прихода каравана ему исполнилось 79 лет.

Люди тут же слезли с верблюдов и лошадей и поклонились ему. Он обнял каждого и сказал:

– Я дарю вам свои годы.

Это был самый щедрый подарок.

Уже на закате члены экспедиции разбили палатки среди старых раскидистых вязов с большими стволами. Возраст этих деревьев – 300 лет. Когда-то их посадили наши предки, а теперь мы пользуемся плодами их трудов.

В общей дороге люди связаны между собой

24 мая 2002 года. Переход по территории Кетченеровского района, Калмыкия. Стоянка в 1 км западнее поселка Ергенинский

Караван вышел в полдень из Годжура в поселок Ергенинский. Переход небольшой, 12 километров.

Люди навязывают верблюдам этот путь, но вправе ли они? Иногда я вижу в глазах верблюдов страх, иногда усталость.

Сетка у входа в палатку отделила нас от внешнего мира. Здесь приходится отгораживаться: кругом клещи и москиты. Если бы каждый был сам по себе, то, наверное, проявлял бы больше легкомыслия и реже закрывал сетку. Но здесь, в караване, каждый связан с остальными.

Заболеть или травмироваться – это значит подвести своих друзей.

В общей дороге люди связаны между собой. Утром нельзя вставать тогда, когда захочется. Нужно завтракать вместе со всеми. Невозможно сделать привал тогда, когда твое тело и спина верблюда чувствуют безмерную усталость. Движение и время остановок едины для всех.

За стеной палатки слышен голос Федора. Он обсуждает план завтрашнего дня. Это тоже несвобода. Все заранее просчитывается. Таков ритм движения в караване.

Перед тем как зайти в палатку на ночлег, Федор собирается починить седло. Он все время устраивает караван. Меняет седла, веревки. Он будет его устраивать весь наш путь. Такова психология человека, ведущего людей вперед.

И вновь в дорогу

25 мая 2002 года. Переход по территории Кетченеровского района, Калмыкия. Стоянка в 2 км западнее города Кетченеры – 30 км

Для путников дни недели потеряли смысл. Сегодня караван покинул поселок Ергенинский и двинулся в сторону города Кетченеры.

Обильное

27 мая 2002 года. Обильное (Калмыкия, Сарпинский район). День отдыха

Вчера мы совершили небольшой переход по маршруту Кетченеры – Обильное. Прошли 27 километров. Селение расположено в глубине балок в оазисе деревьев – вязов, яблонь, груш и старых ив. Здесь благодатная земля дает хороший урожай, поэтому и называется селение Обильным.

Все немного устали

28 мая 2002 года. Обильное (Калмыкия, Сарпинский район) – Кануково (Калмыкия, Сарпинский район) – 35 км

Бывает ли безмятежным путь, по которому идет человек? Вселять в людей оптимизм – это не значит говорить о просторах и красоте степи, величии и самобытности верблюдов, на которых сидит человек, физически немощный по сравнению с теми, кто везет его.

Наблюдая за людьми, идущими в караване, неизбежно задаешься вопросом: что движет ими?

Один из погонщиков вот уже несколько дней не идет в караване, предпочитая машину. Он слишком молодой для такого медленного пути. Ему бы мотоцикл или скоростной автомобиль, и он тут же полетел бы с ветерком по степи, обгоняя табун лошадей. Таковы законы молодости.

Другой погонщик все время скучает по дому, жене и детям. Он не расстается с фотографиями близких. Тихо, наедине с собой скучает, и тем заметнее его грусть. Этот погонщик слишком привязан к своей семье.

Третий погонщик тоже грустит. Он уже далеко не молод, и дома осталась больная жена под присмотром младшего сына. Путешествуя в одиночестве по степи верхом на любимом коне Арапе, этот погонщик часто думает о старшем сыне, погибшем в армии. Его молодая собака Беркут уже давно устала бежать рядом с караваном. Пес похудел и осунулся, ему тоже хочется покоя.

Но больше всего устали люди, сопровождающие нас, – караванщики «второго эшелона». Постоянная дорога на машинах и устройство ночных стоянок намного утомительнее, чем наше путешествие, ибо их труд лишен разнообразия. Этим людям мы должны быть благодарны больше всего.

Осталось чуть больше двух недель до завершения пути. Невольно начинаешь думать: а не упустил ли ты что-то важное, что может дать эта дорога?

Чем дольше идет караван, тем быстрее бежит время.

А зачем ты живешь?

30 мая 2002 года. Новый (Волгоградская область)

День отдыха.

Караван остановился вчера вечером в дубовом лесочке на границе между Сарпинским районом и Волгоградской областью.

Поздно вечером Федор и я возвращались с прогулки по песчаным кручам вместе с нашими малышами Соней, Булькой и Алмазиком. Целая галерея машин, направляющихся в сторону лагеря, попалась нам навстречу. Эти люди приехали из Волгоградской области.

Тучный мужчина решительно зашел на кухню-палатку, где караванщики только что разместились на ужин.

– Где тут у вас главный? Мы приехали специально, чтобы сфотографироваться.

Главным назвали Федора, и тогда гость обратился к нему с тоном, не терпящим возражений.

– Потом поешь, пошли, нашим женщинам не терпится с тобой запечатлеться.

Федор оставил ужин и направился к гостям. Их было человек десять: мужчины и женщина. Они столпились у двух машин и ожидали встречи.

– Что они у вас такие дохлые, ваши верблюды? – задала вопрос одна из женщин.

Мы промолчали, просто не знали, что сказать в ответ на такое приветствие.

– Зачем ты идешь с этим караваном? Для себя ищешь приключений? Живешь для себя? – спросил Федора тот самый тучный мужчина, что прервал ужин в палатке.

– А зачем ты живешь? – резко парировал рассерженный Федор.

С какой целью вы идете?

Такой вопрос нам задают часто. Иногда мы терпеливо поясняем о целях нашей экспедиции, а иногда уклоняемся от ответов, задавая встречные вопросы.

– А зачем вы печете хлеб или пасете овец? Зачем вы приехали к нам сюда в лагерь?

– Интересно.

– Вот и нам интересно.

У каждого человека, живущего на земле, должна быть цель, осуществление которой было бы ему интересно. Цели эти разные. И может наступить момент, когда человек обнаруживает, что цель

его пуста или достижение лишь одной цели привело в тупик, а дальше наступило бесцельное существование.

Цель велика, когда ее осуществление породит добрый плод. Построить храм или восстановить его – великая цель. Вспоминается храм Архангела Михаила в селе Обильное, душный маленький молитвенный дом в Кегульте, где отмечали столетие разрушенного храма. Что-нибудь изменится в этих местах, если через десять лет караван снова посетит их?

«Знойный воздух Парижа»

Если нет заботы о малом, то и большое развалится. Погубивший дерево не построит на этом месте добротный дом. Если можно его спасти, сначала пересади, а потом возводи строение. Тогда будет счастье в твоем доме.

Три свадьбы – хорошая примета

1 июня 2002 года. Перегрузное (Волгоградская область) – Коробкин (Калмыкия, Сарпинский район) – 25 км

Первый день лета. Караван покинул село Перегрузное Октябрьского района Волгоградской области и снова шел по степям Калмыкии.

В селе, которое мы оставляли, в этот день праздновали сразу три свадьбы. Хорошая примета.

Природа дарила обилие цветущего льна. Нежные синие и голубые цветочки рассыпались лагунами вперемешку с цветущим белогривым ковылем. Хочется взять кисть и запечатлеть на холсте увиденное. Голубые и зеленые волны на земле. Степь и океан – субстанции одного величия. Лишь пение жаворонков напоминает о том, что мы на земле.

Коней на переправе не меняют

3 июня 2002 года. Коробкин (Калмыкия, Сарпинский район) – Ханата (Калмыкия, Малодербетовский район) – озеро Шардава-Хаг (Калмыкия, Малодербетовский район) – 27 км

Караван вышел поздно – в 9 часов утра. Уже через час наступила изнуряющая жара. Сегодня нет спасительного ветра. От верблюдов исходит сильное испарение, им тоже жарко.

Летом температура в этих местах достигает 40–50 градусов в тени, и такая жара стоит 40–50 дней. Высыхают все источники, вода остается только в глубоких колодцах. Но люди не покидают эти места.

Вчера в скачках на Джангариаде в поселке Ханата участвовали три верблюда из каравана: Атаман, Яшка и Борис. Выиграл Атаман. Он скакал галопом и напоминал большого разъяренного льва. Его разозлил Сарсынбай, который управлял им на этот раз через веревку, продетую в отверстие между носом и ртом.

Атаман уже два дня не в настроении. Его одолевают мухи и жара. Он очень чувствителен к мелким неудобствам, зато большие испытания переносит стоически. Такие качества характера обычно присущи лидеру.

Федор задумал искать другого лидера, пообщительнее, который мог бы всегда идти вперед, отвечать на все команды ведущего караван.

Возможно, есть такой, больше отвечающий требованиям к вожаку, но сейчас Атаман лучший, и пока ему замены нет. Коней на переправе не меняют.

Приезд сыновей

7 июня 2002 года. Дашман (Калмыкия, Кетченеровский район) – Алцынхута (Калмыкия, Кетченеровский район) – 21 км

Караван вышел в сторону Алцынхуты.

Радостью для нас стал приезд в караван наших старших сыновей – Оскара и Анатолия. Все время в дороге нас не покидало чувство досады: дети не видят той красоты и не испытывают того блаженства пути, что подарила нам судьба.

И вот сегодня они с нами идут весь переход. Оскар хорошо освоился на Булеваре, мерине Федора, а Анатолий, уверенно восседая на верблюде Алмазе, любуется степью и не скрывает своего восторга. Наши сыновья пройдут с нами до самого финиша, и мы сможем разделить с ними всю палитру чувств, охватывающую путников, когда они проходят последние километры.

Причастность к роду

10 июня 2002 года. День отдыха. Бага-Чонос (Калмыкия, Целинный район)

Бага-Чонос в переводе с калмыцкого означает «молодые волки». Среди народов, живущих в степях и часто сталкивающихся с волками, это животное с древних времен служит тотемом. Существует легенда о происхождении предка всех тюрок от волчицы. На знаменах тюрок красовалась золотая волчья голова. По-тюркски волк – «бури», по-бурятски – «шоно», по-калмыцки – «чоно». Вот мы и пришли в калмыцкое селение, в названии которого присутствует слово «чоно».

У калмыков глубоко развито чувство родовой общности. Житель половецких степей ощущает себя не только обитателем Калмыкии, он чувствует свою принадлежность к тому или иному роду, к историческим племенам, составляющим калмыцкий народ.

Начиная с XVII века калмыки сохраняют связь с религиозным центром ламаизма – Тибетом. Хождение в Лхасу[119], поклонение буддийским реликвиям и местам, далай-ламе и другим иерархам считалось святым долгом для каждого верующего калмыка.

После Бага-Чоноса каравану предстояла дорога в Овату.

Овата – Святая земля. На ней стоит Белая ступа, построенная в 2000 году.

Завтра – последний день пути

11 июня 2002 года. Целинный (Калмыкия, Целинный район) – Троицкое (Калмыкия, Целинный район) – 42 км.

Завтра последний день нашего пути.

Караван идет по территории Целинного района и направляется в Троицкое.

На шее у Атамана звенит колокольчик, напоминая о любви к тем, за кого люди в ответе. Обнимая Яшку за шею, чувствую глубокую тоску. Лучшие эпизоды остались лишь в памяти, как о них рассказать?

Сегодня утром мы присутствовали на открытии ступы Просветления[120].

Там мы встретились с народным поэтом Калмыкии Давидом Никитовичем Кугультиновым. Он однажды сказал, что Калмыкия богата тремя бесконечностями: бесконечностью неба, бесконечностью степи и бесконечностью души калмыцкого народа. Все это мы испытали на пути каравана.

Давид Никитович дарил нам свои 80 лет.

Я не переставала удивляться тому, сколько благодати на нас сошло в Калмыкии. Люди готовы были отдать все, что у них есть. Они делились с нами пищей и кровом, дарили свои годы и духовное богатство.

Как хочется ответить такой же любовью!

Два месяца пути прошли как одно мгновение и как вечность.

Наши верблюды шли по степи, словно пели песню, они создавали картину жизни, выбирая лучшую дорогу.

Завтра я с удовольствием надену бишмек – длинное бордовое платье, черную просторную накидку и великолепный женский головной убор, сяду на Яшку и пропою с караваном лучшую песню.

Так же поступят и другие караванщики. Они наденут мужские национальные костюмы, и караван станет еще красивее.

Я думаю о наших верблюдах. Все наши верблюды еще молоды. К двадцати годам они станут зрелыми. Но независимо от того, попадут ли они в новый караван, эти животные навсегда останутся первопроходцами, участниками первого в России и в Европе каравана, состоявшегося в начале нового века и тысячелетия.

Караван встал на ночлег в нескольких километрах от села Троицкое.

Все взволнованы. Завтра мы завершим свой путь. Обсуждали, как будет выстроен караван при заходе в Элисту, как разместятся

люди на лошадях и верблюдах.

Когда поздно вечером мы с Федором забрались в палатку, я спросила:

– Ты обратил внимание, что село называется так же, как раньше именовали твое родное?

– Да, это символично, – улыбнулся он.

Благодарю всех

12 июня 2002 года. Троицкое (Калмыкия, Целинный район) – Элиста (Калмыкия, Целинный район) – 18 км

Караван подходил к Элисте. О чем думал каждый из участников? Можно лишь предположить, но чувство благодарности переполняет каждого.

«Созерцающая»

Благодарю Калмыкию, ее людей и степь за счастливые дни, которые никогда не забудутся. Мы все получили за время пути заряд любви от этой земли и ее людей, но получили ли они то же самое от нас? Нас не мучили такие жара или холод, которые сделали бы дальнейший путь невозможным.

Благодарю погонщиков и других участников экспедиции за то, что они во время этого пути были настоящими друзьями и всегда останутся ими.

Благодарю своего мужа – Федора Конюхова. Мы шли рядом в караване. Больше молчали, чем говорили. Но это молчание вдвоем связывало нас сильнее, чем самые горячие признания. Испытать вдвоем вечность – что может быть глубже этого ощущения?

Благодарю верблюдов и прошу у них прощения.

Завершилась экспедиция по следам Великого шелкового пути

12 июня 2002 года

Верблюды уверенно шли по асфальтированным дорогам Элисты. Одетые в национальные калмыцкие костюмы, мы махали руками, демонстрируя доброе отношение к жителям этого зеленого и уютного города.

«Я не хочу, чтобы все это закончилось!»

Я совершила свое восхождение

14 июня 2002 года. Ферма Сарсынбая – чабана и погонщика верблюдов. Совхоз «Полынный». 18 км от поселка Бергин (Калмыкия, Юстинский район)

Оставалось выполнить еще одно желание. Нам предстояло совершить восхождение на верблюдах на самый высокий бархан Калмыкии в поселке Бергин. Его высота – 8 метров.

Весной 2000 года в маленьком швейцарском городе Фрибуре, где я читала лекции в университете, случилось событие. Федор, ожидая в нашей уютной квартире моего возвращения с лекции, писал новую картину. На бумаге возникли песок, небо, верблюд и женщина, стоящая на верблюде.

Федор радостно встретил меня на пороге и воскликнул:

– Я написал твой портрет.

Песчаный бархан, на нем верблюд, освещенный золотым солнцем, и женщина, стоящая на верблюде. Белое платье и шелковый шарф, укрывающий ее лицо, чуть развеваются на ветру. Глаза и женщины, и верблюда устремлялись в безграничное небо.

– Эта женщина – я?

– Да, ты. Разве нет?

– А возможно ли это в жизни?

Шел лишь второй день нашего путешествия на верблюдах.

Главный погонщик Сарсынбай подъехал к нам и сказал:

– Вот и сбылась моя мечта. Я собрал караван, и он идет по этой земле. Но есть у меня еще два желания. Хочу, чтобы после этой экспедиции наш караван поднялся на мой бархан. Он самый высокий в Калмыкии, и его хорошо видно в солнечный день с моей фермы. На этом бархане, Федор, пусть Ирина встанет на Атамана. Пусть будет так, как на твоей картине (Федор подарил репродукцию ему и его жене Даше).

Верблюдов, всех по очереди, подняли на вершину. Сарсынбай принял решение:

– Встанешь на Атамана, Яшка на вершине спокойно стоять не будет, он боится.

Я села на вожака. Он при этом привычно издал недовольный звук, но тут же смирился. Главный погонщик подъехал сбоку на Яше, подал мне руку, и я стала медленно вставать на седло. Все! Я стою!!!

Главное – идти. Дорога не кончается никогда

16 июня 2002 года

Зазвонил будильник. Мы встречали утро в Москве, в художественной мастерской моего мужа. Федор нажал на кнопку будильника. Тишину теперь нарушал лишь шум машин за окном.

– Ирочка, – обратился ко мне Федор, – нужно поискать в библиотеке побольше материалов о Монголии, Китае и Тибете. Пора начинать готовиться к следующему этапу экспедиции на верблюдах.

В планах каравана теперь значились Монголия, Китай, а затем – Тибет и святыня буддистов – Лхаса.

Глава 6
Дело гребца. Ла-Гомера – Барбадос

Еще одну осень проживу в Мировом океане – на весельной лодке «УралАЗ». Жизнь тем и интересна, что сны могут стать явью. Риск для путешественника – привычное дело. Риск придает смысл моей жизни.

Федор Конюхов

Первое в истории России пересечение Атлантического океана на гребной лодке «УралАЗ». Установлен мировой рекорд в категории «одиночный переход» – 46 суток 4 часа. Федор побил предыдущий рекорд на 11 дней.

Маршрут: Канарские острова (о. Ла Гомера) – о. Барбадос.

Расстояние – 3 000 миль.

Старт – 16 октября 2002 года.

Финиш – 1 декабря 2002 года.

Сегодня лодка «Уралаз» находится в экспозиции музея на территории комплекса «Золотой пляж» на озере Тургояк Челябинской области.

Накануне плавания

15 октября 2002 года, город Сан-Себастьян, остров Ла-Гомера[121]. Из записей Ирины Конюховой

На закате солнца в городе Сан-Себастьян на острове Ла-Гомера пишу это письмо. Мой милый Федор, ты сейчас укрепляешь горшочек с геранью внутри лодки, рядом с выходом, а я смотрю на тебя. Я сижу в твоей лодке на том самом месте, на котором ты будешь грести веслами, и пишу тебе письмо.

Город погружается в тишину. С завтрашнего дня каждое утро, завершив свою утреннюю молитву, мы будем просить у океана милости. Ты – там, а я – на земле.

Мы назвали твою лодку «Ласточка». Она такая маленькая: семь метров длиной и меньше двух метров шириной. Ее высота всего один метр. Трудно представить, что именно на ней ты будешь переплывать Атлантический океан. Эта лодка стала нашей обителью и колыбелью в маленьком порту Сан-Себастьяна.

Счастливого плавания тебе на нашей «Ласточке»!

Старт

16 октября 2002 года. Город Сан-Себастьян, остров Ла-Гомера, Канарские острова

11:00. Раздался прощальный гонг. Яхты и рыбачьи лодки на пристани загудели все разом. Старт. Но мыслями я отплыл на рассвете.

12:00. 28°03’ с. ш., 17°06’ з. д. За час прохожу две мили. Лодка довольно быстро выбралась из гавани Сан-Себастьян острова Ла-Гомера. Я держу курс на юго-запад.

19:30. Ночь. Луна чуть затянута тучами – белыми хвостами. Ветра нет, зыбь, лодка стоит на месте. Звезды дрожат и пляшут в небе, как всегда перед штормом.

Новый день

17 октября 2002 года
27°40’ с. ш., 17°23’ з. д.

Солнце взошло в **08:03.** За это время прошел 32 мили. Нахожусь между островами Ла-Гомера и Эль-Иерро[122]. Ветер плохой, стоит толчея, большие волны идут с востока, а маленькие, крутые – с юга. Грести вообще нельзя. Весла ломает и вырывает из рук.

Долгожданный звонок из океана

17 октября 2002 года, город Сан-Себастьян, остров Ла-Гомера. Из записей Ирины Конюховой

09:10. Раздался долгожданный звонок из океана. Ты прошел уже 34 мили. Вчера у тебя был попутный ветер. А под утро задул встречный. Он принес большие волны. Лодка сильно качается, и ты до сих пор не ел ничего горячего. Мне становится неловко оттого, что здесь, на земле, наступило утро и все ее обитатели приступили к горячему завтраку. В воздухе витают запахи яичницы с фасолью, жареных бананов и горячего кофе. Я вижу с балкона, как мужчины сбивают на аллее сочные плоды маракуйи и срезают грозди фиников. Здесь рай, здесь не ощущают тревоги за завтрашний день. Ты сильный и потому ушел в плавание. Ты не хочешь благополучия и ищешь трудностей. Океан тебе их показывает. Он в очередной раз испытывает тебя.

«Голубые ставни»

На тысячи миль вокруг никого

18 октября 2002 года
27°13’ с. ш., 17°55’ з. д.

10:00. Курс 220°, 74 мили позади. Ветер восточный, небо в тучах. Нельзя впадать в отчаяние от одного вида бесконечного океана. Духота. В такую погоду не хочется работать. Все тело от морской соли и пота покрылось красной сыпью. Кожа, как после ожогов, слезает раз за разом. Я снял с себя всю одежду: здесь меня никто не увидит, на тысячи миль вокруг – никого.

Первая встреча с дельфинами

19 октября 2002 года, Москва. Из записей Ирины Конюховой

12:15. Твой голос еле слышен сквозь шум океана. Сейчас там нет солнца, пасмурно. Батарейки разрядились, и наш разговор может прерваться в любую минуту.

Один раз ты не успел закрыть люк, и большая волна проникла внутрь того отсека, где ты пытался отдыхать и разговаривать со мной по телефону. Вода наполовину заполнила отсек. Ты испугался за цветок и телефон. Они оба связывают тебя с землей. Все обошлось, волна не повредила их.

Вчера после полудня тебя посетили дельфины. Они оказались так близко, что до них при желании можно было достать руками. От дельфинов исходил приятный запах морской капусты и креветок. Один из них, самый любопытный и молодой, нырял под лодку.

Странную веду жизнь – купил билет в один конец

20 октября 2002 года

27°05’ с. ш., 17°55’ з. д.

09:00. Начался день. Океан разбушевался. Время от времени огромные волны захлестывают лодку. Все отсырело, вчера вечером в каюту залетела волна и залила все, в том числе и телефоны.

19:00. На закате небо казалось раскрашенным цветными карандашами. От океана здесь и там поднимались рваные клочья тумана. Вдруг подумал, что очень странную веду жизнь: купил билет в один конец, назад уже не вернешься, даже если очень сильно захочешь. Течение Гольфстрим меня подхватило, и сейчас только вперед. Хочешь грести – греби, пожалуйста. А если не грести, то лодку все равно несет на запад, только очень медленно.

Именно поэтому я в постоянной тревоге: боюсь, что если не буду грести веслами, то мое плавание затянется надолго и у меня не хватит запаса пресной воды. Чтобы не думать, я со всей мочи налегаю на весла и пою во весь голос песни, которые приходят на ум. Еще до плавания я знал, что грести каждый день по 15 часов тяжело, но не представлял, что до такой степени. Похоже, что я здорово устал.

Красная луна

22 октября 2002 года, Москва. Из записей Ирины Конюховой

12:30. – Я прошел уже 40 миль за сутки. Сейчас гребу по курсу на северо-запад. Ветер попутный, помогает мне.

– Ты ночью тоже греб?

– Да, всю ночь.

– Луна светила тебе?

– Я расскажу тебе интересную историю, приключившуюся со мной. Я увидел на горизонте красный огонь. «Ну вот, опять какой-то пароход может создать угрозу моему движению», – с досадой подумал я. Красный свет стал расти на глазах, и я увидел, что это не пароход, а алый диск луны. Здесь, близко к экватору, луна красная. Ты такого еще не видела. Я подумал, нам нужно побывать с тобой в этих местах. Тебе понравится красная луна.

Вчера вечером первый раз ты подкрепился горячим супом: залил кипятком сухой порошок с бульонным кубиком. У тебя есть пластиковые термосы с широким горлом для хранения горячей пищи. В них удобно заливать кипяток при сильной качке.

– Что происходит у вас? – спросил ты меня.

– Ничего такого, что смогло бы тебя удивить.

Наши разговоры покажутся кому-то детскими. Но только покажутся. В каждом человеке живет взрослый ребенок до конца его жизни. Не каждый хочет это признать. Но сердце не проведешь. Истосковавшись по детству, человек невольно совершает подлинные глупости, в отличие от тех, кто с наивной чистотой открыт для всех, как большой ребенок.

Я загнан в ловушку, как мышь в мышеловку

23 октября 2002 года

26°49’ с. ш., 18°40’ з. д.

07:22. Раннее утро. Солнце чувствуется даже сквозь тучи. Я поспешно вскочил. Глаза за ночь не отдохнули, из-под воспаленных век безостановочно текут слезы, как будто глаза засыпает песком. Это так морская соль разъедает зрачки.

09:00. Прошел 221 милю. Курс 220 градусов. Я думал, что моя лодка значительно продвинулась вперед, а когда посмотрел на GPS, то, к своему ужасу, обнаружил, что не прошел и пяти миль. Это немыслимо. Какая-то ошибка. Я загнан в ловушку, как мышь в мышеловку. Невероятно. Только и остается, что считать: это ошибка. Я ведь не ломовая лошадь и не бык, чтобы работать и работать без остановки, хотя меня никто не заставляет работать. А если я не буду грести веслами, то никогда не доберусь до земли, а я так хочу увидеть мою Иринушку.

22:35. Еще 25 миль позади. Зачем я их считаю? Это интересно людям, но может не понравиться Океану. У него может создаться впечатление, что я спешу его поскорее покинуть.

Разве преодолеть мне бесконечность?

24 октября 2002 года

24°59’ с. ш., 19°33’ з. д.

Прошел подводную гору Эндевр. На рассвете две волны хорошо лодку прихлопнули. Но, слава Богу, это позади.

12:30. Я все гребу, но разве преодолеть мне бесконечность? Я гребу на запад, где садится солнце, и радуюсь вечерней прохладе.

18:30. Прошел 303 мили. В душной каюте глотаю, обжигаясь, сублимированный суп из мяса и овощей, приправленный соевым соусом. Через открытый люк каюты смотрю на океан кирпичного цвета. В этой цветовой гамме есть что-то порождающее беспокойство. Горизонт тает в зеленой дымке.

Мое плавание – это мучительный поиск Господа Бога

25 октября 2002 года

24°19’ с. ш., 20°03’ з. д.

05:00. Вылез из каюты на палубу. С облегчением вдыхал свежий утренний воздух и всматривался в горизонт. Ни разу до сих пор не приходилось видеть такой далекий, с изгибом, горизонт. Пока стоял и любовался океаном, солнце начало нестерпимо печь затылок. Я скрючился в три погибели, будто меня молотком по голове ударили, и быстро натянул на голову шляпу с широкими полями.

Океан имеет гипнотизирующую власть и похож на нескончаемые церковные песнопения. Мое плавание – это мучительный поиск Господа Бога. Я в нем нуждаюсь.

Я стою на лодке, а солнце совершает дневной путь. Я вслушиваюсь в шепот океана. Затерявшись в бескрайней ночи, я молюсь. Один посреди безликой Вселенной.

Приспособился к жизни в океане

27 октября 2002 года

22°39’ с. ш., 21°53’ з. д.

17:30. Прошел 479 миль. Вечер, а день все не желает уходить. Солнце так раскалило океан, что без очков и минуты не посмотришь на него. Я приспособился к жизни в океане. Изо дня в день гребу, не поднимая головы. Вижу только катушку компаса и цифры на спутниковом определителе координат.

Решил не ждать дня рождения

27 октября 2002 года, Москва. Из записей Ирины Конюховой

– Мне захотелось чего-нибудь вкусненького. Сегодня я наконец добрался до отсека в носу лодки и достал первый твой пакет – подарок ко дню моего рождения. Решил не ждать этого события. Там ты положила конфеты «Рафаэлло». Я полакомился ими. Половину съел, а половину оставил на твой день рождения.

Мне нелегко было подбирать тебе гостинцы. Ты любишь шоколадные конфеты, но от них в первый же день твоего плавания осталась бы одна только растаявшая прогорклая масса. Карамель ты не очень любишь. Попробовала положить «Рафаэлло» и рада, что эти конфеты сохранились.

Ты благодаришь за перьевую ручку. Точно такой же ручкой ты рисовал эскизы к Лао-цзы, когда шел два года назад на яхте вокруг света. Но здесь, в этом плавании, тебе пока не удается ни писать, ни рисовать так, как ты задумал. Ты сейчас много гребешь и мало отдыхаешь.

Океан не обязан быть великодушным

29 октября 2002 года
21°30’ с. ш., 23°52’ з. д.

18:00. Прошел 626 миль. Насколько хватает глаз – беспорядочно вздымающиеся волны. Солнце стремительно зашло за горизонт. Все вокруг погрузилось в темноту. Ветер начал стихать. Ну, теперь надо грести. Нужно успеть пройти до темноты миль десять. Океан изматывает меня – он не обязан быть великодушным. Ничего другого не остается, как терпеть.

«Буревестник»

Сделать полтора миллиона гребков

31 октября 2002 года

20°37’ с. ш., 25°58’ з. д.

17:30. Прошел 759 миль. Пытаюсь мысленно, миля за милей, пройти путь до Барбадоса. В Лондоне конструктор моей лодки подсчитал, что потребуется сделать полтора миллиона гребков, чтобы очутиться на другой стороне океана. Каждый гребок продвигает лодку на три метра. Атлантический океан – это 3 тысячи миль, или 5400 километров. В день мне надо грести по 10–12 часов. Все плавание займет 100 дней. Значит, мне надо сделать полтора миллиона гребков. Но это теоретически, а на практике все по-другому, тут не подсчитаешь.

Кто кого переиграет?

1 ноября 2002 года

20°13’ с. ш., 26°33’ з. д.

09:00. Прошел 801 милю. Исподтишка, краешком глаза наблюдая за тем, как близко к борту подплывают дорады, я мучительно думал, должен ли я их загарпунить и приготовить себе еду или оставить жить в океане. Мне так жалко, когда приходится ловить таких красивых, величественных рыб. Но я должен есть. Продукты, взятые на Ла-Гомера, испортились от воды и солнца. Нужно отбросить сентиментальность и посмотреть фактам в глаза: у меня ничего нет на обед. Одну рыбину надо изъять из океана. Мне на день хватит одной или двух, в зависимости от величины. Самообвинения в жестокости оставим на будущее.

Голод убивает волю, мешает собраться с духом. Было бы глупо отказаться от пищи, если она находится рядом. Но не буду спешить. Пусть еще несколько минут поживет такая красивая рыба в чистой воде океана.

Мое плавание как игра – кто кого переиграет. Океан или я. Игра длится без устали. Сколько ей еще продолжаться?

«Дорада»

Все происходит впервые

1 ноября 2002 года, Москва. Из записей Ирины Конюховой

– У меня ветер начал усиливаться. Два дня будет сильный попутный ветер. Я выбросил плавучий якорь, иначе не справлюсь с управлением лодкой. Прошел за сутки хорошо, 63 мили. Погода солнечная.

– У тебя наступило утро?

– Да, у меня сейчас около девяти часов утра. Ты же знаешь, я могу звонить тебе только тогда, когда светит солнце. Тогда у меня аккумуляторы заряжаются от солнечных батарей. Как ты спала?

– Ночью меня разбудили черепашки. Они зашевелились в корзине. Когда тихо, шелест сена в корзине кажется треском деревьев под напором сильного ветра. Может быть, им жарко у батареи? Я переставила корзину в более прохладное место. У них сейчас сезон спячки. Нефертити уснула, а Соломон под утро опять проснулся и сейчас пытается вылезти из корзины.

Он смотрит на меня своими масляными черными глазками и ждет, когда я ему помогу выбраться.

– А у меня ночью по левой стороне пролетал большой метеорит. Я успел загадать желание, чтобы ты всю жизнь меня любила.

– Это желание ты можешь не загадывать. Так и будет.

День 18-й

2 ноября 2002 года
19°51’ с. ш., 27°07’ з. д.
02:30. Прошел 846 миль. Шторм.

Жизнь дается нам в радость

2 ноября 2002 года, Москва. Из записей Ирины Конюховой
12:30. У тебя шторм. Он вымотал тебя за ночь.

– Так всегда, когда умирает луна и рождается новая. Океану передаются ее муки, и он всегда штормит в это время. Вместе с океаном мучаюсь и я.

Ты соскучился по свежему лесному воздуху, по запаху деревьев и трав. Тебя сейчас тянет ко всему земному. Но твоя участь – вдыхать запах пластика и поролона, перемешанный с запахом плесени в тесном темном пространстве.

Будем ждать, когда народится новая луна. Ее роды успокоят океан, и ты почувствуешь облегчение.

– Я мечтал быть близко к океану. Я хотел каждое утро просыпаться, чистить зубы морской водой, готовить еду на морской воде, а потом писать об океане и рисовать его. Ничего не выходит. Я прячусь от океана в душную каюту, я спешу быстрее его пройти и скучаю по той жизни, что оставил на берегу.

Я знаю, эти слова не признак твоего отчаяния. В тебе глубоко живет надежда. Я знаю, это только начало плавания. Родится луна, перестанет дуть ветер, и наступивший штиль принесет тебе радость общения с океаном. Дождись этого, и когда станет так, не спеши грести. Поживи в покое, отдохни немного. Жизнь дается нам в радость.

23:45. Ты не звонишь. То, чего мы боялись, произошло. У тебя неполадки с телефоном, ты не можешь дозвониться до меня.

Остается только молиться.

Бутылка с письмом

3 ноября 2002 года
19°12’ с. ш., 27°57’ з. д.
9:00. Прошел 916 миль.

Сколько марок ни наклей на письмо, не имеющее адреса, оно просто вернется обратно. Так и здесь, в океане, сколько ни бросай за борт бутылок с письмами к моей Иринушке, они, эти письма в бутылках, будут вечно плыть по течению и нигде не прибьются к берегу. И, кроме меня, никто не сможет получить эти письма. Пишу так не потому, что я слишком много думаю об этом. Просто я вчера выловил бутылку с моим письмом к Иринушке, которую бросил два года назад, когда участвовал в гонке вокруг света. Сейчас я нахожусь в тех же широтах, где был прежде.

Изматывающая жара

5 ноября 2002 года

Утро. Небо все затянуто тучами, без просвета, ветер стих. Но чувствуется по воздуху – ненадолго. Ночь прошла спокойно.

12:00. По прямой на восток 800 миль до африканского берега, до Мавритании[123]. Восточный ветер и сюда приносит красную пыль из Сахары. На палубе, там, где белая поверхность, виден тонкий слой этой пыли.

Всю ночь я обливался потом от непрестанной гребли, а когда взошло солнце, захотелось выпить кружку чая, но болтанка не дает разжечь печь. А солнце все выше и выше выкатывается на небо. При одной лишь мысли об ослепительном солнце вся моя кожа вздувается волдырями.

20:00. 18°12’ с. ш., 30°18’ з. д. За 12 часов прошел 34 мили. Это хорошо, слава Богу. Звезды взошли. Там, на берегу, у людей своя жизнь, здесь у меня своя, и всегда кажется, что чужая жизнь слаще.

Без луны ночи темные и страшные

6 ноября 2002 года

17°41’ с. ш., 37°17’ з. д.

18:00. Прошел 1145 миль. Я долго работал, чтобы переплыть на весельной лодке Атлантический океан. Но с каждым гребком весла эта цель вдруг стала терять свою привлекательность. Может быть, важно не то, что ты сделал, а то, что собираешься сделать!

20:00. Солнце зашло в темный горизонт, и через несколько минут из туч на западной стороне неба вышел тоненький месяц. Как я обрадовался! Когда нет луны, ночи темные и страшные, а с луной веселее и спокойнее.

Снаружи послышались звуки, всплеск воды. Я выскочил из каюты: вдоль борта лодки плыли несколько больших барракуд. Схватился за подводное ружье – в глубине души затеплилась надежда: может, все-таки загарпуню одну. Но, когда снова посмотрел за борт, там были лишь маленькие рыбки. С силой нажал на курок: на худой конец, хоть небольшую рыбешку подстрелю. Гарпун врезался в воду – только брызги разлетелись, но он, пустой, повис на тонкой леске. Придется снова есть прокисший рис. До чего ж эта пища мне надоела!

День 24-й

8 ноября 2002 года
16°51’ с. ш., 32°46’ з. д.
23:55. Как марионетка с перерезанными ниточками, я бессильно рухнул на днище лодки, мне хотелось одного: уснуть и долго не просыпаться.

Господи, дай нам мудрости и терпимости

8 ноября 2002 года, Москва. Из записей Ирины Конюховой
22:10. На мониторе компьютера я все время смотрю на карту твоего движения. Совсем немного – и ты одолеешь половину пути. Ты в центре Атлантического океана, только рыбы и дельфины посещают тебя. Вы не делите между собой океан, он принадлежит всем живым существам, как и суша. Но люди привыкли делить землю. Они непрестанно выясняют отношения и порой никак не могут добиться согласия.

Тревожно

9 ноября 2002 года

Мне не нравится, как ведет себя сейчас погода. Небо затянуто тучами в несколько слоев, от высоких до низких, которые идут в разные стороны. Что-то тревожно.

18:00. 16°24’ с. ш., 34°10’ з. д. Прошел 1345 миль. Выглянув из кормового люка, я посмотрел вдаль на западный горизонт. Свет ударил в глаза, и все вокруг точно загорелось оранжевым пламенем. Горизонт чистый. Только заходящее солнце нарушает бесконечность. Правда, при таком ветре и пяти минут не пройдет, как появятся тучи и от солнца следа не останется. Да и сразу же начнется ночь. Я закрыл люк и лег спать.

В центре океана

9 ноября 2002 года, Москва. Из записей Ирины Конюховой

19:15. Ты еще пока в центре океана, но скоро твоя дорога будет рисовать кривую в сторону Карибских островов. Нет важнее для тебя события, как добраться до финиша.

У каждого свои даты. В Южном полушарии люди готовятся наблюдать солнечное затмение. Оно случится 4 декабря этого года, и его можно будет наблюдать полностью только в узком коридоре, проходящем через южную часть Африки, Индийский океан и Южную Австралию.

Если бы ты мне сейчас позвонил, я бы обязательно спросила, удавалось ли тебе наблюдать солнечное затмение в океане. Ведь ты пробыл в океане свыше 1000 дней. Ты плаваешь по нему почти двадцать лет. Ты стал человеком моря и не откажешься от океана до конца своих дней. Я знаю, ты все время думаешь о том, что делать со мной. Сколько мне еще ждать тебя на берегу и будет ли когда-нибудь наше одиночество вдвоем в океане? Ты часто говоришь, что мечтаешь об этом, но чего нам для этого не хватает? И ты, и я хотим быть вместе в океане. Чьей воли не хватает на осуществление этого желания?

Быть первым

10 ноября 2002 года

16°10’ с. ш., 34°44’ з. д.

Прошел 1385 миль. Мимо лодки – «чух» да «чух» – проплывают дельфины.

16:30. Будто от удара, у меня закружилась голова, охватил озноб. Крепко прижав к груди весла, я медленно сполз на дно лодки. Солнце, пробивающееся сквозь тучи, показалось удивительно маленьким и тусклым.

Ни одному человеку из России еще не удалось на веслах переплыть океан. Хотя была одна попытка: молодой парень из южного города, которого поддержала Английская ассоциация гребцов и предоставила ему лодку. Даже в газетах об этом писали. Старт ему дали с острова Ла-Гомера, но через несколько дней он вернулся обратно. И сейчас живет, наверное, спокойно под родительским кровом. Ну что ж, я буду первым!

Надо растить добро

11 ноября 2002 года

Утром прилетела птичка, покружилась и улетела на восток, хотя прилетела с запада. Тяжело грести, время идет очень медленно. Вперед движешься лишь с каждым взмахом веслами, и в каждом взмахе – сомнение, а у каждого сомнения – свое собственное оружие. И очень нелегко продвигать лодку вперед, споря с этими сомнениями, игнорируя их или отбрасывая.

В мучительной работе прошла ночь. Рассвело. Солнце взошло в **08:30.**

09:00. 15°47’ с. ш., 35°38’ з. д. Прошел 1447 миль.

Люди испокон веков хотят уничтожить зло, а может, лучше не уничтожать зло, а растить добро, тогда не останется на земле места для зла. Искореняя зло, можно случайно и добро уничтожить.

Я знал и раньше, что путешественник и художник, ломая основы стиля, желая выразить себя, всегда будет одинок. Я сторонюсь тех, кто осуждает людей, идущих в океан только затем, чтобы побыть в одиночестве. И я понял, что словами не докажешь, кто в этом мире живет правильно. Каждый житель нашей планеты думает, что он владеет истиной. Да, истина может быть только для тебя одного. Конечно, можно ее навязать еще кому-то. Но это уже не будет его истина. Потому что ты забрал у него свободу выбора.

Раб своей мечты

12 ноября 2002 года
15°46’ с. ш., 36°49’ з. д.

В розовой краске, разлитой утренним солнцем, с трудом можно различить пушистые застенчивые облака. Небо не предвещает прохлады, и мои мучения будут длиться еще долго. Жара хочет убить меня. Но пугаться нечего. Потерпевшие кораблекрушение гибнут не столько от голода и жажды, сколько от страха, что пищи и воды не хватит. Стоит только подумать, что проиграл, и в тот же миг начинается поражение.

20:00. 15°33’ с. ш., 37°17’ з. д. Кто способен построить лодку, пусть плывет в ней через океан, кто способен построить дом, пусть живет в нем. Что значит для путешественника оставаться дома? Это все равно что для художника не писать новые картины.

Начиная новые экспедиции, я совершаю мои шаги к Господу Богу. Путешественник не считает себя свободным. Он волен в своих поступках, но он раб своей мечты.

Месяц в пути

16 ноября 2002 года

Сегодня ровно месяц, как я в пути. Ровно месяц не видел глаза моей Иринушки. Как я по ней соскучился!

Господь Бог позволил спокойно пройти эту ночь, и утро было красивое: солнце вышло. Только чуть-чуть было в тучах, а так восточный горизонт светлый.

09:00. 15°15’ с. ш., 41°30’ з. д. Прошел 1814 миль. Сколько я хожу в океан на яхтах, и уже убедился точно: если встречается корабль в океане, обязательно наши курсы пересекаются. Вот и сегодня сработал эхоответчик. Он дал сигнал, что рядом идет корабль. Я выскочил и вижу: он идет прямо на нас – на меня и на лодку. Я связался с ними по рации. Хорошо, что там сразу ответили. Я их предупредил, что наши курсы сходятся. Люди на корабле взяли вправо, хотя им лучше было идти влево. А так мне пришлось развернуть лодку против волны и стоять на месте, ждать, пока он не пройдет.

Но все позади. Днем с проходящим судном легче связаться, а ночью сложнее. Обычно ночью никто не отвечает: судно идет на автопилоте и все спят.

Нам не до сна

16 ноября 2002 года, Москва. Из записей Ирины Конюховой

21:30. Звездное морозное небо. В Москве редко видишь звезды, чаще дымка. Но сегодня мне повезло, я увидела звезды. Один месяц прожит тобой в океане, и, судя по тому, как ты движешься, второй месяц ты можешь встретить уже на берегу. Но не будем загадывать. Главное – ты жив. Каждый день ты подаешь сигнал о себе, и после этого я могу немного вздремнуть. Хотя, честно признаться, я мало сплю, и если погружаюсь в сон, то ненадолго и урывками. Я знаю, почему так происходит. Ты не спишь, и мне нет покоя. Мы с тобой, словно волк и волчица, способны лишь на волчий сон.

– Я приду через три месяца, не раньше, – предупреждал ты нас. – В лучшем случае ждите меня к Рождеству.

Что бы ты сказал мне сейчас на этот счет? Я затаила дыхание и жду. Боюсь предсказывать. Ты еще в океане.

У меня еще есть силы

18 ноября 2002 года

14°51’ с. ш., 44°00’ з. д.

Сегодня у моей Иринушки день рождения. Как я ее люблю!

Рассвет был красивый: солнце выходило из-под тонких туч. Просматриваю свой дневник и подсчитываю количество пройденных миль. У меня еще есть силы, чтобы проводить за веслами по 15 часов в сутки. При такой работе лодка проходит за сутки 70 миль. За 32 дня прошел 2000 миль.

Время от времени ощущаю боли в спине. Часто думаю о том, что буду делать по приезде в Россию, если Бог позволит мне завершить это плавание благополучно. Думаю о своем творчестве, о новых экспедициях. Это обычная тема моих размышлений.

День 35-й

19 ноября 2002 года

14°15’ с. ш., 45°01’ з. д.

09:00. Прошел 2046 миль. Сегодня время тянется крайне медленно. Я залез в каюту в поисках воды. Все бутылки пустые. Надо запускать водоопреснитель. В каюте очень жарко, на палубе, наверное, легче переносить жару. Ветер, дувший со стороны востока, стал значительно свежее.

Звезды на небе неожиданно начали гаснуть.

– Опять этот рассвет!

Оставаясь в том же положении с веслами, я пристально смотрел на восток. На моем лице застыла заученная улыбка в ожидании восхода солнца. Сколько тысяч раз я видел, как красный диск солнца выплывал из океана на утреннее небо.

Искра Божья передалась мне от матери

20 ноября 2002 года

13°58’ с. ш., 46°14’ з. д.

09:00. Прошел 2125 миль. Сегодня и завтра надо смотреть в оба. Прохожу трассу судов Нью-Йорк – Бразилия.

21:00. Прошел 2168 миль. Стоит темная беззвездная ночь. Проснулся в тревоге от странного сна: в конце длинной, чуть извилистой улицы моего села Троицкого стояла мама и тихо смотрела вдаль. Моя мама принадлежит к чутким натурам. Сильное впечатление на нее производит природа, и в особенности море. Она выражает это так: «Выйдешь на берег моря, а горизонт-то синий-синий, а волны у берега зеленые, так и катят, и катят на песчаный берег, водичка-то такая чистая, чистая да холодная, а чайки кругом летают и кричат, и все кругом-то баска, так баска (то есть красиво)!»

Мне думается, что если и есть во мне искра Божья, то она передалась мне от матери, а энергию и неутомимость я унаследовал от отца.

Возможно ли!

20 ноября 2002 года, Москва. Из записей Ирины Конюховой

20:00. Уже две недели о тебе говорят как о рекордсмене. За прошедшую неделю ты побил свой же рекорд недельного перехода. Ты установил новый мировой рекорд – 499 миль за неделю. Люди дивятся. Специалисты говорят о том, что это феноменальный результат для маленькой весельной лодки, длина которой всего семь метров. Среднесуточная скорость за неделю – 71,3 мили. Возможно ли это? Так мчаться!

Завтрашний день так ненадежен

22 ноября 2002 года

13°27’ с. ш., 48°41’ з. д.

09:00. Прошел 2288 миль. Слава Богу, ночь прошла. Очень тяжелая была ночь. Шел дождь со шквалами. Он и сейчас идет, но хотя видно и белый свет.

21:00. 13°14’ с. ш., 49°10’ з. д. Прошел 2323 мили. Целый день шторм. Сейчас темнеет, небо затянуто тучами, ветер стих, но надолго ли? Боже милостивый, прости меня, грешного. Мой завтрашний день так ненадежен.

Хандра может свести с ума

23 ноября 2002 года
13°19’ с. ш., 50°23’ з. д.

21:00. Прошел 2400 миль. Кончился день, тлеют облака, света все меньше. Кажется, пот, прилипший к коже, проник в вены и изнутри сковал мою кровь. Чувствую себя больным, настроение испортилось, но все равно работаю.

Ручки весел толстые, неровно стертые от долгого употребления – никакого желания за них браться. Мне стыдно перед собой: такая хандра в конечном счете сведет с ума. Она понуждает бросить работу, а значит, никогда не добраться до суши. А у меня обязательств более чем достаточно. Лодку надо отдать тому, кому она принадлежит. Да и жене обещал вернуться через несколько месяцев.

А то, что меня увлек океан, было лишь попыткой, пусть хоть на время, убежать от нудных людей, бесцельно существующих в наших городах.

День 40-й, до финиша 500 миль

24 ноября 2002 года

13°21’ с. ш., 51°00’ з. д.

Ночь прошла спокойно. Поймал трех кальмаров.

09:00. Прошел 2438 миль. Даже не верится, что осталось 500 миль! Звезды изредка видны сквозь рваные тучи. Но у ветра не хватает сил их разогнать. Нынешней ночью вряд ли будет сильный ветер. Значит, я не буду торопиться выбрасывать за корму плавучий якорь.

Устал от качки

25 ноября 2002 года

13°14’ с. ш., 52°19’ з. д.

10:00. Большая радость. Только закончил читать утреннюю молитву Господу Богу, как услышал писк: «Фить-фить». Выглянул, а над головой две птички – тропические белохвосты. Они прилетели с Барбадоса, до которого еще 500 миль. Если птицы летают парами или в большем количестве, значит, близко земля.

Скоро должны появиться фрегаты[124]. Они отлетают от земли на 300 миль. Фрегаты не ночуют в океане.

12:45. Думал, у меня в термосе немного горячей воды для кофе, и решил выпить кофейку – уж очень спать хочется. Ночью не было возможности поспать – шли шквалы, тучи с дождем. И вот вместо кипятка залил кофе холодной водой. Надо быстрее заканчивать это плавание, я уже плохо контролирую себя. Устал от качки, все время без сна, без еды, все время работа и напряжение, боязнь, как бы лодка не перевернулась.

21:00. 13°24’ с. ш., 52°53’ з. д.

Прошел 2555 миль. За 12 часов прошел 34 мили.

Тяжело даются последние мили

26 ноября 2002 года

13°12’ с. ш., 53°05’ з. д.

03:30. Сегодня ровно 42 дня, как я в океане. Без отдыха гребу и гребу – весь день за веслами. Появилась резь в глазах, они слезятся, я моргаю, но не могу справиться с беспрерывно сыплющейся с головы солью.

Я взмок и начал плавиться, как воск. Мышцы рук и ног нервно вздрагивают. Намочил полотенце и набросил на голову. Но оно тут же упало, стоило мне сделать один взмах веслами. Вот только из-за этого хочется, чтобы скорее уж был какой-нибудь конец. Тело такое тяжелое, будто в железных доспехах лежу на магните.

Бесконечная работа

27 ноября 2002 года

13°23’ с. ш., 54°50’ з. д.

09:00. Прошел 2679 миль. За сутки прошел 87 миль. Это рекорд!

Очень сильное течение, оно как речка, даже так же шумит. До острова Барбадос осталось 250 миль, но я уже подолгу смотрю на горизонт.

21:00. Просто невыносимая сырость. Океан не отдыхает и не дает отдыха. Я все время в работе, рукавом рубахи непрерывно вытираю пот. Я не сплю. Ужас! И так каждую ночь.

Валюсь от усталости

28 ноября 2002 года

13°23’ с. ш., 56°02’ з. д.

Луна идет на убыль. Как раз на подходе к острову Барбадос ее не будет.

Наконец забрезжил серый рассвет, потом на небе проступили оранжевые тона. Пора грести. За час работы лодка продвигается вперед на 2–3 мили. Через 3–4 часа безостановочной гребли валюсь от усталости.

Я сделала главное – ждала тебя

28 ноября 2002 года, Москва, в ожидании посадки на самолет, летящий рейсом Москва – Лондон – Бриджтаун (Барбадос). Из записей Ирины Конюховой

20:15. Связь с тобой была потеряна на восемнадцатый день плавания. Жизнь крутилась своим чередом, но за неделю до твоего прибытия я потеряла аппетит, сон и покой. Я смотрела на людей отрешенными глазами, думая лишь о том, когда ты прибудешь. Я боялась опоздать, не встретить тебя. Когда обнаружила, что ты вот уже несколько дней несешься по 80–87 миль за сутки, я поменяла билеты и заспешила к тебе, бросив все свои дела. Я знала, что прилечу раньше. Ну и пусть, только бы не опоздать, не пропустить мгновение, когда ты будешь проходить к берегу.

Не успела сделать ничего важного, хотя нет, сделала главное – ждала тебя.

Кто услышит мой голос в океане?..

29 ноября 2002 года

13°18’ с. ш., 57°18’ з. д.

В **05:00** по местному времени встретил пароход, он прошел в двух милях от меня.

11:35. Поднялся ветер. Солнце было почти в зените. Горячий воздух вонзился в сухие легкие – дышать тяжело. И я закричал, как безумный: «Господи, когда же это кончится!»

Не было слов, которыми я мог бы выразить свое отчаяние. Я просто завопил изо всей мочи. Но в океане голос далеко не расходится. Тонкий и слабый, он рассеивается ветром.

Вдруг раздался ужасный храп, и я умолк. Справа по борту всплыл огромный кит, волна от удара его хвоста накатила на лодку, и она жалобно застонала. Вода схлынула с палубы, но успела заполнить кокпит.

Я дрожал, как будто удар волны пришелся по мне самому.

Ура-ура-ура!

30 ноября 2002 года

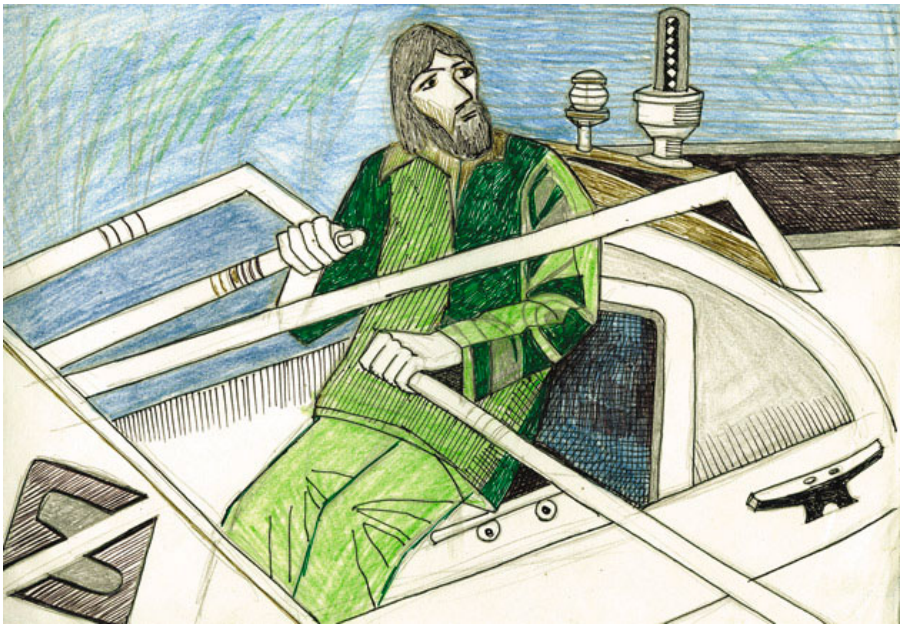
13°15’ с. ш., 58°36’ з. д.

09:00. Прошел 2920 миль. За сутки прошел 78 миль. Осталось до Барбадоса, до мыса Северный, ровно 60 миль. Сейчас утро, надо сделать расчеты скорости лодки, чтобы завтра на рассвете подойти к нему и уже засветло проходить. Это будет самый сложный день. Дай бы Бог пройти его благополучно.

20:35. Ура-ура-ура! Есть Барбадос. На закате солнце осветило, и чуть-чуть на горизонте виден остров. Сейчас 20 часов 35 минут. Я его увидел за 21 милю до начала острова. Он начинается с 59°25’ з. д.

– Ты меня любишь? – это будет первый вопрос, который я задам Иринушке, едва успев выскочить на берег Барбадоса и поцеловав ее в щеку.

21:00. Прошел 2950 миль. За кормой догоняет черная туча. Ночь будет неспокойная.



«Пересечение Атлантики на весельной лодке “УралАЗ”»

Заветная финишная линия

1 декабря 2002 года

13°21’ с. ш., 59°30’ з. д.

09:00. Застыв как изваяние под проливным дождем, я горящими от радости глазами впиваюсь туда, где виден остров Барбадос.

Как только лодка врезалась в берег Барбадоса, тут же решилась моя судьба. Я исполнил еще одну мечту: в одиночку на весельной лодке переплыл океан!

Встреча

1 декабря 2002 года, порт Сент-Чарльз, Барбадос. Из записей Ирины Конюховой

11:30. Твой путь завершен. Ты тяжело и отрывисто дышишь, как после долгого марафона. Твоя голова замерла на моем плече.

Весь вчерашний день, ночь и утро – сплошное и нервное ожидание. Выход в океан навстречу тебе задерживался. Сначала засобирались в час дня, потом в 11 часов вечера, затем выяснилось, что выход целесообразен не раньше 2 часов ночи.

В 2 часа 15 минут нового дня мы наконец вышли в океан, который встретил нас сильными волнами и пасмурной погодой. Томас Херберт, директор порта Сент-Чарльз, лично управлял своим спортивным катером Desperado, имя которого в переводе с испанского означает «Отчаянный». Локатор пытался определить твое местонахождение, но это никак не удавалось. Рация на катере, идущем тебе навстречу, долго молчала. К 4 часам утра ты откликнулся, и через 30 минут катер нашел тебя.

Мы были в океане еще шесть часов. Мы шли параллельно твоему движению в отрыве трех метров, не более. Как давно я не видела тебя так близко! Но ты еще так далек и недоступен.

Большие покатые двухметровые волны на подходе к Северному мысу резко вскидывались с разных сторон. В океане творился хаос, и как упорно огромная волна била твою лодку то с одного, то с другого бока. Ты казался сосредоточенным и спокойным. Но какой ценой тебе это давалось? Даже я чувствовала, как нещадно бьют волны твое судно, как молоток скорлупку.

Иногда ты исчезал в пучине больших гребней. А когда появлялся, то другая волна пыталась перевернуть твою лодку.

Я, не отрываясь, смотрела на тебя с кормы. Одна большая

волна окатила меня и привела в чувство, но ненадолго. Как завороженная я снова следила за твоим движением.

– Ты хорошо выглядишь, – крикнула я тебе, когда твоя лодка случайно приблизилась к катеру так, что ты мог меня услышать. Ты заулыбался.

На подходе к порту ты пересек заветную финишную линию, и на нашем катере заговорили о мировом рекорде, который ты поставил. Ты опередил прежнего рекордсмена на 11 дней, промчался на весельной лодке через океан за 46 дней 4 часа. Но какой ценой?

Люди на катере праздновали твою победу, но ты все еще греб. Эти последние несколько часов, что ты был еще в океане, прежде чем причалить к берегу, – сколь тяжелы они! Я чувствовала это.

Со стороны смотрящих на тебя твое тело спокойно и уверенно двигалось в такт движению рук и мускулов ног. Но глаза выдавали. В них неимоверная усталость.

На причале ты еле передвигался. Тебе трудно было идти, и я боялась выпустить свою руку из твоей. Слезы потекли у тебя, когда мы присели в тень недалеко от здания таможни и ты сказал журналистам заветные слова:

– Вот я и приплыл.

Ты сказал, что эта экспедиция была самой тяжелой в твоей жизни. Она несравнима по трудности ни с Эверестом, ни с кругосветным плаванием вокруг мыса Горн.

– Самая тяжелая, – повторил ты.

Помолчав, ты посмотрел на меня и сказал:

– Суши, Ирочка, весла.

После многих недель я наконец перешел на третью лодку
Атлантический океан и сказал: "Ульрика, дуй весла."
И она легко приподняла длинные весла
на уровень её задумчивых глаз.

«Уровень ее задумчивых глаз»

В этот день еще не успело стемнеть, а ты уже заговорил о новых планах. Я вздохнула с облегчением. Пусть они сбудутся, но не так скоро. Осмысли прожитое и наберись сил в тепле родного дома, на той земле, что дает нам покой.

notes

Сноски

1

Пунта-Аренас – город в Чили, расположен в 3090 км от Сантьяго. Пунто-Аренас – отправная точка для научных экспедиций в Антарктиду.

2

Пэтриот-Хиллз – американский базовый лагерь, располагающийся на южной оконечности горной гряды Элсуэрт, которая включает в себя также самую высокую гору Антарктиды – Винсон.

3

Самые высокие горы Антарктиды. Расположены в 1200 км от Южного полюса и являются частью горной гряды Элсуэрт. Длина массива – 21 километр, ширина – 13 километров. *Здесь и далее прим. ред.*

4

Пассажирский самолет DHC–6 Twin Otter.

5

Остров Беркнер, или возвышенность Беркнер, – высокий ледяной остров в Антарктиде, примерно 320 км в длину и 135 км в ширину.

6

Полюс относительной недоступности – это точка, которую наиболее трудно достичь из-за ее удаленности от удобных транспортных путей. Термин описывает географическую точку, а не физический феномен и представляет интерес скорее для путешественников. В 1986 году экспедиция советских полярников под руководством Дмитрия Шпаро достигла полюса недоступности пешком в условиях полярной ночи.

7

Гималаи – высочайшая горная система Земли, которая раскинулась на территории Индии, Непала, Китая (Тибетский автономный район), Пакистана, Бутана.

Имеются в виду географические минуты.

9

1 минута = 1 миля = 1,61 км.

10

Рерих, Николай Константинович (1874–1947) – русский художник, сценограф, философ-мистик, писатель, путешественник, археолог, общественный деятель. Автор идеи и инициатор Пакта Рериха, основатель международных культурных движений «Мир через культуру» и «Знамя мира».

11

Коржаков, Александр Васильевич – сотрудник КГБ, начальник охраны Б. Н. Ельцина (затем руководитель самостоятельного ведомства – Службы безопасности Президента Российской Федерации).

12

Тарпищев, Шамиль Анвярович (род. в 1948 году) – теннисист, тренер, деятель советского и российского спорта.

13

Другое название – Джомолунгма, высочайшая вершина Земли. Расположена в Гималаях, в хребте Махалангур-Химал. Южная вершина лежит на границе Непала и Тибетского автономного района (Китай), северная (главная) вершина (8848 м) расположена на территории Китая.

14

Седов, Георгий Яковлевич (1877–1914) – российский гидрограф, полярный исследователь, старший лейтенант флота. Выходец из рыбацкой семьи. Организовал экспедицию к Северному полюсу, во время которой умер, не достигнув заявленной цели.

15

Бессарабия – историческая область в Юго-Восточной Европе. Сейчас территория Бессарабии входит в состав Украины и Республики Молдова.

16

Крайняя южная точка архипелага Огненная Земля, расположен на острове Горн, омываемом водами пролива Дрейка. Во время кругосветных регат моряки почти всегда огибают мыс Горн (если маршрут проложен не через Панамский канал), что является одной из знаковых точек всего плавания.

17

Часовня в память о погибших моряках и путешественниках установлена Федором Конюховым в 2004 году на собственные средства. Расположена в Москве, во дворе дома № 77 на Садовнической улице.

18

Уэмура, Наоми (1941 – предположительно 13–15 февраля 1984) – японский путешественник, проходивший по экстремальным маршрутам в разных точках мира. Многие путешествия совершил в одиночку.

19

Вершина Мак-Кинли – двуглавая гора на Аляске. Находится в центре национального парка Денали.

20

Шпаро, Дмитрий Игоревич (род. в 1941 году) – известный советский и российский путешественник и писатель. Его экспедиция 1979 года первой в мире достигла Северного полюса на лыжах.

21

В мае 2007 года Федор Конюхов пересек Гренландию на собачьих упряжках от восточного побережья (поселок Исорток) через ледовый купол до западного побережья (поселок Иллулисат) вдоль Полярного круга. Установлен рекорд пересечения Гренландии на этом маршруте – 15 суток и 22 часа.

22

19 мая 2012 года в составе российской команды «7 вершин» Конюхов совершил восхождение на вершину Эвереста по северному хребту (со стороны Тибета).

23

Федор Конюхов совершил восхождение на пик Мак-Кинли 26 мая 1997 года совместно с Владимиром Яночкиным (Москва).

24

Высочайшая точка Африки над уровнем моря (5895 метров). В рамках проекта «Семь вершин мира» Федор Конюхов совершил восхождение на Килиманджаро 18 февраля 1997 года.

25

Федор Конюхов планирует облететь Землю на воздушном шаре быстрее американца Стива Фоссета, совершившего такой полет 13 лет назад. Шар для Конюхова будет строиться в Англии в компании Cameron Balloons. Старт планируется из Австралии в июле или августе 2016 года.

26

Льюис Кэрролл. Приключения Алисы в Стране чудес (перевод Н. М. Демуровой).

27

Лао-цзы. Дао Дэ Дзин (перевод О. Борушко). Лао-цзы – древнекитайский философ VI–V вв. до н. э., один из основателей учения даосизма.

28

Петров-Камчатский, Виталий Натанович (1936–1993) – художник, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии художеств. Побывав на Камчатке, он создал один из главных циклов в своем творчестве – «Белая Чукотка». Кент, Рокуэлл (1882–1971) – американский художник, писатель, общественный деятель. В творчестве сочетал реалистическую манеру с романтическим символизмом.

29

Флп. 4:12.

30

Входят в состав Трансантарктических гор – системы хребтов в Антарктиде, протянувшейся от восточного побережья мыса Уэдделла до побережья мыса Росса на 4000 км.

31

Чуков, Владимир Семенович (род. в 1946 году) – профессиональный путешественник. Президент экспедиционного центра «Арктика» Русского географического общества. Организовал и руководил более чем 30 экспедициями в Арктике и Антарктиде. Первый человек в мире, четырежды автономно (без какой-либо помощи извне) на лыжах достигший Северного полюса. Почетный полярник, заслуженный мастер спорта СССР, выдающийся российский путешественник, генеральный директор Фестиваля великих путешественников.

32

Женская полярная научно-исследовательская лыжная команда, созданная в 1966 году Валентиной Михайловной Кузнецовой (1937–2010), российской полярницей, лыжницей, радиоинженером. Впоследствии международная общественная организация «Международный полярный экспедиционно-спортивный центр “Метелица”».

33

Нодья – таежный долго и сильно горящий костер, сложенный из бревен. Слово «нодья» – заимствование из финно-угорских языков.

34

Гора в Аргентине. Высота 6962 метра. Высшая точка Американского континента, Южной Америки, Западного и Южного полушарий. Федор Конюхов покорил вершину 9 марта 1996 года в рамках проекта «Семь вершин мира».

35

Бывший поселок городского типа, расположенный на берегу бухты Врангеля вблизи Восточного порта. Ныне отдаленный микрорайон г. Находки.

36

Хмыловка – село в составе Владимиро-Александровского сельского поселения Партизанского района Приморского края. Расположено на реке Хмыловка к востоку от г. Находки.

37

Гавр – один из крупнейших портов Франции, расположен на полуострове у глубоководной бухты, удобной для стоянки судов. Чарлстон – крупный порт на побережье Атлантического океана.

38

Город-порт во Франции, столица региона Вандея.

39

Бискайский залив – часть Атлантического океана, расположенная к северу от Пиренейского полуострова, омывает берега Испании и Франции.

40

1 морская миля составляет 1852 метра.

41

Другое название – Английский канал. Пролив между побережьем Франции и островом Великобритания.

SW – Юго-Запад; NW – Северо-Запад.

43

Название, данное моряками океаническим пространствам между 40° и 50° широты в Южном полушарии.

44

Металлическая коробка, служащая опорой для работающих частей машины (двигателя, насоса и т. п.) и предохраняющая их от загрязнения и повреждений.

45

Второй по населению (после Йоханнесбурга) город Южно-Африканской Республики. Расположен на юго-западе страны, на побережье Атлантического океана, недалеко от мыса Доброй Надежды.

46

Чичестер, Фрэнсис (1901–1972) – английский путешественник и мореплаватель. Совершил в 1966–1967 годах первое кругосветное путешествие на одиночной яхте «Джипси Мот IV». Сумел победить тяжелую болезнь – рак легких.

47

Дорада (другие названия – золотистый спар, спарус, аурата) – морской карась. Обитает в восточной части Атлантического океана и Средиземном море.

48

Барракуда – морская хищная рыба отряда кефалеобразных, морская щука.

49

Южный океан (устар. Южный ледовитый океан) – условное название вод трех океанов (Тихого, Атлантического и Индийского), окружающих Антарктиду и неофициально выделяемых иногда как пятый океан.

50

Мыс Игольный – южная оконечность Африки, территория ЮАР. Возвышается на 140 м.

51

Тасмания – австралийский штат, расположенный на одноименном острове в 240 км к югу от материка Австралии и отделенный от него проливом Басса.

52

Косатка – морское млекопитающее отряда китообразных, подотряда зубатых китов, семейства дельфиновых. Единственный современный представитель рода косаток.

53

Архипелаг Кергелен (острова Кергелен) – группа островов в южной части Индийского океана, состоящая из одного большого острова и около 300 мелких островов и скал.

54

Столовая гора расположена к юго-западу от Кейптауна на южном берегу Столовой бухты, ее силуэт изображен на флаге Кейптауна. Официально признана одним из семи новых чудес природы.

55

Водное пространство, разделяющее Австралию и Новую Зеландию, расстояние между которыми достигает приблизительно 2000 километров.

56

Область прояснения и относительно тихой погоды в центре тропического циклона.

57

Межостровное море на юго-западе Тихого океана. На севере ограничено островами Фиджи, на востоке – островами Кермадек, на юге – Новой Зеландией и Тасмановым морем, на западе – Коралловым морем. Названо морем условно, по наличию в этом районе глубокой котловины.

58

Один из двух главных островов Новой Зеландии. Приблизительно 76 % населения Новой Зеландии живут на Северном острове.

59

Маленькая группа островов в южной части Тихого океана. Находятся у северо-восточного побережья Северного острова Новой Зеландии.

60

Город и курорт на юге Уругвая, в департаменте Мальдонадо.

61

Мыс Восточный находится в восточной части Северного острова Новой Зеландии. Здесь расположен самый восточный в мире маяк (открыт в 1900 году).

62

Большое Магелланово Облако – карликовая галактика, спутник Млечного Пути, с территории России его никогда не видно.

63

Пролив соединяет южные части Атлантического и Тихого океанов. На севере пролив ограничен архипелагом Огненная Земля, а с юга – Южными Шетландскими островами (Антарктида).

64

Группа небольших островов в проливе Дрейка приблизительно в 100 км к юго-западу от мыса Горн. Это самая южная точка Чили и Америки как части света.

65

Фолклендские острова (также – Мальвинские острова) – архипелаг в юго-западной части Атлантического океана. Важный перевалочный пункт на пути из Атлантического океана в Тихий.

66

Мыс в Бразилии. На утесах мыса расположен маяк, на котором есть знак самой восточной точки материка, однако точно установлено, что крайней точкой является находящийся рядом мыс Сейшас.

67

Безостановочная гонка яхтсменов-одиночек вокруг света, организованная при финансовой поддержке французской провинции Вандея. Федор Конюхов принял участие в Vendee Globe в сезон 2000–2001 гг.

68

Языков, Виктор Аркадьевич (род. в 1948 году) – российский, советский яхтсмен, путешественник, проектировщик и создатель яхт, участник многих соревнований, регат и кругосветных гонок, десять раз пересекал Атлантический океан и три раза – Тихий, дважды обошел вокруг света в одиночку.

69

Мф. 5:40.

Также альпинистская веревка – специальная веревка с особыми динамическими и прочностными качествами, применяемая в альпинизме, скалолазании и спелеологии.

71

Югославия распалась на ряд независимых государств. Окончательно прекратила свое существование 3 июня 2006 г.

72

Берингово море – море на севере Тихого океана, отделяется от него Алеутскими и Командорскими островами; Берингов пролив соединяет его с Чукотским морем и Северным Ледовитым океаном.

73

Анкоридж – город в США, расположен в южной части штата Аляска. Крупнейший город и порт на Аляске.

74

Золотая лихорадка – неорганизованная массовая добыча золота на новых месторождениях, характеризуется стихийным наплывом старателей и хищническими методами добычи. Золотые лихорадки начались в середине XIX века и продолжаются в разных точках земного шара до сих пор.

Снэки традиционны для Америки, как правило, предназначены для быстрого употребления на ходу и рассчитаны на большой срок хранения. Это шоколадные батончики, разнообразные чипсы, попкорн и кукурузные палочки, орешки с сахаром или солью, сухарики.

76

Боро – название административно-территориальных единиц в некоторых, в основном англоязычных, странах. Сейчас боро существуют в Канаде, Великобритании, США, Австралии, Ирландии. В каждой стране термин обозначает разные виды территориальных единиц.

77

Уасилла – город, расположенный в боро Матануска-Суситна (штат Аляска, США). В Уасилле была выведена порода собак аляскинский кли-кай.

От англ. checkpoint – контрольная точка.

79

Скветна – название реки и населенного пункта, Йетна – название реки и расположенного возле нее населенного пункта на Аляске.

От англ. moose – американский лось.

81

Река на северо-западе Канады и в США (штат Аляска), впадает в Берингово море. Длина реки – 3100 км.

82

Фоссет, Стивен (1944–2007) – американский бизнесмен, воздухоплаватель, яхтсмен, совладелец фирмы Scaled Composites. Известен своими многочисленными путешествиями и рекордами в воздухоплавании и парусном спорте. 3 сентября 2007 года погиб, разбившись на одномоторном самолете.

83

Относительно узкий горный хребет длиной 650 км на Аляске. Высочайшая вершина Северной Америки – гора Мак-Кинли – находится на Аляскинском хребте.

84

Река на северо-западе Северной Америки, в штате Аляска. Впадает в залив Кускоквим Берингова моря.

85

1 акр = 0,405 га.

86

Расположен в ЮАР на Капском полуострове южнее города Кейптауна.

87

Территория Великобритании на юге Пиренейского полуострова. Оспаривается Испанией.

88

Слабое, умеренно теплое морское течение в северо-восточной части Атлантического океана. Протекает в южном направлении от берегов Португалии и севернее Канарских островов объединяется с Азорским течением в Канарское течение.

89

Один из Канарских островов, третий по величине. Столица – город Лас-Пальмас-де-Гран-Канария.

90

Макс Фриш. Назову себя Гантенбайн // Иностранная литература. 1975. № 6. [Фриш, Макс (1911–1991) – швейцарский писатель].

91

Архипелаг из 10 крупных и восьми мелких островов в центральной части Атлантического океана, к западу от Сенегала. На островах расположена Республика Кабо-Верде.

Лао-цзы. Дао Дэ Дзин (перевод О. Борушка).

93

То есть северо-западный.

Француз, участник гонки.

95

Архипелаг Кергелен (острова Кергелен) – группа островов в южной части Индийского океана, состоящая из одного большого и около 300 мелких островов и скал.

96

Два небольших вулканических острова в Индийском океане, принадлежат ЮАР.

97

Беринг, Витус (тж. Иван Иванович Беринг, 1681–1741) – мореплаватель, офицер русского флота, капитан-командор. По происхождению датчанин. В 1725–1730 и 1733–1741 годах руководил Первой и Второй Камчатскими экспедициями. Прошел по проливу между Чукоткой и Аляской (впоследствии Берингов пролив), достиг Северной Америки и открыл ряд островов Алеутской гряды.

Невельской, Геннадий Иванович (1813–1876) – российский адмирал, исследователь Дальнего Востока, основатель города Николаевск-на-Амуре. Доказал, что устье Амура доступно для входа морских судов и что Сахалин – остров.

99

Архипелаг из четырех островов в юго-западной части Берингова моря Тихого океана. Острова названы в честь открывшего их в 1741 году Витуса Беринга. На крупнейшем из них – острове Беринга – находится могила мореплавателя.

100

Также – Южный ледовитый океан. Условное название вод трех океанов (Тихого, Атлантического и Индийского), окружающих Антарктиду и неофициально выделяемых иногда как пятый океан.

101

Мелкий рыхлый лед.

102

Бонингтон, Крис (род. в 1934 году) – известный английский альпинист и путешественник.

103

Крис Бонингтон. В поисках приключений. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1987.

104

Бухта на острове Южная Георгия – крупном субантарктическом острове в Южной Атлантике.

105

Порт-Джексон – трехрукавный залив в юго-восточной части побережья Австралии, включающий в себя протяженную Сиднейскую бухту, а также менее протяженные залив Мидл-Харбор и бухту Норт-Харбор, имеющие общий пролив с Тихим океаном.

106

Элиста – город на юге европейской части России, столица и крупнейший административный центр Калмыкии.

107

Илюмжинов, Кирсан Николаевич (род. в 1962) – первый президент Республики Калмыкия (1993–2005), глава Республики Калмыкия (2005–2010).

108

Подвижное скопление сыпучего песка, навеянное ветром и слабо закрепленное (либо не закрепленное) растительностью. Разновидность дюн.

109

По имени Горацио Нельсона (1758–1805) – великого английского флотоводца, вице-адмирала. Бытует заблуждение, что адмирал Нельсон был слеп на один глаз. Однако это не так. В боях на Корсике он получил осколочное ранение правого глаза. Глаз не потерял, но стал им хуже видеть.

110

Кайнозойская эра – текущая эра геологической истории Земли. Началась 66 миллионов лет назад и продолжается до сих пор. Название предложено английским геологом Дж. Филлипсом в 1861 году.

111

Каспийское море – самое большое на Земле озеро, бессточное, расположенное на стыке Европы и Азии, называемое морем из-за своих размеров, а также из-за того, что его ложе сложено земной корой океанического типа.

112

Город в Дагестане на узком проходе между Каспийским морем и предгорьем Кавказа. Дербент считают одним из древнейших «живущих» городов мира. Первое упоминание Каспийских ворот – наиболее древнего названия Дербента – относится к VI веку до н. э., его приводит известный древнегреческий географ Гекатей Милетский.

113

Даргинцы – один из крупнейших народов Дагестана (Россия). Верующие даргинцы исповедуют ислам суннитского толка.

114

Другое название – Кумо-Манычская впадина (по названиям рек Кума и Маныч) – узкая низменность, разделяющая Ергенинскую и Ставропольскую возвышенности.

115

Субурган (монг.) – буддийское (ламаистское) культовое сооружение, хранящее священные реликвии, гробница лам в Монголии, Бурятии, Калмыкии.

116

Одно из старых значений слова «ремонт» – пополнение убыли конского состава, замена ставших непригодными лошадей.

117

«Соболь» – серия российских малотоннажных грузовых автомобилей, фургонов и микроавтобусов, производимых на Горьковском автомобильном заводе с ноября 1998 года.

118

Ахалтекинская лошадь (ахалтекинец) – верховая порода лошадей, выведенная на территории современной Туркмении предположительно около 5000 лет назад. Относится к числу чистокровных. Хорошо приспособлена к сухому жаркому климату и прекрасно акклиматизируется в любых условиях.

119

Лхаса – городской округ в Тибетском автономном районе КНР, традиционная резиденция далай-ламы. Буквально в переводе с тибетского означает «место богов».

120

Ступа – буддийское архитектурно-скульптурное и культовое сооружение, имеющее полусферические очертания. Исторически восходит к могильным курганам, сооружавшимся для погребения царей или вождей. Ступа Просветления – один из восьми традиционных видов ступ. Считается главным видом среди них.

121

Остров в Атлантическом океане, принадлежащий к архипелагу Канарских островов. В административном отношении принадлежит к провинции Тенерифе. Главный город – Сан-Себастьян-де-ла-Гомера.

122

Самый отдаленный остров Канарского архипелага. В 2000 году ЮНЕСКО занесла его в список «Заповедники биосферы».

123

Мавритания (полное название – Исламская Республика Мавритания) – государство в Западной Африке, омывается с запада Атлантическим океаном.

124

Род обитающих в тропиках и субтропиках птиц, родственных пеликанам и бакланам.